ЕВРОПА:
НОВОЕ СОСЕДСТВО 2007

Материалы международной научной
конференции студентов и аспирантов
6-7 мая 2007 г.
Вильнюс

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВИЛЬНЮС
2008

УДК 32+34+7+008](4)+940
ББК 66+67+85+71+63.3(4)
Е24

Рекомендовано к изданию:
Академическим советом магистерских, аспирантских и иных программ постдипломного образования ЕГУ
(протокол № 43-09 от 07 декабря 2007 г.);
Академическим советом бакалаврских программ ЕГУ
(протокол № 33-5 от 14 января 2008 г.);
Редакционно-издательским советом ЕГУ
(протокол № 4 от 26 января 2008 г.)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Европейского Союза и Совета министров Северных стран

Е24 **Европа** : новое соседство 2007 : сб. науч. тр. / редкол. : Г.Я. Миненков (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс : ЕГУ, 2008. – 252 с.

ISBN 978-9955-773-01-6.

В сборник включены материалы международной научной конференции студентов и аспирантов «Европа: новое соседство 2007», состоявшейся в Европейском гуманитарном университете в мае 2007 г.

Для преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных специальностей.

УДК 32+34+7+008](4)+940
ББК 66+67+85+71+63.3(4)

ISBN 978-9955-773-01-6

СОДЕРЖАНИЕ

IV. Современная (белорусская) культура: между тоталитаризмом и постмодерном

V. Трансформация постсоветских медиа

VI. Философия в современном мире

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поощрение научного творчества студентов и аспирантов всегда было в центре внимания Европейского гуманитарного университета. Вплоть до 2004 года, года незаконного прекращения деятельности университета в Минске, проводились ежегодные научные конференции студентов и аспирантов ЕГУ. Конференции приобрели международный статус, их материалы публиковались в специальных сборниках.

В 2005 г. ЕГУ возобновил свою деятельность в столице Литовской Республики г. Вильнюсе. И уже в 2007 г. была восстановлена традиция проведения студенческих научных конференций: в мае состоялась конференция студентов бакалаврских, магистерских и аспирантских программ ЕГУ под названием «*Европа: новое соседство 2007*». В конференции приняло участие более 100 студентов и аспирантов, включая и представителей белорусских вузов. Настоящий сборник материалов конференции включает лучшие доклады и выступления ее участников.

Символично, что конференция посвящена проблемам *нового соседства*. Как известно, в 2004 г. произошло существенное расширение Европейского Союза: в его состав вошли 10 новых членов, в том числе ближайшие соседи Беларуси. Одновременно Евросоюз стал проводить политику нового соседства, направленную на укрепление отношений со странами, которые в перспективе могут стать составной частью европейского сообщества. К сожалению, Беларусь отказалась от преимуществ, предлагаемых политикой нового соседства, и обрекла себя на искусственную изоляцию от общеевропейских процессов. Однако это бесперспективный путь. У Беларуси европейское будущее. Именно эта идея всегда определяла наше понимание миссии ЕГУ. Этой миссии университет остался верен и на новом этапе своего существования. Более того, факт нахождения ЕГУ в Литве, стране, входящей в Евросоюз, превращает университет в

символ политики нового соседства, усиливая его функцию медиатора в поле социального и гуманитарного знания.

Доклады и выступления участников конференции посвящены самым различным политическим, правовым, социокультурным, философским проблемам. Однако при всем разнообразии подходов и рассматриваемых вопросов есть ряд общих моментов: стремление говорить языками современного социального и гуманитарного знания, видение европейского будущего Беларуси и попытки прописать пути его приближения, выявление особенностей белорусской культуры и одновременно показ ее глубокого включения в общекультурную динамику и взаимодействие в общем пространстве с культурами соседних народов, определение путей и конкретных форм демократизации белорусского политико-правового, культурного и медийного пространства.

Европейский гуманитарный университет функционирует в настоящее время как университет в изгнании. Это нелегкая судьба. Но это и благородная миссия – работа на европейское будущее нашей страны. Можно противостоять будущему, однако такое противостояние неминуемо обречено на поражение. Будущее всегда наступает, как бы ему не сопротивлялись. Сборник материалов конференции – один из знаков того, что желаемое для страны будущее не за горами…

кандидат философских наук, профессор
Григорий Миненков

I.

БЕЛАРУСЬ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Сяргей Богдан
(ЕГУ, г. Вільня)

ТРАНСФАРМАЦЫЯ ПАЛІТЫЧНАЙ СЫСТЭМЫ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ У 1997–1999 гг. У КАНТЭКСЬЦЕ КАНСАЛІДАЦЫІ АЎТАРЫТАРНАГА РЭЖЫМУ: ПЭРЫЯДЫЗАЦЫЯ, АСНОЎНЫ ЗЬМЕСТ І ТЭНДЭНЦЫІ

Для фармаваньня сучаснай палітычнай сыстэмы Рэспублікі Беларусь 1997–1999 гг. мелі асаблівае значэньне як пэрыяд кансалідацыі аўтарытарнага рэжыму. Гэта – час пералому, канчатковага выкараненьня праяваў адноснага палітычнага плюралізму папярэдніх гадоў. Адначасова заканчваецца якаснае пераўтварэньне рэжыму, які набывае выразна аўтарытарныя і султаніसцкія рысы[1].

Рэфэрэндум 1996 г. па зьмяненьні Канстытуцыі мы прымаем за пачатковы пункт гэтага пэрыяду. Але ён быў толькі адным з крокаў па ўсталяваньні аўтарытарнага рэжыму, якое вымагала карэнных зьмяненьняў ва ўсіх сфэрах і інстытуцыях грамадзтва. Нават пры той раскладцы палітычных сілаў, якая склалася пасьля рэфэрэндума, рэжым ня быў дастаткова стабільным. Стабільнасьць у доўгатэрміновым пляне была забясьпечаная рашучай палітыкай А. Лукашэнкі па перафарматаваньні палітычнае прасторы. Пасьля рэфэрэндуму ў 1997–1999 гг. адбываецца перабудова ня толькі інстытуцыяў, але і самога мэханізму дзяржаўнага

[1] Лілія Шаўцова, напрыклад, прапаноўвала згрупаваць Казахстан, Азэрбайджан, Узбэкістан, Кыргызстан, Беларусь, Таджыкістан і Туркмэністан у катэгорыю “openly sultanistic regimes” (гл. [22, p. 65].

кіраваньня (уключаючы, напрыклад, забесьпячэньне ляяльнасьці чынавенства праз паказальныя рэпрэсіі, альбо гвалт, у тым ліку выкраданьні, як сродак нэўтралізацыі палітычных апанэнтаў). Пэрыяд завяршаецца пры канцы 1999 г. – выразным правалам шэрагу праектаў апазыцыі (альтэрнатыўнай сыстэмы ўлады ВС, прэзыдэнцкіх выбараў і г.д.), расколам БНФ, маргіналізацыяй апазыцыі і нэўтралізацыяй яе патэнцыйных лідэраў (праз эміграцыю, зьняволеньне ці выкраданьне), але і сымптомамі пазытыўных тэндэнцыяў (пераарыентацыяй і апазыцыі, і ўлады на ідэі нацыянальнай дзяржаўнасьці).

Асноўным зьместам гэтага пэрыяду ёсьць:

● Зьмяненьне праўных рамак, якое часам азначала іх выцясьненьне нефармальнымі інстытуцыямі і мэханізмамі («тэлефоннае права» і г.д.). Адбываюцца перарэгістрацыі партыяў і недзяржаўных арганізацыяў.

● Чыстка дзяржаўнага апарату ад патэнцыйных перабежчыкаў і папярэджаньне «змычкі» апазыцыі і незадаволенага чынавенства.

● Пашырэньне гвалту ў палітыцы: буйнамаштабнага (разгон дэманстрацыяў) і экстрэмальнага (зьнікненьні).

● Імклівае разьвіцьцё і канчатковы заняпад з сыходам Ельцына інтэграцыйнага праекту Лукашэнкі.

● Правал спробаў апазыцыі правесьці шырокамаштабную мабілізацыю незадаволеных масаў.

● Пераключэньне непрапарцыйна вялікай долі ўвагі апазыцыі на вонкавапалітычныя чыньнікі.

Паспрабуем вылучыць асноўныя напрамкі разьвіцьця палітычнай сыстэмы ў гэты пэрыяд.

1. Рэарганізацыя сыстэмы ўлады. Сфармаваная Лукашэнкам сыстэма дзяржаўнага кіраваньня забясьпечыла яму кантроль над ўсімі сэгмэнтамі дзяржавы пры адсутнасьці канкрэтнай адказнасьці за вынікі кіраваньня шляхам яго дэлегаваньня аднachасова некалькім органам. Напрыклад, кіраваньне эканомікай ажыцьцяўлялі паралельна тры структуры, а паўнамоцтвы асобных органаў заставаліся нявызначанымі; выканаўчымі паўнамоцтвамі валодалі адначасова Саўмін і Адміністрацыя прэзыдэнта.

Па меры ўмацаваньня рэжыму прэзыдэнт фактычна выпраўляе ў сыстэме дзяржаўнага кіраваньня ранейшыя адыходы

ў бок дэмакратызацыі, што надае палітыцы Лукашэнкі адценьне рэстаўрацыі. Гэта заўважна на прыкладзе кадравай палітыкі. Чыноўнікі, якія арыентаваліся на эканамічныя рэформы, сышлі з сваіх пасадаў яшчэ перад рэфэрэндумам 1996 г. У атачэньні Лукашэнкі пераважалі прадстаўнікі партыйна-гаспадарчай намэнклятуры. Значнай зьмены бюракратыі сярэдняга і вышэйшага ўзроўню пасьля лістападу 1996 г. ня мела месца, як не было яе і пасьля 1994 г.

Структуры ўлады, як лічыць І. Екадумава, у рэжыме Лукашэнкі пабудаваныя на «патранажна-кліентэлісцкіх узаемінах», пад чым яна разумее форму вэртыкальнай салідарнасьці, у якой асымэтрычная ўлада ці няроўнасьць спалучаецца з салідарнасьцю, а патэнцыйны ці рэальны ўціск – з падкрэсьліваньнем добраахвотнасьці сувязяў [2, с. 163]. Паўнавартасныя групоўкі ва ўладзе не склаліся, што на нашу думку, тлумачыцца асаблівасьцямі Беларусі, дзе існуе атамізаванае грамадзтва і скрайнія дзяржаўніцкія погляды ўласьцівыя амаль ўсім палітычным групоўкам[2].

У разгляданы пэрыяд Лукашэнка імкнуўся падтрымліваць стан супрацьстаяньня і барацьбы з тымі ці іншымі сіламі, у выніку чаго, піша В. Карбалевіч, ён разгарнуў «халодную грамадзянскую вайну» [7]. Як нагадвае К. Мацузата, «у 1997 г. Лукашэнка пасьля зьнішчэньня варожых яму палітычных інстытутаў і зьдзейсьненага дэ-факта дзяржаўнага перавароту не аслабіў, а актывізаваў кампанію супраць эліт... павялічылася колькасьць паказальных працэсаў над прадстаўнікамі топ-эліты... у жорны праваахоўных органаў траплялі і людзі, ляяльныя Лукашэнку аж да дня арышту» [10, с. 100].

На думку В. Булгакава, палітычная культура Лукашэнкі спалучае праграмны папулізм, ідэйны эклектызм і палітычны апартунізм як мэтады з вартасьцямі этнічнай беларускай і савецкай палітычнай культуры як зьместам. «Гэта дазваляе Лукашэнку прадаваць свой палітычны тавар адразу некалькім уплывовым грамадзкім групам, а падчас палітычных кампаніяў фармаваць “сытуацыйную бальшыню” на базе кааліцыі меншынь» [1, с. 35]. Такі падыход Лукашэнкі застасаваў яшчэ ў змаганьні з парлямэнтам. Прэзыдэнт варагаваў з дзяржаўнымі ўстановамі, трымаючыся «саюзу

[2] Татальны этатызм беларускай палітыкі разгледжаны мной у артыкуле «Гэтым пераможам. Што нацыянальнаму руху рабіць зь дзяржавай?» // Наша Ніва. 2006. 25 жніўня.

правадыра і простага народу» супраць карумпаваных інстытутаў дэмакратычнай дзяржавы, што дазваляла «тэатралізаваць» уласную дзейнасьць.

У выніку канстытуцыйнае крызы 1996 г. ад улады была адсунутая значная частка палітычнай эліты, што на момант надало апазыцыйным сілам пэўны патэнцыял і стварыла пагрозу ўладзе Лукашэнкі. Таму ён усімі сродкамі ў наступныя гады нэўтралізуе апазыцыю. Наяўнасьць у краіне апазыцыйных партыяў і недзяржаўных арганізацыяў і грамадзкіх аб'яднаньняў дапамагала падтрымліваць міт, што прэзыдэнту «перашкаджаюць» і апраўдваць рэпрэсіі.

2. Стварэньне Нацыянальнага сходу. Ляяльным да прэзыдэнта дэпутатам ВС было прапанавана падпісаць заяву аб залічэньні ў Палату прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу (далей ПП НС). Урэшце 117 прапрэзыдэнцкіх дэпутатаў ліквідаванага парлямэнту абвесьцілі сябе першай ПП НС.

Разьвіцьцё парлямэнтарызму ў краіне ў разгляданы пэрыяд пацьвярджае думку Томаса Карозэрса аб аблуднасьці парадыгмы пераходу [19, р. 5–21]. Фактычна, замест далейшае дэмакратызацыі ў Беларусі, пачынаючы з 1996 г. (калі не з 1994 г.) адбываецца адваротны працэс. Выбары ўсё больш набываюць формы савецкага дарэформавага пэрыяду. З палітычнага змаганьня выключаюцца палітычныя арганізацыі, сутнасьць якіх зьвязаная з барацьбой за ўладу – партыі. Парлямэнт (Палата Прадстаўнікоў і шырэй Нацыянальны сход) набывае непалітычны характар і становіцца, па словах А. Зелімханава, «прыдаткам улады выканаўчай», дзеля чаго прадстаўнічая галіна ўлады як такая траціць raison d'être свайго існаваньня.

Нацыянальны сход I скліканьня тэхнічна, амаль без абмеркаваньня прымаў колішнія распрацоўкі ВС ды прэзыдэнцкія праекты. Нягледзячы на прысутнасьць у ПП НС камуністаў КПБ, дэпутаты ў новым парлямэнце не выказвалі жадных ідэалягічных прыхільнасьцяў.

3. Усталяваньне кантролю над судовай уладай. Важным крокам прэзыдэнта ў мэтах кансалідацыі ўлады была замена судзьдзяў Канстытуцыйнага Суду. Згодна новай Канстытуцыі КС быў пазбаўлены права ўзбуджаць справы на ўласную ініцыятыву,

а яго пастановы згубілі абавязковую сілу. Згодна Канстытуцыі 1996 г., палова судзьдзяў КС, у тым ліку старшыня, прызначаюцца прэзыдэнтам, а другая палова абіраецца верхняй палатай Нацыянальнага сходу.

15.07.1997 г. зьменены Закон аб Канстытуцыйным Судзе, які быў пазбаўлены права даваць заключэньні аб парушэньні прэзыдэнтам Канстытуцыі, а таксама разглядаць справы на ўласную ініцыятыву. Адначасова Суд атрымаў права на прапанову прэзыдэнта даваць заключэньні аб парушэньні Канстытуцыі парлямэнтам.

Пасьля рэфэрэндуму судовая сыстэма пачала працаваць усё больш згодна ўказаньням прэзыдэнта, дзякуючы атрыманаму ім праву выдаваць дэкрэты[3].

Судовая сыстэма Беларусі не зазнала значнага рэфармаваньня з савецкага часу і таму захады прэзыдэнта па ўсталяваньні кантролю над судамі не ўспрымаліся як нешта экстраардынарнае. Традыцыя падкантрольнай дзяржаве судовай сыстэмы зьяўляецца адзіна вядомай для большасьці грамадзтва і палітычнай эліты мадальнасьцю і формай існаваньня судовай галіны.

4. Умацаваньне кантроля над грамадзтвам. Пасьля рэфэрэндума былі зьмененыя праўныя рамкі дзейнасьці палітычных партыяў і грамадзкіх арганізацыяў. У сакавіку 1997 г. Рада бясьпекі стварыла камісію па праверцы фінансавай дзейнасьці найбуйнейшых грамадзкіх аб’яднаньняў. Накладзеныя ёй санкцыі спрычыніліся да спыненьня дзейнасьці шэрагу разьмешчаных у Менску арганізацыяў, з 1998 г. перасьледы грамадзкіх арганізацыяў разгарнуліся ў рэгіёнох.

Была абвешчаная перарэгістрацыя да 1.08.1999 г. усіх партыяў і грамадзкіх аб’яднаньняў, пры якой арганізацыі павінны пісьмова заявіць, што яны дзейнічаюць згодна Канстытуцыі 1996 г., а дзейнасьць незарэгістраваных аб’яднаньняў забаранялася.

Дзеля ўмацаваньня грамадзкай падтрымкі сваёй улады, Лукашэнка пачаў ствараць арганізацыі кантролю важных для яго сацыяльных групаў. Прыхільнікі прэзыдэнта раскалолі Партыю камуністаў, якая ўлетку 1996 г. афіцыйна перайшла ў апазыцыю да Лукашэнкі. Адзін зь кіраўнікоў ПКБ Віктар Чыкін адкрыта

[3] Напрыклад, дэкрэт «Аб выкананьні судамі г. Менску дэкрэту прэзыдэнта РБ ад 05.03.1997» [13, с. 7].

перайшоў на бок Лукашэнкі і, скарыстаўшыся дапамогай былога кіраўніцтва КПБ, а таксама падтрымкай прэзыдэнцкай вэртыкалі, перацягнуў на свой бок частку чальцоў ПКБ і заснаваў прапрэзыдэнцкую Кампартыю Беларусі (КПБ).

Вулічныя акцыі 1996 г. выявілі актыўнасьць моладзі ў грамадзкім жыцьці, і 17.06.1996 г. прэзыдэнт заклікаў стварыць прадзяржаўную моладзевую арганізацыю накшталт камсамолу. Пасьля рэфэрэндуму з дапамогай мясцовай «вэртыкалі», розных дзяржаўных інстытуцыяў і навучальных установаў быў створаны Беларускі патрыятычны саюз моладзі (БПСМ), якому меркавалася даручыць каардынацыю дзейнасьці ўсіх моладзевых арганізацыяў.

5. Апазыцыя. Пасьля рэфэрэндуму 1996 г. апазыцыя апынулася па-за дзяржаўнымі органамі. Першы час большасьць дэмакратычных сілаў прабавіла ў чаканьні пераменаў. Меркавалася, што рэжым Лукашэнкі не праіснуе доўга ў такім выглядзе, бо яго не прызнае міжнародная супольнасьць і ён эканамічна нежыцьцяздольны.

Аднак для арыентаванага на Расею рэжыма пагаршэньне стасункаў з Захадам ня мела вялікага значэньня, нават па аб'ектыўных эканамічных прычынах, бо разьвіцьцё стасункаў з Расеяй пераважвала страту нязначных прэфэрэнцыяў на Захадзе, а палітыка ЗША да Беларусі не вызначалася ўвагай пасьля адмовы Беларусь ад ядравай зброі[4]. Расейскае ж кіраўніцтва не марудзіла з прызнаньнем рэфэрэндуму. Што да рэакцыі насельніцтва, дык млявае чаканьне апазыцыйнага кіраўніцтва, перадусім ВС, расчаравала дый адштурхнула ад палітыкі многіх удзельнікаў пратэстаў, і нават адзін з кіраўнікоў рэжыму В. Шэйман кажа ў другой палове 1998 г. пра «апатыю народа»[5].

Ацэнка сытуацыі апазыцыйнымі палітыкамі аказалася няслушнай, бо пагаршэньне адносінаў з Захадам не абыходзіла і большасьць насельніцтва, якое доўга існавала ў ізаляцыі ад Эўропы, тады як інтэграцыйная палітыка Лукашэнкі прынесла

4 Пра тое, у прыватнасьці, кажа колішні міністар замежных справаў Краўчанка на старонках сваёй кнігі «Беларусь на распутье. Записки дипломата и политик»..

5 Распад грамадзтва // Наша Ніва. 1998. № 22. (http://nn.by/1998/22/01.htm)

людзям перавагі ў выглядзе магчымасьці заробкаў у Расеі. Чаканьне эканамічнага каляпсу аказалася хутчэй ідэалягічна напрарочаным, чымся навукова абгрунтаваным[6]. Некаторыя аналітыкі нават падкрэсьліваюць эканамічную сілу рэжыму, бо, маўляў, Лукашэнкаў стыль кіраваньня дазволіў пераадолець хаос у краіне[20].

Няздольнасьць да слушнага аналізу была сымптомам глыбіннае праблемы – прымітыўнасьці палітычнай культуры апазыцыі. Паводле В.Булгакава, яе «стаўленьне да палітыкі вельмі павярхоўнае і грунтуецца на дарэфлексійнай ацэнцы мэтадаў асобы, якую прынята называць галоўным палітыкам краіны. Іх [зь ім] яднаюць непавага да голасу іншага, нецярпімасьць і агрэсіўнасьць, гераічны патас ахвярнасьці ў імя вечных, універсальных вартасьцяў, вера ў прагрэсіўны, адзіна правільны характар сваёй пазыцыі і непазьбежнасьць яе гістарычнага трыюмфу»[1. с. 25].

Увесну 1997 г. стала ясна, што спадзяваньні на хуткія перамены ня маюць сэнсу. Хаця ў Менску адбыліся масавыя дэманстрацыі і сутыкненьні зь міліцыяй, але актыўнасьць апазыцыі была шмат слабейшай за 1996 г. На чарговым сойме БНФ заявіў, што ўлады Лукашэнкі не прызнае і будзе аддаваць перавагу акцыям пратэсту. АГП трымалася псэўдапарлямэнцкага курсу праз працу сваёй фракцыі ў ВС, а таксама ўтворанага ёй кааліцыйнага ўраду. Першай абвесьціла пра гатовасьць да перамоваў з уладай БСДГ («НГ»). ПКБ з-за расколу згубіла амаль палову складу, ідэалягічна, лічыць І. Екадумава, зсунуўшыся да сацыял-дэмакратыі.

Апазыцыйныя партыі, на думку Ю. Загуменнава, маюць пэўныя агульныя рысы. Яны спрабуюць захапіць уладу, не забясьпечыўшы сабе падтрымкі насельніцтва, а пакладаючыся на міжнародную ізаляцыю, якая, мяркуюць яны, прывядзе краіну да эканамічнага крызысу і сацыяльнай напружанасьці, з-за якіх і лясьне рэжым Лукашэнкі. З-за гэткага стылю мысленьня апазыцыя нават ня думае вырашаць у разгляданы пэрыяд сацыяльныя і эканамічныя праблемы рэфармісцкім шляхам дый байкатуе мясцовыя і парламэнцкія выбары"[3, с. 28–29].

[6] Як то Яраслаў Раманчук. Але нават колішні старшыня Нацбанку ня змог належным чынам ацаніць сытуацыю і прадбачыць магчымасьць эканамічнага ўздыму. Гл., напрыклад, інтэрвію ў газэце «Наша Ніва». 1999 № 23. (http://nn.by/1999/23/06.htm)

Прэзыдэнт пасьлядоўна і пасьпяхова выштурхнуў апазыцыю ў «трэці» сэктар, а аппазыцыя фактычна прыняла такую расkладку, арыентуючыся на стратэгію адыходу ад удзелу ў фармальных палітычных працэсох, арганізаваных уладамі. Існаваньне апазыцыі па-за межамі сыстэмнай палітыкі прывяло яе, на думку Зелімханава, да «стварэньня сваіх паралельных інстытутаў (Вярхоўная Рада, “паралельны ўрад” у форме НВК і “паралельная” ЦВК Ганчара), палітычных працэсаў (“альтэрнатыўныя” прэзыдэнцкія выбары 1999 г.), мэдыяў, нават сваіх сьвятаў, мастацтва, музыкі і культуры» [4].

6. Дзейнасьць Вярхоўнага Савета. Большасьць дэпутатаў, што працягвалі працу ў Вярхоўным Савеце, аддавала перавагу квіетысцкай пазыцыі працягу звычайнай работы ВС, спадзеючыся не дапусьціць так легітымізацыі і легалізацыі структураў, створаных на падставе рэфэрэндуму. Зь лютага 1997 г. каля 50 дэпутатаў ВС працягвалі працу ў форме абмеркаваньня на «дэпутацкіх сходах».

ВС карыстаўся маральнай падтрымкай і прызнаньнем заходніх краінаў і міжнародных арганізацыяў, але ня меў інструмэнтаў выкананьня сваіх рашэньняў. Важнай ініцыятывай ВС стала дзейнасьць Камісіі па праўнай ацэнцы дзеяньняў прэзыдэнта пад старшыньствам Ганчара. 14.10.1997 г. дэпутаты ўхвалілі справаздачу Камісіі ды выступілі з заявай аб немагчымасьці выкананьня Лукашэнкам прэзыдэнцкіх абавязкаў.

Праца камісіі Ганчара мела абмежаваны характар і мела стаць пачаткам узнаўленьня працэдуры імпічмэнту, а дэпутацкія сходы – атрымаць статус паўнамоцных паседжаньняў ВС. Сярод дэпутатаў пачаўся збор подпісаў за імпічмэнт, але пастанова аб пазбаўленьні мандатаў чальцоў Палаты прадстаўнікоў была заблёкаваная камуністамі, аграрамі і часткай сацыял-дэмакратаў. У выніку Вярхоўны Савет не вярнуў сабе права зьбірацца на паўнавартасныя парлямэнцкія сэсіі. ВС захаваў праўныя рамкі і легальнасьць ды здольнасьць выступаць з палітычнымі заявамі, але асудзіў сябе на маргіналізацыю.

7. Стасункі ўлады і апазыцыі. Прэзыдэнцкі бок адмаўляўся ад перамоваў з дэлегацыяй апазыцыі ў складзе чальцоў прэзыдыюму ВС Карпенкі, Грыба і Краўчанкі. Лукашэнка абвесьціў, што

будзе весьці перамовы з усімі партыямі гуртам, у тым ліку тымі, якія яго падтрымліваюць. Па прапанове дэлегацыі ЭЗ было вырашана падключыць да перамоваў усе фракцыі ВС.

Прэзыдэнт прадстаўляў перамовы як кансультацыі з групай грамадзянаў. У выніку не было дасягнута аніякіх істотных дамоўленасьцяў. У кампрамісе зацікаўленасьці не было, бо апазыцыя чакала, што становішча само сабой зьменіцца на яе карысьць, а прэзыдэнт хацеў стварыць толькі ілюзію дыялёгу, ня бачачы для сябе карысьці ў дамове з ВС. Ён атрымаў найбольшую карысьць ад перамоваў, выйграўшы час для маргіналізацыі апазыцыі і зьмякчэньня ды адаптацыі да вонкавапалітычных ускладненьняў.

Зь цягам часу роля міжнародных структураў у перамовах улады і апазыцыі пры пасярэдніцтве міжнародных структураў расла, а апазыцыі – зьмяншалася і ўсё больш вызначалася пазыцыяй міжнародных структураў. У мэтах падрыхтоўкі да паўнавартасных выбараў новага парлямэнту і прэзыдэнта НВК прапанаваў 24.11.1998 г. пачаць перамовы паміж прэзыдэнтам і ВС XIII скліканьня пры пасярэдніцтве эўрапейскіх структураў. У заяве НВК былі пералічаныя ўмовы правядзеньня свабодных дэмакратычных выбараў. Гэтыя ўмовы не былі выкананыя ні на выбарах у мясцовыя Саветы 1999 г., ні на выбарах у ПП НС 2000 г., таму апазыцыя іх байкатавала.

8. Прафсаюзы. Фэдэрацыя прафсаюзаў Беларусі (ФПБ) заставалася савецкай па сваёй сутнасьці і структуры. Яна адрозьнівалася ад самастойных ад улады прафсаюзаў большасьці краінаў сьвету, бо савецкія прафсаюзы згоднічалі з уладай. Аднак пасьля рэфэрэндуму 1996 г. ФПБ здавалася апошняй буйной арганізацыяй, якая заяўляла аб сваёй апазыцыі ўладзе.

Пасьля рэфэрэндуму 1996 г. ФПБ усё часьцей выступала з палітычнымі заявамі. Радыкалізацыі кіраўніцтва ФПБ спрыяў плян прэзыдэнта перадаць функцыю прафсаюзаў па арганізацыі адпачынку працоўных дзяржаве, бо гэта азначала страту ўплыву ФПБ на чальцоў прафсаюзу – маласьвядомых у палітычным і клясавым сэнсе, бо ранейшыя традыцыі клясавага змаганьня былі страчаныя за савецкім часам, да таго ж яны былі зьвязаныя з габрэйскім насельніцтвам. Гэтая сумнеўнай якасьці

радыкалізацыя прыводзіць да ўзьнікненьня ў апазыцыі правальнага праекту выкарыстаньня структураў ФПБ на выбарах 2001 г.

9. Грамадзкія арганізацыі. Ціск на недзяржаўныя арганізацыі (НДА) падштурхнуў іх скаардынаваць сваю дзейнасьць. 22.02.1997 г. была заснаваная Асамблея дэмакратычных няўрадавых арганізацыяў. На другой Асамблеі 14.11.1998 г. было абвешчана, што з 2,5 тыс. недзяржаўных арганізацыяў краіны 520 далучыліся да Асамблеі. Аднак, на думку Е. Мацькава, роля грамадзянскай супольнасьці ў Беларусі невялікая. «Аўтаномныя грамадзкія актары надта слабыя. Калі не зважаць на дробныя групы і арганізацыі, якія адмаўляюць рэжым Лукашэнкі, там няма грамадзянскай супольнасьці, якая магла б пераняць функцыі карэктара і крытыка палітыкі».

Прычыны палягаюць у фінансавай, арганізацыйнай и мэтадалягічнай залежнасьці беларускай апазыцыі, у прыватнасьці НДА, ад заходніх партнэраў і фундатараў. Як зазначае К. Мацузата, «негатыўныя наступствы існавання каланіяльных анклаваў грамадзянскай супольнасці праявіліся ў Беларусі больш яскрава, чым у іншых посткамуністычных краінах». У выніку апазыцыя «ня проста перажыла дыскрэдытацыю, яна дэградавала» [10, с. 110].

10. Каардынацыя дзейнасьці апазыцыі. Пасьля рэфэрэндуму была створаная Кансультацыйная рада дэмакратычных сілаў Беларусі. Яшчэ адным цэнтрам каардынацыі апазыцыйных сілаў, грамадзкім кааліцыйным ўрадам спрабавала стаць Нацыянальная эканамічная рада, створаная Вярхоўным Саветам XIII скліканьня і пераўтвораная 14.10.1997 г. у Нацыянальны выканаўчы камітэт. НВК ня толькі ня здолеў паўплываць на палітыку ўраду, але і забясьпечыць увагу да сябе з боку грамадзтва, бо ігнараваўся дзяржаўнымі СМІ.

Новым фэномэнам у палітыцы быў рух Хартыя’97, які меў аб’яднаць грамадзянаў розных палітычных паглядаў у супрацьстаяньні з аўтарытарнай сыстэмай. Хартыя’97 падтрымлівала ВС, патрабавала адстаўкі прэзыдэнта, фармаваньня кааліцыйнага ўраду, правядзеньня дэмакратычных выбараў. Хаця Хартыя ставіла на мэце прадстаўленьне і мабілізацыю ўсіх дэмакратычных сілаў, аднак яна мела пэўны посьпех толькі сярод расейскамоўных лібэралаў. Адмоўна да яе

паставіўся Пазьняк, паводле яго, Хартыя «была створана з мэтай расьцягнуць Народны Фронт, замяніць яго другой, больш шырокай канцэптуальна як бы ідэяй і выкарыстаць гэта на выбарах», дый будавалася пад абраньне Чыгіра прэзыдэнтам[7].

Адным з магчымых матываў стварэньня Хартыі-97 ёсьць падставы лічыць ідэю, артыкуляваную перш за ўсё лібэральнымі коламі[8], якія спадзяваліся ў 1997–1998 гг. ўтварыць антыпрэзыдэнцкую кааліцыю апазыцыі і незадаволенай Лукашэнкам намэнклятуры. Гэтага, зазначае Анатоль Лысюк, не адбылося, бо ў выніку атакаў Лукашэнкі эліты аказаліся ў напаўпаралізаваным становішчы і ўсе высілкі накіроўвалі на тое, абы выжыць [8, с. 28]. Гэта прывяло да фактычнай паразы Хартыі-97 і пераўтварэньня яе ў своеасаблівае інфармбюро.

11. Кардынальнае зьмяненьне палітычнага поля ў 1999 г. Пасьля таго, як высьветлілася, што ўрад не плянуе праводзіць налета прэзыдэнцкіх выбараў, бо лічыць прэзыдэнцкія паўнамоцтвы працягнутымі да 2001 г., ВС XIII скліканьня пры канцы 1998 г. прыняў рашэньне аб самастойнай арганізацыі выбараў.

Рашэньнем ВС выбары былі прызначаныя на 16.05.1999 г. і зацьверджаная Цэнтральная выбарчая камісія на чале з Ганчаром. Гэта выклікала падозраньні ў лідэра буйнейшай партыі БНФ, які пазьней прызнаўся: «Паколькі кіраўнік ЦВК Ганчар, у любой сытуацыі яны робяць прэзыдэнтам Чыгіра» [5].

Міністэрства юстыцыі назвала пастанову аб правядзеньні выбараў і стварэньні ЦВК незаконнай. Супраць старшыні ЦВК Ганчара была пачатая крымінальная справа. ЦВК працаваў у напаўпадпольных умовах. Як зазначае палітоляг А. Ляховіч, паўстаў «непажаданы для дэмакратычнай апазыцыі кантэкст выбараў: улада ня лічыць легітымным ВС і не прызнае яго права на прызначэньне прэзыдэнцкіх выбараў, але ініцыятары правядзеньня выбараў зьвяртаюцца да органаў улады, быццам прызнаючы іх легітымны статус» [9, с. 179].

29–30 студзеня 1999 г. прайшоў II Кангрэс дэмакратычных сілаў, заклікаены спрыяць іх кансалідацыі і выпрацоўцы адзінае

---

7 Аўтар невядомы. Зянон Пазьняк: словы, справы, працэс // Наша Ніва. 1999. № 16 (http://nn.by/1999/16/02.htm)

8 Выразьнікам іх поглядаў была, прыкладам, «Белорусская деловая газета».

пазыцыі ў дачыненьні прэзыдэнцкіх выбараў, прызначаных ВС. Адзін зь лідэраў БНФ Лявон Баршчэўскі абвесьціў, што апазыцыя пераходзіць «у стан нацыянальна-вызваленчага руху», была прынятая рэзалюцыі аб поўнай падтрымцы прэзыдэнцкіх выбараў, але ўзгодненай пазыцыі па падрыхтоўцы да выбараў не дасягнулі. На Кангрэсе апазыцыйныя сілы абвесьцілі пра ўдзел у прэзыдэнцкіх выбарах траўня 1999 г.

Кандыдатамі ў прэзыдэнты былі зарэгістраваныя Пазьняк і Чыгір. Аднак Пазьняк знаходзіўся ў эміграцыі, і мог быць арыштаваны пры перасячэньні мяжы, а Чыгір 01.04 быў арыштаваны па абвінавачаньні ў «эканамічных злачынствах» колькігадовае даўніны.

ЦВК вырашыў правесьці галасаваньне шляхам абыходу выбарцаў. Галасаваньне 6–16 траўня адбывалася ў цяжкіх умовах, і наўрад ці можна казаць пра яго масавасьць[9]. 7 траўня зьнік вядомы апазыцыянэр Юры Захаранка. За месяц да таго таямніча зьнікла з-пад варты Віньнікава, загадкава памёр Карпенка. Пазьняк адмовіўся ад удзелу ў выбарах і заклікаў чальцоў БНФ выйсьці з выбарчых камісіяў ужо пасьля пачатку галасаваньня. 17 траўня Пазьняк рэзка скрытыкаваў дзейнасьць ЦВК і яго старшыні Ганчара. Іншыя кіраўнікі БНФ скрытыкавалі дзеяньні свайго кіраўніка [18].

ЦВК на чале з Ганчаром фактычна спрабаваў падрабіць вынікі выбараў. 19.05 на прэсавай канфэрэнцыі Ганчар сьпярша абвясьціў, што ў выбарах удзельнічалі 53,2% выбарцаў, але потым прызнаў іх несапраўднымі з-за парушэньняў. Вынікам альтэрнатыўных прэзыдэнцкіх выбараў 1999 г. сталіся якасныя зьмены ў лягеры апазыцыі. Гэта выявілася ў расколе сярод дэмакратычных сілаў, а таксама зьмяненьні палітычнага статусу некаторых апазыцыйных палітыкаў. На думку Я. Мірановіча, «выбары закончыліся чарговым паражэннем антырэжымнага лагера. Узаемныя абвінавачанні абодвух кандыдатаў у прэзідэнты Пазьняка і Чыгіра звялі выбары да фарса. Пасвараная апазіцыя яшчэ раз паказала брак арганізаванасці і рашучасці ў захадах на звяржэнне дыктатуры» [11]. Узьніклы крызыс у БНФ увосені прывёў да расколу партыі на Кансэрватыўна-хрысьціянскую партыю БНФ Пазьняка і Партыю БНФ Вячоркі. Іншыя аглядальнікі адзначалі пазытыўныя моманты: «Адзін з важных вынікаў травеньскіх

[9] Гл., напрыклад: [6]

прэзыдэнцкіх выбараў – гэта нацыянальна-дзяржаўная эвалюцыя дэмакратаў. Шарэцкі, Ганчар, Чыгір гавораць пра прыярытэт нацыянальных інтарэсаў, пра безумоўную незалежнасьць краіны і яе эўрапейскую арыентацыю» [5].

20.07.1999 г., згодна Канстытуцыі 1994 г. скончыўся тэрмін паўнамоцтваў прэзыдэнта Лукашэнкі, але апазыцыя ня здолела скарыстаць гэтай праўнай дэталі. На II Кангрэсе дэмакратычных сілаў былы судзьдзя КС М. Пастухоў абвесьціў, што пасьля 20.07.1999 г. паўнамоцтвы кіраўніка выканаўчай улады пераходзяць да Старшыні ВС Шарэцкага. Аднак 21.07 Шарэцкі ня выдаў адпаведны ўказ, а прапанаваў прыняць пастанову дэпутатам, якія пад маркай праблемы з кворумам, пастановы не прынялі. Шарэцкі выехаў у Літву, дзе бязьдзейнічаў, што дэмаралізавала Вярхоўны Савет і ўсю апазыцыю [17]. Абавязкі старшыні ВС былі ўскладзеныя на Ганчара, і яго зьнікненьне 16.09.1999 г. стала канцом гэтае структуры, як асяродку апазыцыі.

У той самы час дзейнасьць апазыцыі прыціхла, бо яна пачала рыхтувацца «да прапанаванага ўладамі перамоўнага працэсу. Галоўная мэта перамоваў – мірны пераход улады да легітымнага органу, які б прызнаваўся ўласным народам і міжнароднай супольнасьцю» [16].

12. Пасьля рэфэрэндуму палітычных сродкаў узьдзеяньня на прэзыдэнта не засталося. Перамовы за пасярэдніцтвам міжнародных арганізацыяў былі безвыніковымі. Наступствам быў раскол у грамадстве, а апазыцыя пачала існаваць на мяжы маргіналізацыі, часам даючы рады мабілізаваць грамадзтва шляхам звароту да нацыяналістычных ідэяў («Марш свабоды») [12].

Разам з зьнікненьнем магчымасьцяў для публічнай палітыкі, перадусім ў форме парлямэнцкага змаганьня, у грамадзтве, лічыць І. Екадумава [2, с. 177], склаўся новы прынцып палітычнай палярызацыі. Лякалізацыя палітычных сілаў пачала адбывацца па прынцыпе стаўленьня да ўлады Лукашэнкі.

У апазыцыі аказаліся прадстаўнікі ўсіх ідэалягічных кірункаў, а прэзыдэнцкі бок пазьбягаў выразнай ідэалёгіі. Дасягненьні апазыцыі ў супрацьстаяньні з прэзыдэнтам абмежаваліся яе падтрымкай з боку міжнародных арганізацыяў ды краінаў, якія не ўплываюць на сытуацыю. На думку А. Мірановіча, ужо «ў палове 1999 г. Лукашэнка захоўваў уладу, не маючы ў краіне

ніякай сур'ёзнай палітычнай канкурэнцыі» [11]. Пры канцы года, палітычны камэнтатар "НН" канстатаваў па выніках чарговай акцыі апазыцыі: «Замест палітыкі – дысыдэнцтва» [15].

З увядзеньнем новай Канстытуцыі паміж дзяржавай і грамадзтвам усталяваліся новыя стасункі. З-за непрызнаньня апазыцыйнымі сіламі створаных уладай прадстаўнічых органаў выбары пачалі адбывацца па-за полем рэальнага палітычнага змаганьня, а ўдзел у галасаваньні стаў фармальнасьцю. З-за скасаваньня падзелу ўлады і адсутнасьці канкурэнцыі на выбарах крыніцай права сталі часам самавольныя памкненьні кіраўніка дзяржавы.

Прэзыдэнт ужо не сутыкаўся з супрацівам пры парушэньні заканадаўства. З-за падначаленасьці яму ўсіх галінаў улады зьніклі юрыдычныя магчымасьці ўзьдзеяньня на яго. Дамінаваньне нефармальных інстытутаў (як то «тэлефоннага права») і выкарыстаньне ў рабоце дзяржапарату несумяшчальных з Канстытуцыяй практыкаў указвае на заняпад інстытуцыйнай структуры дзяржавы. Дырэктыўныя і рэпрэсіўныя інструмэнты ўзьдзеяньня сталі асноўнымі мэтадамі дзяржрэгуляваньня.

З-за залежнасьці судовай улады незаконныя захады лёгка атрымліваюць нібыта легальны характар. Гэтаму садзейнічае і ідэя вяршэнства народнага волевыяўленьня над правам. Прэзыдэнт скарыстаў з праўнага нігілізму насельніцтва, ператварыўшы парушэньні закону ў практыку, якая вызначыла характар палітычнае сыстэмы. Адбылася рэдукцыя рэгуляцыйнай функцыі праўнае сыстэмы і павелічэньне яе інструмэнтальнае функцыі ў мэтах кантролю над грамадзтвам. Правапарушэньні з боку сыстэмы дзяржкіраваньня спрыялі згуртаваньню кіруючай эліты.

Новапаўсталая сыстэма аказалася даволі стабільнай. На думку аналітыкаў «Transitions Online», Лукашэнка – гэта не савецкі анахранізм, але фэномэн пераходнага пэрыяду, надта пасьпяховы ў некалькіх важных дачыненьнях, ён заслужыў падтрымку насельніцтва, забясьпечыўшы пэўную стабільнасьць і вырашаючы праблемы, створаныя іншымі грамадзкімі дзеячамі. Фэномэн Лукашэнкі можа азначаць пераход да постмадэрнай формы аўтакратычнай дзяржавы. І калі нават Беларусь стала краінай-ізгоем, дык тое зьвязана з асуджэньнем міжнароднай супольнасьцю асобы Лукашэнкі, а ня створанай ім сыстэмы [20].

Літаратура

1. *Булгакаў В.* Загадкі і адгадкі лукашэнкаўшчыны / В. Булгакаў // Архэ. 2004. №4.
2. *Екадумава І.* Сыстэма ўлады і сыстэма апазыцыі пасьля канстытуцыйнага крызысу 1996 г. / І. Екадумава // Беларуская палітычная сыстэма і прэзыдэнцкія выбары 2001 году: аналітычныя артыкулы / (пад рэд. В. Булгакава). Менск – Варшава, 2001. С. 163.
3. *Загуменнов Ю.* Изоляция или сотрудничество? / Ю. Загуменнов // Аналитический бюллетень белорусских фабрик мысли. 2001, № 3 (14).
4. *Зелімханаў А.* Выбары ў палату прадстаўнікоў 2000 г. // Найноўшая гісторыя беларускага парлямэнтарызму, Менск: Аналітычны Грудок, 2005. (http:// kamunikat.net.iig.pl/www/knizki/palityka/parlamentaryzm/01c.htm)
5. Зянон Пазьняк: словы, справы, працэс // Наша Ніва. 1999. № 16 (http://nn.by/1999/16/02.htm)
6. *Караткевіч В.* Democrazy / В. Караткевич // Наша Ніва. 1999. № 9. (http://nn.by/1999/09/02.htm)
7. *Карбалевич В.* Беларусь: расколотое общество // Белорусская газета. 1999. 5 красавіка. (№ 178).
8. *Лысюк А.* Региональная государственная власть как субъект политической мысли Беларуси / А. Лысюк // Аналитический бюллетень белорусских фабрик мысли. 2001. № 1. (12).
9. *Ляховіч А.* Альтэрнатыўныя прэзыдэнцкія выбары траўня 1999 году: ініцыятары, ход правядзеньня, палітычныя наступствы / А. Ляховіч // Беларуская палітычная сыстэма і прэзыдэнцкія выбары 2001 году: аналітычныя артыкулы пад рэд. Валера Булгакава. Менск–Варшава, 2001.
10. *Мацузата К.* Рэжым Лукашэнкі як выспа папулізму у акіяне клаванай палітыкі / К. Мацузата // Архэ. 2005. №4 (38).
11. *Мірановіч А.* Куды вядзе Беларусь Аляксандр Лукашэнка? Разьдзел IX. Суверэнная Беларусь // Навейшая гісторыя Беларусі. Беласток: Ніва, 1999. [Эл. рэсурс] Рэжым доступу: http://autary.iig.pl/mironowicz_e/knihi04-09.htm)
12. «Мітынг Свабоды». На пытаньні пра акцыю 17 кастрычніка адказвае Вінцук Вячорка. // Наша Ніва. 1999. № 26. (http://nn.by/1999/26/03.htm)
13. *Пастухов М.* Судебная власть: сегодня и завтра / М. Пастухов // Згода. Июнь 1998 г., № 3 (115). С. 7.
14. *Пяткевіч М.* Учора адбыўся зьезд партыі БНФ паводле вэрсіі Пазьняка / М. Пяткевіч // Наша Ніва. 1999. № 24. (http://nn.by/1999/24/02.htm)

15. *Тумар Б., Шыдлоўскі А*. Замест палітыкі – дысыдэнцтва // Наша Ніва. 1999. № 34. (http://nn.by/1999/34/01.htm)
16. *Хадыка Ю.*: Лукашэнка можа стаць Яруззэльскім, а Пазьняк – прадстаўніком за мяжой // Наша Ніва. 1999. № 20. (http://nn.by/1999/20/05.htm)
17. *Харэўскі С*. Размова ідзе пра верасень. Апазыцыя будзе чакаць сустрэчных крокаў яшчэ месяц // Наша Ніва. 1999 № 20. (http://nn.by/1999/20/03.htm)
18. Фронт і Выбары. Наша Ніва. 1999. № 9 (http://nn.by/1999/09/01.htm)
19. *Carothers, T.* The End of the Transition Paradigm. / T. Carothers of Democracy 13, no. 1 (January 2002).
20. Lukashenka: a Man of His Time? // Transitions Online, 2004, 31 May
21. *Mackow J.,* Voraussetzungen der Demokratie in der postkommunistischen Systemtransformation: Tschechien, Belarus und die Ukraine // Zeitschrift fuer Parlamentsfragen. Juni 2005. Jg. 36, Heft 2.
22. *Shevtsova L*. Russia's Hybrid Regime // L. Shevtsova, of Democracy 12, no. 4 (October 2001). P. 65–70.

Антонина Елистратова
(ЕГУ, г.Вильнюс)

БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ СОСЕДСТВА

Основным документом, который определяет стратегию действий ЕС в отношении Беларуси и финансовой поддержки в рамках Европейской политики соседства (ЕПС), является Country strategy paper (CSP) и National Indicative Programme (NIP), разрабатываемая Европейской комиссией. Сравнительный анализ двух стратегий (на 2004–2005 гг.[1] и 2007–2013 гг.[2]) и Национальных индикативных программ (на 2004–2005 гг. и 2007–2010 гг.) позволяет выявить определенные закономерности. На данный момент существует актуальная потребность в изменении способов деятельности проектов и программ, направленных на демократизацию Беларуси. Острой необходимостью является пересмотр приоритетов и форматов донорских программ для Беларуси[3].

---

1 Belarus: Country Strategy Paper & National Indicative Programme 2005–2006 [Elektronic resourse]. Mode of access: http://ec.europa.eu/external_relations/belarus/csp/csp2002.htm

2 Belarus: ENPI Country Strategy Paper 2007-2013 & National Indicative Programme 2007–2010 adopted 07/03/07. [Elektronic resourse]. Mode of access: http://ec.europa.eu/external_relations/belarus/csp/index.htm

3 Из неопубликованного: Т. Пошевалова, В. Величко «Общие основания для организации деятельности, направленной на поддержку гражданского общества в Беларуси», февраль 2006.

Анализ данных документов позволяет сделать вывод о том, что со стороны ЕС отсутствует глубокое продумывание ситуации в Беларуси, нет полного и глубокого анализа уже реализованных ЕС программ в Беларуси, их эффективности и соответствия результатов заявленным целям. В пункте 86 CSP 2005–2006 и в пункте 4.2 CSP 2007–2013 гг. указывается на то, что до сегодняшнего дня не было произведено специальной оценки уже реализованных в Беларуси программ ЕС и не было произведено системного анализа эффекта воздействия оказанной поддержки. Однако организации – грантополучатели программы ТАСИС столкнулись с судебными исками об уклонении от уплаты налогов. Данная ситуация затронула Белорусский хельсинский комитет[4] и Центр социальных инноваций. Европейская комиссия (ЕК) была поставлена в известность о данных проблемах, и ей была направлена просьба о том, чтобы она сделала запрос в Совет Министров Беларуси, правильно ли обе стороны понимают смысл подписанного в 1994 г. документа, согласно которому гранты ТАСИС освобождаются от налогов. Белорусская сторона, как показали данные случаи, толкует договор (Общие правила к меморандуму о финансировании) как Протокол о намерениях, а Еврокомиссия – как договор со всеми обязательствами. Естественно, что никто из грантополучателей ТАСИС не платил налогов. ЕК подтверждает свое понимание договора представителям НГО Беларуси, однако не направляет запроса в Совет Министров, который является одной из сторон договора. Поскольку ЕК этого не делает, значит, она не хочет отвечать за деятельность своих программ в Беларуси, потому что может оказаться, что все эти годы до 2003, когда появился указ Президента № 460 о регистрации иностранной безвозмездной помощи, ЕК финансировала белорусское правительство по договору о намерениях. Таким образом, декларируя, что главным направлением программы ТАСИС, а теперь и ENPI[5], является поддержка гражданского общества, в результате оказывается, что ЕК фактически вынуждает общественные организации самостоятельно отстаивать свои права в суде и бороться с произволом белорусских властей, добиваясь признания там позиции ЕК[6]. Из всего вышесказанного следует,

4 http://naviny.by/rubrics/society/2006/12/05/ic_news_116_263321

5 http://ec.europa.eu/world/enp/funding_en.htm.

6 Из личной переписки с Т. Пошеваловой, председателем ЦСИ (Минск),

что на данный момент ЕС не имеет адекватных инструментов для воздействия на белорусские власти при невыполнении взаимных договоренностей.

В пункте 4.2 CSP 2007–2013 гг. указывается, что белорусские власти поддерживают помощь ЕС в сферах менеджмента границ, борьбы с траффиком людей и наркотиков, а также ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. На основании этого в пункте 6.1. NIP 2007–2010 гг. указывается, что из 20 млн. евро, выделяемых в рамках программы ENPI, 70% будет направлено на программы в сфере социального и экономического развития и только 30% на программы в сфере демократического развития и хорошего руководства. Такого рода непрямая бюджетная помощь существующему режиму позволяет ему использовать ресурсы данных программ, не меняя при этом существующую государственную политику; более того, одновременно заметно ухудшается положение демократической части гражданского общества. Таким образом, ЕС на практике вносит существенный вклад в укрепление существующей в Беларуси тоталитарной системы из-за непродуманного механизма их реализации и контроля[7]. Недопонимание белорусской ситуации в итоге съедает все результаты проектной деятельности, приводя к бессмысленной трате времени и ресурсов (и человеческих, и финансовых)[8].

В декабре 2006 г. появилось «Открытое письмо»[9] представителей гражданского общества Беларуси Европейской комиссии. Это первый документ, обозначивший коллективную позицию представителей гражданского общества Беларуси в отношении реализации ЕПС в Беларуси. Поводом к его созданию было озвученное предложение ЕК в Non-Paper «Что Европейский союз может принести Беларуси»[10]. В обращении к ЕК представители

декабрь 2006 г.

7 Из неопубликованного: Т. Пошевалова, В. Величко «Общие основания для организации деятельности, направленной на поддержку гражданского общества в Беларуси», февраль 2006 г.

8 Из неопубликованного: А. Егоров (Агенство гуманитарных технологий, Минск). Принципы формирования программ и проектов для Беларуси, октябрь 2006 г.

9 Belarus' civil society- Open letter to the European Commission, *November 2006*. [Elektronic resourse]. Mode of access: http://www.enpi-programming.

10 http://ec.europa.eu/comm/external_relations/belarus/intro/non_paper_1106.pdf

гражданского общества акцентируют внимание на необходимости активного и регулярного участия широкого круга различных представителей гражданского общества (НГО, движений, профсоюзов, церквей) и их европейских партнеров в обсуждении приоритетов и форматов программ, формируемых для Беларуси, а также участия в разработке этих программ на стратегическом и операциональном уровнях. Однако продолжение коммуникации со стороны ЕК не последовало.

Одним из крупных проектов, реализованным ЕС в рамках ЕПС, было финансирование независимого вещания на Беларусь[11]. Более 2 млн. евро, выделенных на это крайне бесполезное дело, были поделены между немецким PR-агентством «Media Consult», у которого нет ни частот, ни передающих станций, ни журналистов, и несколькими радиостанциями, зона приема которых в Беларуси не превышает и 10% территории. Также анализ опросов показывает, что аудитория всех независимых радиостанций, вещающих на Беларусь, не превышает 1%, и вероятнее всего, что эти люди и до появления этих радиостанций были противниками режима, тогда эффект от таких радиостанций нулевой[12].

Отдельно следует уделить внимание рассмотрению визовой политики ЕС в ее соотношении с общими целями, заявленными в ЕПС для Беларуси. Исследования визовой политики стран ЕС в отношении и Беларуси, проведенные польским фондом Стефана Батория[13], дают интересные результаты. Дипломатические представительства стран ЕС, выражая политическую волю своих стран в непризнании результатов несправедливых выборов, выдвигая требования устранения нарушений прав человека в Беларуси, вводя санкции в отношении отдельных беларусских чиновников, все же де-факто вынуждены поддерживать определенный уровень (и довольно высокий) сотрудничества с белорусскими властями. Этого требуют и экономические интересы, и интересы обеспечения безопасности в регионе, и даже нормы демократических процедур, обязывающие учитывать мнение противоположной стороны, каким бы оно ни было. В таких

11 Commission to support independent broadcasting in Belarus IP/05/1063. Brussels, 24 August 2005. [Elektronic resourse]. Mode of access: http://ec.europa.eu/external_relations/belarus/intro/ip05_1063.htm

12 http://worvik.livejournal.com.

13 http://www.batory.org.pl/english/intl/pub.htm.

сложных условиях деятельность посольств и консульств, поведение отдельных их представителей приобретают амбивалентный характер. С одной стороны, требуется оказывать поддержку институтам гражданского общества Беларуси, с другой – такая деятельность не должна навредить отношениям с белорусским режимом. В результате политика ЕС и его представительств в отношении Беларуси становится в большей мере декларативной и риторической, чем нацеленной на конкретный результат.

Результаты данного исследования и поведение дипломатических представительств показывают: значительно большую степень закрытости ЕС, чем представляется на уровне официальных деклараций; значительно меньшую степень готовности к сотрудничеству со структурами гражданского общества Беларуси, чем представляется на уровне официальных деклараций; значительно большую степень дискриминации и нарушений прав человека, чем этого можно ожидать от представительств демократических государств.

В целом можно констатировать, что, несмотря на положительные сдвиги политики Евросоюза в отношении Беларуси, белорусский вопрос не воспринимается как значимый во внешнеполитической повестке дня Европы.

Таким образом, анализ стратегических документов ЕК, трудности НГО при реализации программы ТАСИС, нежелание ЕК выяснять позицию Совета Министров Беларуси по вопросу трактовки заключенного договора, результат открытия независимого радио и телевещания на Беларусь, а также исследование визовой политики стран – членов ЕС в отношении Беларуси позволят сделать следующие выводы:

1) со стороны ЕС отсутствует глубокое продумывание своей деятельности в Беларуси, отсутствует анализ уже реализованных ЕС программ в Беларуси, их эффективности и соответствия результатов заявленным целям;

2) систематически игнорируется участие представителей гражданского общества Беларуси на уровне программирования ЕПС; об их существовании вспоминают только на уровне имплементации уже сформированных программ;

3) финансирование «удобных» для белорусского режима сфер в рамках ЕПС позволяет говорить о косвенной поддержке властей;

4) существует необходимость продолжать скоординированные действия представителей гражданского общества в Беларуси и добиваться от ЕК своего включения на программный уровень формирования программ в рамках ЕПС.

Каждая европейская страна, Европейский Союз в целом должны решить, готовы ли они поддерживать существующий белорусский режим напрямую или косвенно, либо они хотят сохранить остатки гражданского общества, чтобы было возможным совершить перемены не только внешними усилиями, но и опираясь на деятельность внутренних агентов.

Дмитрий Хинов
(ЕГУ, г. Вильнюс)

СОТРУДНИЧЕСТВО ЛИТВЫ С РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ: ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОГРАММА ДОБРОСОСЕДСТВА

В связи с расширением ЕС в 2004 г. литовско-белорусская граница стала и границей Беларуси с ЕС, возросли нагрузки на правоохранительные, пограничные и таможенные службы Беларуси, которые обеспечивают безопасность восточных границ Евросоюза от нелегальных мигрантов и трансграничной преступности. За прошедшие три года руководство ЕС (Литвы) выработало ряд предложений по сбалансированности развития инфраструктуры пограничных пунктов пропуска с белорусской стороны и предоставило безвозмездную техническую помощь для борьбы с нелегальной миграцией.

Начиная с 1996 г., Евросоюз предоставляет возможности финансирования проектов трансграничного сотрудничества Беларуси с приграничными территориями Польши, Латвии и Литвы. По аналогии с программой PHARE CBC была разработана программа TACIS CBC. Вклад программы TACIS CBC составляет 22,3% общего объема программы TACIS в Беларуси. С 1996 г. было реализовано 12 основных проектов с общим бюджетом 11,7 млн. евро. Средства направлены на строительство и совершенствование пограничных переходов, демаркацию белорусско-литовской границы и экологические проекты в бассейнах Западной Двины, Западного Буга и Немана. В ближайшее время планируется на-

чало работы по двум проектам, а именно, строительство грузового таможенного терминала в Бресте (16 млн. евро) и демаркация белорусско-латвийской границы (2,2 млн. евро).

С помощью реализации трансграничных проектов западные регионы РБ могли бы решать свои собственные проблемы, используя средства Евросоюза и опыт западноевропейских стран. В настоящее время на границах с ЕС с участием Беларуси создано 4 еврорегиона: «Буг» (Брестская область, приграничные территории Польши и Украины), «Неман» (Гродненская область, приграничные территории Польши, Литвы и Калининградской области), «Беловежская пуща» (Свислочский, Пружанский и Каменецкий районы, приграничные территории Польши) и «Озерный край» (Браславский, Миорский, Верхнедвинский, Глубокский и Поставский районы Витебской области, приграничные территории Латвии и Литвы).

Еврокомиссия продолжает разработку «Программ добрососедства», которые должны стать основой трансграничного сотрудничества ЕС-27 с новыми соседями. Со стороны ЕС программы добрососедства финансируются INTERREG (ветвь А), а со стороны стран-соседей – TACIS CBC. Координация программ добрососедства вызывает определенные проблемы. Дело в том, что INTERREG администрируется Генеральным директоратом по региональной политике Еврокомиссии, в то время как TACIS является программой Europeaid, отдельным подразделением Комиссии. Координация деятельности двух достаточно крупных ведомств является непростой задачей, поэтому после 2006 г. Еврокомиссия создала единый финансовый инструмент для работы с программами добрососедства и начала реорганизацию Координационного бюро TACIS в РБ.

Общее финансирование программ добрососедства из бюджета TACIS для четырех стран СНГ составило около 30 млн. евро – в 2006 г. В программах добрососедства могут принимать участие Гродненская, Брестская, Витебская и Минская области. Беларусь может принять участие в трех программах: Латвия – Литва – Беларусь с бюджетом 7,5 млн. евро для России и Беларуси; Польша – Украина – Беларусь (бюджет 8 млн. евро для Украины и Беларуси) и «Регион Балтийского моря», предполагающей транснациональное сотрудничество с партнерами из Дании, Финляндии, Германии, Швеции, Польши, Норвегии, России,

Литвы, Латвии и Эстонии (бюджет для России и Беларуси – 7,5 млн. евро). Из общей суммы в 23 млн. евро в 2004 г. реализовали 6 млн. евро. Следует отметить, что указанные суммы не делятся между участниками на паритетной основе, а выделяются в зависимости от количества и качества проектов. Если партнеры из Беларуси заявят большее количество проектов, достойных финансирования, то они могут получить гораздо больше средств, чем партнеры из России или Украины.

Новый инструмент политики добрососедства, введенный ЕС в 2007 г., имеет два основных приоритетных направления развития: «Социально-экономическое развитие» и «Развитие демократии и управления». В рамках первого направления будут финансово поддерживаться программы, направленные на развитие проектов в Чернобыльской зоне, установление контактов между бизнесом в приграничных территориях, сотрудничество в сфере транспорта, энергетики, окружающей среды, миграции и трансграничного сотрудничества. Во втором направлении планируется активизировать контакты на уровне обыкновенных граждан РБ и ЕС, студентов, учителей, ученых(исследователей), представителей НПО с целью продвижения демократических свобод и построения гражданского общества. Предварительный объем финансирования, запланированный на 2007–2010 гг., составляет 20 млн. евро. в соотношении 70:30 на первое и второе направления соответственно.

В отличие от малых проектов программы TACIS CBC, где заявителями и главными исполнителями проектов должны были выступать органы местной администрации, в программах добрососедства могут участвовать любые организации. Проекты должны носить трансграничный характер и способствовать устойчивому развитию региона. Приоритеты сформулированы достаточно широко, поэтому практически любые инициативы при грамотном оформлении документов могут получить финансирование.

Евгений Фурсеев
(ЕГУ, г. Вильнюс)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЕМОКРАТИИ, УЧАСТИЯ И ДИАЛОГА ГРАЖДАН СТРАН ЕС И СОСЕДЕЙ

Участие граждан в принятии политических решений является императивом современных демократий. Использование информационных технологий (ИТ) создает новые возможности для повышения гражданского участия. Существуют две тенденции активизации такого рода участия. Первая заключается в использовании ИТ государственными структурами для организации информирования, консультации и делиберации. Вторая тенденция – возникновение виртуальных сообществ, в которых граждане могут обсуждать свои проблемы, а также формировать и продвигать через существующие каналы альтернативы государственной политики. Автор рассматривает теоретический материал, чтобы изучить возможность создания он-лайн сообществ, которые могли бы связать граждан стран ЕС и стран-соседей, которые занялись бы выдвижением и обсуждением конкретных проблем, связанных с добрососедскими отношениями; а также формировали и продвигали конкретные предложения и программы.

Политическое участие – нормативный подход

Политическое участие граждан («участие в процессе управления, и ситуация... когда значительное число частных граждан (а не официальных лиц или избранных политиков) могут играть роль в процессе, посредством которого избираются политические лидеры и/или формируется и воплощается политика пра-

вительства» [3, с. 80]) рассматривается большинством современных исследователей как один из ключевых факторов укрепления, стабилизации и легитимации политической системы общества [2, с. 186–191).

Ожидается, что тренд возрастания участия граждан в управлении государством будет усиливаться, так как демократические общества становятся все более децентрализованными, независимыми, сетевыми, связанными информационными технологиями и стоящими лицом к лицу с новыми серьезными проблемами [10, с. 315].

Бесспорно, что участие граждан в принятии решений является краеугольным камнем демократии. Фундаментальная дилемма демократии заключается при этом в выборе между обеспечением максимального участия граждан в процессе принятия политических решений и наибольшей эффективностью решения проблем граждан. Р. Даль сформулировал данную проблему следующим образом: «Чем большее количество граждан входит в состав политической единицы, тем меньше степени непосредственного участия этих граждан в принятии решений, касающихся управления государством, тем больше прав они должны делегировать своим представителям» [1, с. 112].

Именно поэтому специфика современных подходов к изучению политического участия граждан характеризуется, прежде всего, вниманием к его *качеству*, которое может определяться на основании следующих критериев: пределы участия, экстенсивность (количество участников), способ участия (голосование, отбор лиц принимающих решения, или возможность стать лицом, принимающим решения), интенсивность участия [8, с. 28].

По мнению Дж. Сартори, «участие – не значит просто «бытие частью» (т.е. бытие просто вовлеченным в какое-либо событие), не принуждение к участию («вынужденность быть частью»). Участие – это *самомотивация* и таким образом противоположность сторонней мотивации (посредством воли других), т.е. противоположность мобилизации» [11, с. 113].

Именно эти посылки лежат в основании нормативной теории делиберативной демократии. Принципиальные положения данной теории можно свести к следующему:

● рядовые граждане могут включаться в публичный диалог по различным вопросам в рамках демократического публичного пространства;

● государственная политика основывается на публичном обсуждении проблем;

● граждане и представители власти, включаются в рациональные дебаты и корректируют свои политические позиции, обращаясь к требованиям общественного интереса (см. [5]).

«В широком смысле делиберативная демократия выражает ту идею, что легитимное законотворчество исходит из публичной рефлексии граждан. Она представляет идеал политической автономии, базирующейся на процессе практического размышления граждан», другими словами, «сами граждане принимают собственные законы в процессе публичной дискуссии и дебатов» [4, с. IX, 322])

Процедурный подход к проблеме использования ИТ как инструмента участия.

Следует отметить, что «демократия обсуждения» стала достаточно распространенной практикой в большинстве развитых стран Запада. Новые идеи по привлечению граждан к принятию политических решений нашли применение на местном уровне, где, как оказалось, граждане на основе широкого публичного обсуждения могут находить наиболее приемлемые и эффективные решения местных проблем. К тому же при участии граждан достигается большая легитимность принятых решений. И что наиболее важно, такой способ принятия решений укрепляет сам институт демократии. Однако долгое время эффективное публичное обсуждение было возможно только на уровне локальных сообществ. Развитие ИТ, и в первую очередь сети Интернет, создало предпосылки для преодоления фундаментальной дилеммы демократии и расширения участия граждан в обсуждении и принятии политических решений.

Здесь можно говорить о двух стратегиях подобного участия.

● «Сверху вниз», когда государство разрабатывает программы по информированию граждан и по привлечению их к обсуждениям каких-либо проблем с использованием ИТ. Пример такой стратегии – инициативы Европейской Комиссии, ко-

торая по поручению Совета Министров ЕС (i2010 eGovernment Action Plan) работает в направлении стимулирования исследований и освоения передовых практик европейских стран по активизации электронного участия граждан (e-participation)[1]

- «Снизу вверх» – спонтанное формирование виртуальных гражданских сообществ для обсуждения политических проблем и влияния на политику органов власти через существующие онлайн и офф-лайн каналы.

Как правило, стратегии участия «сверху вниз» – это онлайновое взаимодействие правительственных органов и граждан с целью:

1) *информирования*. Информирование – одностороннее взаимодействие, когда правительство производит и доставляет информацию для граждан. Это предусматривает как «пассивный» доступ к информации (по желанию/требованию граждан) так и «активные» меры правительства по распространению данной информации среди граждан [9, с. 23]. Действительно, информация может распространяться, храниться, быть затребована, и размножена и представлена со значительно большей легкостью и дешевизной в Интернете, по сравнению с оффлайновым миром [6, с. 92];

2) *консультирования*. Консультирование – двухстороннее отношение, основанное на предварительном определении правительством проблемы и способов ее решения и выяснении мнения граждан по поводу возможных решений этой проблемы;

3) *обсуждения (делиберации)*. Граждане и правительство – равноправные партнеры в формировании как политической «повестки дня», так и способов решения различных общегосударственных проблем; граждане активно формируют «контуры диалога» по поводу направлений политики, однако ответственность за окончательное решение и за реализацию политики в конечном счете остается за правительством [9, с. 23].

Следует отметить, что уже сложилась целая система подобных методов работы (процедур), сформированных на основе уже существующего опыта (best practices). Данные процедуры призваны воплощать на практике идеалы (нормы) демократии участия. В наиболее общем виде такие меры с учетом специ-

[1] см. http://ec.europa.eu/information_society/activities/egovernment_research/eparticipation/index_en.htm.

фики использования ИТ можно сформулировать следующим образом. Необходимо: 1) обеспечить систему процедур, делающую такое обсуждение честным, равным и беспристрастным для всех участников; 2) создать условия, при которых у участников таких обсуждений будет время на рефлексию и возможно добиться консенсуса; 3) обеспечить обратную связь между правительством и участниками дискуссии, транслировать достигнутый в виртуальной публичной сфере консенсус в законы и решения правительства.

Эти условия универсальны и должны соблюдаться как при взаимодействии граждан и правительства, так и в общении на равных в виртуальных сообществах. Тем более что, несмотря на свою виртуальность, сообщества возникают, как правило, вокруг интересов и проблем, которые существуют в реальном мире.

Виртуальное пространство – это не только и не столько сфера деятельности официальных структур. В рамках глобальной сети Интернет формируются специфические отношения и связи – он-лайн (виртуальные) сообщества.

Исследователи задаются вопросом, жизнеспособны ли такие сообщества, отмечая при этом, что он-лайн общению свойственны такие негативные моменты, как его эпизодичность, случайность и поверхностность, а также возможности фальшивой само-презентации участников или анонимность вместе с непостоянным составом участников. На наш взгляд, ответ тем не менее «да». Несмотря на то, что виртуальные сообщества не совсем совпадают с описаниями «традиционных» сообществ, многие исследователи говорят именно о новом типе сообществ и новых дискурсах, порождаемых подобными сообществами.

В качестве одного из примеров формирования виртуальных сообществ можно привести феномен «блогосферы». Блоги представляют собой один из новейших примеров того, как Интернет демократизирует процесс публикации. Они иллюстрируют, как легко публикации могут стимулировать дебаты: блоггеры часто читают и реагируют на публикации других блоггеров, создавая тем самым новые сообщества, даже если они не всегда организуют настоящую делиберацию. Особенно здесь можно отметить блоги на политические темы. По мнению М. Фрумкина, этот процесс есть форма дискурса [7, с. 9]. Блоги являются ярким примером перехода от он-лайн общения «один-для-многих» к об-

щению на равных. Блогосфера показывает некоторые признаки потенциального развития в «самодостаточную миниатюрную публичную сферу», созданную на основе разделяемых интересов, а не географии [7, с. 11].

Мы можем констатировать, что использование гражданами ИТ может стать эффективным инструментом их участия в процессе выдвижения проблем и формировании повестки дня. Причем это возможно не только на локальном, но и на международном уровне. Тем более что такая структура, как ЕС, имеет уже опыт поддержки практик гражданского участия.

Однако, на наш взгляд, не следует останавливаться только на программах информирования (которые проводит как ЕС, так и целый ряд НГО), а переходить к более широкому использованию практик использования ИТ в рамках проектов по развитию диалога между гражданами стран ЕС и соседей, особенно между молодежью этих стран. Вполне возможным нам представляется складывание он-лайн сообществ граждан, которые смогут не только установить такого рода диалог, но еще и превратить его в регулярные обсуждения существующих актуальных проблем сотрудничества и в выработку реальных альтернатив международной политики, предложить официальным лицам своих стран конкретные шаги, которые могут реализовываться в рамках политики добрососедства и иных целевых программ.

Таким образом, граждане, используя новые технологии, могут реализовать свой потенциал участия, внести свой вклад как в демократический процесс в целом, так и в конкретную реализацию программ по созданию лучшего будущего для новой Европы.

Литература

1. *Даль, Р*. О демократии / Р. Даль. М., 2000. 208 с.
2. *Almond, G*. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations / G. Almond, S. Verba. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1989.
3. *Birch, A*. The Concepts and Theories of Modern Democracy / A. Birch. N. Y.: Routledge, 1993.
4. *Bohman, J.* Deliberative Democracy / J. Bohman. The MIT Press, Cambridge, Massach.–L., 1997.

5. *Gabardi W*. Contemporary Models of Democracy / W. Gabardi // Polity. Vol. 33. Issue: 4. 2001. 547+.
6. *Etzioni A*. Are Virtual and Democratic Communities Feasible? / A. Etziori // Democracy and New Media, H. Jenkins and D. Thorburn, ed. Massachusetts Institute of Technology, 2003 P. 85–100.
7. *Froomkin, M*. Technologies for Democracy / M. Fromkin // Democracy Online: The Prospects for Political Renewal through the Internet, ed. Peter M. Shane. N. Y: Routledge, 2004
8. *Mason, R*. Participatory and Workplace Democracy: A Theoretical Development in Critique of Liberalism / R. Mason. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1982.
9. OECD (2001), Citizens *as* Partners: *Information,* Consultation and Public Participation in Policy-making, OECD.
10. *Roberts, N*. Public deliberation in an age of Direct citizen participation / N. Roberts **//** American Review Of Public Administration, Vol. 34 No. 4, December 2004. P. 315–353.
11. *Sartori, G*. The Theory of Democracy Revisited / G. Sartori. Chatham, NJ: Chatham House Publishers, 1987. P. 254.

II.
ПРАВО И ДЕМОКРАТИЯ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Екатерина Мурашко
(ЕГУ, г. Вильнюс)

ИЗМЕНЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ

Конституция является фундаментом любого государства. Особый интерес для правового анализа представляют конституции вновь образованных государств. Для исследования я выбрала конституции стран СНГ (Украины, Беларуси, Молдовы), Европы (Польши и Венгрии) и США.

В зависимости от того, какие перемены в сознании граждан и во властном аппарате несет нововведенная Конституция или внесенные в ранее существующую Конституцию поправки, процессы, которые начинаются в обществе, можно разделить на два основных вида – революцию и эволюцию. Эволюция – это процесс развития, состоящий из постепенных количественных изменений, без резких скачков. Революция же – это резкий скачок в развитии, переворот. Я буду делить конституции на революционные либо эволюционные в зависимости от вносимых в них поправок и последствий, которые эти поправки повлекли.

К революционным я отнесла те конституции, в которые были внесены существенные изменения, повлекшие смену формы правления в государстве, изменения в балансе системы разделения властей, структуре властного аппарата, существенно изменившие в жизнь общества. К эволюционным я отношу те конституции, которые не вносили коренных изменений во властный аппарат, систему управления или жизнь общества.

К эволюционным конституциям я отнесла Конституцию Республики Польша 1997 г., Конституцию Республики Венгрия 1949 г. с поправками, внесенными в 1989–1990 гг., Конституцию США 1787 г. с 27 поправками. К революционным конституциям – Конституцию Республики Молдова 1994 г. с поправками 1996 и 2000 гг., Конституцию Республики Украина 1996 г. с поправками 2004 г., Конституцию Республики Беларусь 1994 г. с поправками 1996, 2001 и 2004 гг.

Конституция США. Конституция США была принята на Конституционной Конвенции в Филадельфии в 1787 г. Первые десять поправок, которые вступили в силу 15 декабря 1791 г., называются Биллем о правах – это юридический документ, гарантирующий личные права и свободы граждан США. Остальные поправки уточняли избирательные правила, нормы экономической и политической жизни страны. Опыт поправок не всегда был удачен – стоит вспомнить восемнадцатую поправку (вводила «сухой закон»), которая была отменена двадцать первой поправкой несколько лет спустя. Поправка, предложенная Дж. Мэдисоном вместе с Биллем о правах (закон, принятый позже обладает большей юридической силой), была принята Конгрессом, но не ратифицирована необходимым количеством штатов, и она все-таки была принята в 1992 г. – двести лет спустя.

Конституция Республики Польша. В апреле 1989 г. была реформа, которая восстановила вторую законодательную палату – Сенат и заменила Государственный совет институтом единоличного Президента Республики, который должен был избираться на шесть лет обеими палатами Национального собрания. Были усилены контрольные полномочия Сейма в отношении Правительства, урегулированы взаимоотношения палат, Сенат и Президент получили право отлагательного вето. Компетенция Президента была определена довольно широко, но его существенные акты требовали контрасигнатуры Председателя Совета Министров. В том же 1989 г. была создана Конституционная комиссия, которая должна была разработать новую Конституцию. 31 декабря 1989 г. принята новая редакция Конституции 1952 г. Из названия государства убрали слово «Народная», исключили идеологизированную преамбулу, объединили первые два раздела о политическом и социально-экономическом строе, гарантировали собственность, ее наследование и свободу хозяйствен-

ной деятельности. В марте 1990 г. по результатам новой конституционной реформы были исключены полномочия Президента в отношении национальных советов и полностью изменен текст раздела о местной власти. В сентябре 1990 г. установлены прямые выборы Президента (срок полномочий – пять лет). В 1992 г. принята Малая Конституция – пакет поправок к конституции 1952 г., – который оговаривал взаимные отношения между законодательной и исполнительной властью Республики Польша; устанавливал, что Конституция 1952 г. теряет силу, за исключением ряда положений. Новая Конституция Республики Польша была принята в 1997 г. Процесс принятия новой Конституции был длительный, но при этом последовательный и обдуманный. Весь процесс подготовки новой Конституции был связан с изменением формы правления и стараниями привести в соответствие формальную и юридическую конституции.

Конституция Республики Молдова. Конституция Молдовы принята в 1994 г. На протяжении тринадцати лет были внесены поправки в 24 статьи: в связи с вступлением Молдовы в Совет Европы и переходом к парламентской форме правления (2000 г.).

Конституция Республики Венгрия. Венгрия является единственной страной постсоветского пространства, где и по сей день продолжает действовать Конституция 1949 г. с поправками. 23 октября 1989 г. в венгерскую Конституцию были внесены поправки, которые изменили официальное название страны с «Народной Республики» на «Республика Венгрия», гарантировали многопартийную систему и ввели вместо президентского совета пост Президента страны. В 1989 г., после мирной смены общественного строя, внесения поправок в 1989 и 1990 гг. в Конституцию и ликвидации однопартийной системы, формой правления стала парламентская республика. Поправки в Конституцию Венгрии были внесены еще и в 1997 г.

Конституция Украины. Конституция Украины принята в 1996 г. В 2004 г. в нее были внесены поправки. Их условно называют «политической реформой». Из-за неоднозначности в трактовке данных поправок, совпадения полномочий Кабинета министров и Президента страны, непоследовательности конституционной реформы Украина колеблется между парламентско-президентской и президентско-парламентской республикой.

Парламентско-президентская республика – это такая форма правления, в соответствии с которой «президент не может иметь полномочий исполнительной власти и остается лишь главой государства; его полномочия сводятся исключительно к контролю регламента взаимоотношений между ветвями власти, политическому арбитражу и контролю соблюдения всеми властями общих норм Конституции»[1]. Президентско-парламентская республика – это такая форма правления, при которой «президент является не только главой государства, но и имеет блокирующий голос при принятии решений в исполнительной власти, т.е. за ним остается окончательный, верховный контроль действий исполнительной власти; эта модель предусматривает участие президента в реальном управлении страной и председательствование его на заседаниях правительства; фактически в такой модели полномочия исполнительной власти разделены между президентом и премьер-министром при приоритете президента (право президентского вето на решения правительства и реальная подотчетность президенту)»[2]. На данный момент говорить о результатах реформы на Украине сложно, потому что процесс реформирования еще не закончен.

Конституция Республики Беларусь. После выхода БССР из состава СССР и до 1994 г. действовала Конституция Белорусской Советской Социалистической Республики. 27 июля 1990 г. была принята Декларация «О государственном суверенитете Республики Беларусь», которая имела высшую юридическую силу и отменяла целый ряд положений Конституции БССР, ей не соответствовавших. Именно этой Декларацией и была произведена революция – был изменен социалистический строй. В итоге длительного процесса разработки была создана Конституция, которая выполняла функцию инструмента сохранения власти. Конституция Республики Беларусь, принятая 1 марта 1994 г., устанавливала парламентскую систему с сильной президентской властью. В Беларуси было проведено три референдума, в результате которых были внесены поправки в Конституцию: по итогам референдума 1996 г. – форма правления сменена на президентскую; 2001 г. – срок действия полномочий продлен с 4 до

1 см. http://www.versii.com/telegraf/material.php?id=7169&nomer=362 «Киевский телеграф», Виктор Пироженко.

2 Там же

5 лет; 2004 г. – одно и то же лицо может избираться на пост президента любое количество раз без ограничений. Референдум 2004 г. был проведен с нарушениями, которые зафиксированы в отчетах международных наблюдателей, таких как БДИПЧ ОБСЕ и Венецианская Комиссия Совета Европы («Заключение относительно референдума 17 октября 2004 г. в Беларуси»). Поправки, которые были внесены в Конституцию РБ по итогам последнего референдума, являются нарушением Избирательного кодекса РБ, который запрещает вынесение на референдум вопросов, связанных с избранием Президента РБ.

Таким образом, мы видим, что поправки в Конституцию РБ были внесены с грубыми нарушениями законодательства; они были внесены по инициативе Президента с целью усиления и сохранения власти. Несмотря на внесенные в Конституцию изменения, и по сей день в РБ большой проблемой остается несоответствие юридической и формальной конституции.

Выводы. Резкие изменения Основного Закона страны нежелательны. На мой взгляд, более успешным процессом является эволюционный процесс, поскольку нет резких потрясений в жизни общества. Отличительной чертой революционного процесса внесения поправок в конституции является непредсказуемость результата. С эволюционными же изменениями все гораздо проще – постепенно в Основной Закон государства вносятся поправки, что является более приемлемым как для управленческого аппарата, так и для населения страны. Очень многое зависит от ситуации, которая сложилась в государстве к моменту внесения изменений. На мой взгляд, есть ситуации, когда революционных изменений просто нельзя избежать. Революционный процесс гораздо более рискованный, чем эволюционный, но это не значит, что во всех государствах непременно нужно вносить поправки в конституцию исключительно эволюционным путем – всегда нужно иметь в виду назревшую в государстве к моменту внесения поправок ситуацию.

Андрей Иодко
(ЕГУ, г. Вильнюс)

ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КОНСТИТУЦИИ ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

После распада СССР основной задачей для всех независимых государств явилось принятие новых конституций. Определяя государство правовым, новые конституции закрепили многие демократические принципы, в том числе и принцип разделения властей.

Разделение властей является комплексным конституционным принципом, о котором нельзя рассуждать исходя из содержания одной статьи. Следовательно, чтобы уяснить его сущность и назначение в правовом государстве, необходимо разобраться в существующей между ветвями государственной власти системе сдержек и противовесов, определить, как на самом деле данное взаимодействие происходит. Для этого проанализируем на примере Конституции Республики Беларусь и Конституции Литовской Республики нормы, закрепляющие этот принцип.

Республика Беларусь. Результатом постсоветского развития политической системы Беларуси стал переход путем изменения и дополнения принятой 15 марта 1994 г. Конституции Республики Беларусь к сильной президентской республике.

Ст. 6 Конституции РБ закрепляет принцип разделения властей: ***«Государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную,***

исполнительную и судебную. Государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга». Рассмотрим систему сдержек и противовесов в Конституции Республики Беларусь.

Парламент располагает *несколькими способами* воздействия на судебную и исполнительную власть. Одним из них является право выдвижения обвинения против Президента в совершении государственной измены или иного тяжкого преступления, и решения о смещении Президента с должности (ч. 9. ст. 97). Вторым, является право выражения Палатой Представителей вотума недоверия Правительству: по инициативе не менее одной трети от полного состава Палаты представителей (ч. 5. ст. 97), и в случае двукратного отклонения программы деятельности Правительства (ч. 6 ст. 97).

На мой взгляд, в этих положениях содержатся определенные проблемы. После того, как Парламент выразил вотум недоверия Правительству, Президент имеет право в десятидневный срок принять решение об отставке Правительства или о роспуске Палаты представителей и назначении новых выборов. Также Президент имеет право распустить Палату Представителей в случае двукратного отказа от утверждения премьер-министра, выдвинутого Президентом. Данные нормы указывают на зависимость Парламента от Президента. По своей сути все сводится к тому, что Президент может выдвигать на пост премьер-министра любое лицо, которое он пожелает. Это же касается и программы развития страны, разработанной Правительством, так как Правительство, в свою очередь, также зависимо от Президента. Это видно из ст. 106.: ***«Правительство в своей деятельности подотчетно Президенту Республики Беларусь и ответственно перед Парламентом Республики Беларусь»***, ***«Президент вправе по собственной инициативе принять решение об отставке Правительства и освободить от должности любого члена Правительства»***.

Конституция Республики Беларусь предоставляет Президенту *законодательные полномочия*. Данные полномочия могут быть делегированы Парламентом путем издания специального закона (ст. 101). Но в ч. 2 ст. 101 Конституции содержится обширный перечень вопросов, которые не могут регулироваться такими *де-*

кретами (изменение и дополнение Конституции, программных законов, бюджета, порядка выборов Президента и т.д.), что является одним из факторов, препятствующим монополизации законодательной власти. В этой части конституционная доктрина Беларуси не имеет принципиальных отличий от европейской модели. Президент имеет право по собственной инициативе или по инициативе Правительства, которое подчинено Президенту, издавать *временные декреты*, также имеющие силу законов. Основания для их издания является причина «особой необходимости» (ч. 2 ст. 101). Эти причины конкретно в Конституции не указаны, что допускает их различную интерпретацию, начиная с необходимости срочного урегулирования определенных общественных отношений, заканчивая потребностью восполнения пробелов в законодательстве. Как противовес тому, чтобы Президент не мог издавать указы, противоречащие интересам народа, Конституцией предусмотрено право Парламента на отлагательное вето (временный декрет подлежит отмене, если за его отмену проголосовало две трети состава обеих палат).

Теперь рассмотрим положение ***судебной власти***. Может быть, она в силу закрепления Конституцией принципов независимости и справедливости судов может являться барьером, препятствующим сосредоточению власти в руках одного органа? Посмотрим, что предусматривает Конституция Республики Беларусь (***ст. 109): «Судебная власть в Республике Беларусь принадлежит судам». Ст. 112: «Суды осуществляют правосудие на основе Конституции и принятых в соответствии с ней иных нормативных актов<...>: Если при рассмотрении конкретного дела суд придет к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции, он принимает решение в соответствии с Конституцией и ставит в установленном порядке вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным».***

Основным так называемым противовесом, не допускающим злоупотребления одной из ветвей власти своих полномочий является *Конституционный суд Республики Беларусь*, который осуществляет контроль за соответствием нормативных актов Конституции Республики Беларусь. Нормативные акты, признанные неконституционными, утрачивают в соответствии с законом свою силу. Из этого положения следует, что суд может на осно-

вании предоставленных ему прав отменять нормативные акты законодательной и исполнительной власти в случаях несоответствия их Конституции, т.е. когда ущемляются или нарушаются законные права граждан. В отличие от законодательной власти, которая теснейшим образом связана с политикой, и от исполнительной власти, которая также участвует в политике и поддается политическому давлению, при осуществлении судебной власти политическое давление должно быть исключено, равно как и любое давление с целью повлиять на решение суда. Суд не должен руководствоваться политическими или какими-либо иными мотивами вне закона и своего правосознания при рассмотрении конкретного дела, принятии конкретного решения. Конституция закрепляет, на мой взгляд, достаточно демократические принципы: независимость судей, подчинение их только закону (ч. 1 ст. 110); защита судей от вмешательства со стороны других лиц в осуществлении правосудия (ч. 2 ст. 110) и другие принципы. Но стоит обратить внимание на то, что из 12 человек, формирующих Конституционный суд, Президент избирает 6 и назначает Председателя с согласия Совета Республики (ч. 2 ст. 116), а также имеет право освобождать от должности данных судей (п. 2 ст. 84). Эти положения, на мой взгляд, ставят под сомнение независимость судов, так как для того, чтобы судьи были действительно независимы, органы законодательной и исполнительной власти, не должны единолично принимать решения об отстранении судей от работы, о наложении на них взысканий, повышении их в должности и переводе на другое место.

Литовская Республика

В Конституции Литовской Республики не содержится конкретного положения о принципе разделения властей. В Конституции говорится, что ***«государственная власть в Литве осуществляется Сеймом, Президентом Республики и Правительством, Судом»*** (ст. 5). Несмотря на отсутствие конкретного указания в Конституции, данный принцип сформулирован в юрисдикции Конституционного Суда. Кроме того, отдельные статьи Конституции показывают характер взаимоотношения между ветвями власти, что в дальнейшем позволит сделать вывод о том, как осуществляется принцип разделения властей в Литовской Республике.

Рассмотрим взаимодействие институтов ***государственной власти***. ***Законодательная власть***. Согласно литовскому законодательству, Сейм, который в отличие от Парламента Беларуси является однопалатным, может воздействовать на исполнительную власть путем выражения *вотума недоверия* Правительству, *импичмента* Правительству и Президенту, *объявления досрочных выборов* Президенту. Вступивший на должность Президент выдвигает кандидатуру премьер-министра, которую должен одобрить Сейм. После вступления в должность премьер-министр, ***«не позднее чем в течение 15 дней, с момента его назначения представляет Сейму им сформированное и утвержденное Президентом Республики Правительство*** (причем Президент по своей инициативе не может назначать и смещать с должности министров, а только с представления премьер-министра) ***и вносит на рассмотрение программу Правительства»*** (ч. 3 ст. 92). У Сейма есть два варианта действия: отклонить или утвердить программу Правительства. Если программа утверждена, Правительство осуществляет меры по ее обеспечению. Но если выбран второй вариант?

В случае двукратного отклонения программы деятельности Правительства, оно должно уйти в отставку (п. 1 ч. 3 ст. 101). Также вотум недоверия может выражаться путем тайного голосования, если за недоверие проголосовало большинство всех членов Сейма (п. 2 ч. 3 ст. 101). Помимо этого, во время сессии Сейма, премьер-министру или министру группой в составе не менее 1/5 членов Сейма может быть внесена *интерпелляция*. В случае неудовлетворительного ответа Сейм может выразить вотум недоверия относительным большинством от общего числа членов Сейма (ч. 2, 3 ст. 61). Правительство в своих действиях ответственно перед Сеймом и Президентом (ч. 2 ст. 96), и ***«если меняется свыше половины министров, Правительство должно вновь получить полномочия от Сейма; в противном случае Правительство должно подать в отставку»*** (ч. 2 ст. 101).

Президент как элемент исполнительной власти. По отношению к Президенту Сейм может выразить *импичмент* или провести *досрочные президентские выборы*. Импичмент выражается за грубое нарушение Конституции либо нарушение присяги, а также при выявлении факта совершения преступления.

Как видно из вышеизложенного, Парламент Литовской Республики имеет достаточно способов воздействия на исполнительную власть. Рассмотрим полномочия *исполнительной власти по отношению к законодательной*. В качестве ответной меры на выражение вотума недоверия Правительство может предложить Президенту назначить *досрочные выборы* Сейма (п. 2 ч. 2 ст. 58). Сейм же, в свою очередь после переизбрания, в течение 30 дней со дня первого заседания, может объявить досрочные выборы Президента Республики при условии, что наберется три пятых голосов всех членов Сейма (ч. 1 ст. 87). И второй причиной, позволяющей Президенту провести досрочные выборы Сейма, является ситуация, если ***«в течение 30 дней после представления не было принято решение о новой программе Правительства или после первого представления программы Правительства в течение 60 дней два раза подряд она не была одобрена»*** (п. 2 ч. 1 ст. 58).

Таким образом, мы определили роль Исполнительной и законодательной власти в системе сдержек и противовесов.

Судебная власть. Конституция Литовской Республики содержит достаточное количество положений, обеспечивающих независимость судей. Среди них можно выделить следующие: осуществление правосудия только судами (п. 1 ст. 109), независимость судов и судей при осуществлении правосудия (п. 2 ст. 109), подчинение только закону (п. 3 ст. 109), защита судей от вмешательства со стороны различных институтов государственной власти, политических партий, граждан и других лиц, препятствующих в осуществлении правосудия (ст. 114), запрет судьям занимать любые другие должности, кроме как занятие педагогической и творческой деятельностью, а также участвовать в деятельности политических партий и организаций (ч. 1 ст. 104, ст. 113) и др. Хочу заметить, что важным элементом в обеспечении независимости судов является то, какими органами назначаются, повышаются, переводятся или освобождаются от занимаемой должности судьи, а также их финансовая независимость. И здесь мы, исходя из ст. 112, видим, что назначение и изменение места работы судей, кроме Судьи Верховного Суда (назначаются и освобождаются Сеймом по представлению Президента Республики), Судьи Апелляционного суда (назначаются Президентом Республики с одобрения Сейма), осуществляется

Президентом, при этом он должен руководствоваться советами специальной институции судей (ч. 5 ст. 112). Что касается Конституционного суда, то он состоит из 9 человек сроком на 9 лет и его состав обновляется каждые 3 года на одну треть. Три кандидата представляет Президент, три – Сейм и три – Верховный суд. Зачисление их на должность производится Сеймом (ст. 103). Да и прекращение полномочий происходит в основном по обстоятельствам, не зависящим от воли другой власти (истечение срока полномочий, в случае смерти, в случае отставки, при невозможности исполнять свои обязанности по состоянию здоровья, в связи с импичментом) (ст.108).

Выводы. В литовской политико-правовой системе существует реально действующий *механизм сдержек и противовесов*, не позволяющий концентрироваться власти в одном органе. Напротив, на примере Республики Беларусь мы видим, что, к сожалению, не все известные современным правовым государствам инструменты системы сдержек и противовесов закреплены в Конституции, нарушен баланс между ветвями государственной власти в пользу исполнительной, президентской. Поэтому важный для конструкции правового государства *принцип разделения властей* не обеспечивает реализацию другого архиважного *принципа верховенства права (закона*), без осуществления которого модель правовой государственности является фикцией.

Маргарита Жесько
(ЕГУ, г. Вильнюс)

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ)

Институт конституционного правосудия является признаком современного демократического государства. Органы конституционного контроля призваны следить за соблюдением базового принципа правового государства – верховенства права. Конституционный суд является опорой и гарантом функционирования системы сдержек и противовесов. Наличие Конституционного Суда в Республике Беларусь и Федерального конституционного суда в Федеративной Республике Германии свидетельствует о демократическом характере этих государств, о стремлении обоих ставить высшей ценностью защиту прав и свобод человека.

Правовой статус Конституционного Суда Беларуси определяется Конституцией (ст. 40, 59, 112, 116, 122 и др.), а также Законом «О Конституционном Суде Республики Беларусь» от 30 марта 1994 г. с последующими изменениями и дополнениями и Регламентом Конституционного Суда Республики Беларусь, принятым решением Конституционного Суда от 18 сентября 1997 г. с дополнениями от 11 июня 2001 г.

Правовой статус Федерального Конституционного Суда ФРГ определяется Основным Законом Федеративной Республики Германии (ст. 18, 20, 21, 36, 41, 92–94, 98–100 и др.), а также специальным Законом «О Федеральном Конституционном Суде» от 12 марта 1951 г. с последующими изменениями от 16 июля 1998 г.

1. Процедура формирования Суда.

Согласно Конституции Республики Беларусь, шесть судей Конституционного Суда назначаются Президентом Республики Беларусь, шесть судей избираются Советом Республики Национального собрания Республики Беларусь. Председатель Конституционного Суда назначается Президентом Республики Беларусь с согласия Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь из числа судей Конституционного Суда. Предельный возраст членов Конституционного Суда – 70 лет. Срок полномочий судей – 11 лет. Повторное занятие должности судьи допускается.

Федеральный конституционный суд Германии состоит из двух судебных палат (сенатов), по восемь судей в каждой. Половина судей избирается Бундестагом и половина – Бундесратом. Благодаря такой системе, в суде представлены как интересы земель, так и интересы политических сил парламента. Бундесрат избирает восемь судей путем прямого голосования большинством в две трети голосов. Бундестаг же избирает сначала выборный комитет из 12 депутатов, формируемой на основе пропорционального представительства от политических фракций палаты. Затем выборный комитет избирает восемь судей ФКС. Судьи от Бундестага считаются избранными, если за них подано как минимум восемь голосов. Трое судей в каждой из палат должны избираться из членов пяти высших судов страны, т.е. от Федеральной судебной палаты, Федерального административного суда, Федерального финансового суда, Федерального суда по трудовым делам и Федерального суда по социальным вопросам, причем эти члены должны осуществлять свои полномочия к этому времени не менее трех лет. Такие требования являются гарантией однородности судейского состава и его опытности. Предельный возраст членов ФКС – 68 лет. Срок полномочий судей – 12 лет. Повторное занятие должности судьи не допускается.

2. Компетенция Конституционного Суда.

Конституционный Суд Республики Беларусь:

- дает заключения о соответствии законов, декретов и указов Президента РБ, актов межгосударственных образований, в

которые входит РБ, международных обязательств РБ Конституции и международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь;

● дает заключения о соответствии постановлений Совета Министров РБ, актов Верховного Суда РБ, Высшего Хозяйственного Суда РБ, Генерального прокурора РБ, актов любого другого государственного органа Конституции международно-правовым актам, ратифицированным РБ, законам, декретам и указам Президента Республики Беларусь;

● дает заключение о наличии фактов систематического или грубого нарушения палатами Парламента Конституции РБ;

● имеет право вносить палатам Парламента, Президенту, Совету Министров РБ и в другие государственные органы в соответствии с их компетенцией предложения о необходимости внесения в акты действующего законодательства изменений и дополнений, принятия новых нормативных актов;

● ежегодно направляет Президенту и палатам Парламента РБ послание о состоянии конституционной законности в республике;

● имеет право налагать штрафы на должностных лиц и граждан, проявивших неуважение к Конституционному Суду;

● не имеет права возбуждать производство по делам о проверке конституционности нормативных актов, если предложение об этом исходит от гражданина.

● Федеральный Конституционный Суд Федеративной Республики Германии:

● занимается толкованием Основного Закона в случаях споров об объеме прав и обязанностей верховного федерального органа или других участников, которые Основным Законом или регламентом верховного федерального органа наделяются собственными правами;

● проверяет совместимость федерального права и права земель с Основным Законом или совместимость права земли с другим федеральным правом;

● решает споры относительно прав и обязанностей Федерации и земель;

● решает публично-правовые споры между Федерацией и землями, между различными землями или в пределах одной земли;

● удовлетворяет конституционные жалобы. Конституционная жалоба может быть подана любым лицом, утверждающим, что государственная власть нарушила его гражданские права;

● контролирует законы на соответствие Основному закону;

● рассматривает конституционные жалобы общин и общинных союзов по поводу нарушения законом их права на самоуправление;

● выносит решения об утрате и лишении основных прав;

● выносит решения о неконституционности политических партий;

● выносит решения по жалобам о действительности выборов в бундестаг;

● выносит решения по обвинениям о нарушении закона федеральным президентом.

3. Юридическая сила и значимость решений Конституционного Суда.

Решения Конституционного Суда Республики Беларусь могут иметь форму заключения, требования к государственным органам – форму представления или запроса, анализ состояния конституционности в РБ – форму послания Конституционного Суда Президенту и палатам Парламента РБ. Решения Суда подлежат исполнению безотлагательно после опубликования, если иные сроки специально в нем не оговорены. Заключения Конституционного Суда являются окончательными, обжалованию и опротестованию не подлежат.

Решения Федерального конституционного суда Германии могут иметь форму комментария, заключения, в некоторых случаях имеют силу закона. Решения Суда обязательны для верховных органов федерации и земель, а также для всех судов и ведомств.

Деятельность Конституционного Суда Республики Беларусь является основой для корректировки национального законодательства, уникальной возможностью формирования правовой системы, ориентированной на становление правового, демократического и социального государства. Следовательно, его деятельность должна быть направлена не только на проверку соответствия законов, декретов, указов и

постановлений Конституции и международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, но и на активное участие Конституционного Суда в политической жизни страны. При этом Конституционный Суд должен руководствоваться основными принципами и ценностями права и защищать права и интересы личности в государстве.

Татьяна Беляева
(ЕГУ, г. Вильнюс)

ПОНЯТИЕ АФФИЛИРОВАННЫХ ЛИЦ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Термин «аффилированные лица» происходит от английского слова «affiliate» («присоединяться, связываться, усыновлять, принимать в качестве дочернего предприятия»). Он заимствован из англо-американской системы права и обозначает отношения между двумя и более субъектами, основанные на различных формах зависимости и контроля субъектов по отношению друг к другу. Под термином «affiliate» также понимается отношение близкой связи между корпорациями. При этом в американском праве понятие «аффилированной корпорации» имеет и точное математическое выражение, основанное на том, что под аффилированной корпорацией понимается корпорация, пять и более процентов голосующих акций которой принадлежат другой корпорации.

Одной из первых стран бывшего СССР, которая решила заимствовать данный термин англо-американской системы права, была Российская Федерация. Определение аффилированных лиц было дано в Положении об инвестиционных фондах, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 07.10.1992 г. № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных муниципальных предприятий». Для целей указанного Положения под аффилированным лицом физического или юридического лица (акционерного общества,

товарищества, государственного предприятия) понимались его управляющий, директора и должностные лица, учредители, а также акционеры, которым принадлежат 25 и более процентов акций, или предприятие, в котором этому лицу принадлежат 25 и более процентов голосующих акций. В число аффилированных лиц были включены все инвестиционные фонды, заключившие с ним договор об управлении инвестиционным фондом. Далее термин был несколько изменен Указом Президента Российской Федерации от 23.02.1998 г. № 193 «О дальнейшем развитии деятельности инвестиционных фондов». Следующим значительным шагом на пути становления понятия «аффилированное лицо» стало принятие Федерального закона Российской Федерации от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», в п. 1 ст. 93 которого закреплялась отсылочная норма, в соответствии с которой для целей акционерного законодательства аффилированными лицами признавались те же самые лица, которые имели таковой статус согласно требованиям антимонопольного законодательства Российской Федерации. В Положении об аффилированных лицах в Федеральном законе Российской Федерации «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» от 22.03.1991 г. № 948-1 под аффилированными лицами стали пониматься физические и юридические лица, способные оказывать влияние на деятельность юридических и (или) физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Таким образом, российский закон «Об акционерных обществах» не дает понятия аффилированного лица, а отсылает к антимонопольному законодательству, дефиниция аффилированного лица содержится в законе «О конкуренции на товарных рынках». Необходимо отметить, что понятие, приведенное в данном Законе, может использоваться применительно к иным отраслям (подотраслям, институтам) российского права. В силу этого понятие «аффилированное лицо» не является достоянием исключительно акционерного права.

Белорусское законодательство столкнулось с необходимостью введения термина «аффилированное лицо» совсем недавно. Хотя следует отметить, что определение присутствовало в отечественном законодательстве, а именно в Правилах аудиторской деятельности «Допущение о непрерывности деятельно-

сти аудируемого лица», утвержденных Постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 28.03.2003 № 45. Для целей вышеуказанных Правил под аффилироваными лицами понимались юридические и (или) физические лица, способные оказывать влияние на финансово-хозяйственную деятельность других юридических и (или) физических лиц. Однако, учитывая тот факт, что этот термин имел ограничительное применение лишь по отношению к данному акту, называть такое понятие присущим законодательству было бы неверным.

Отсутствие определенности в отношении понятия «аффилированные лица» привело к тому, что, например, налоговое законодательство выработало и до сих пор использует иной понятийный аппарат. Налоговое законодательство Республики Беларусь оперирует термином «взаимозависимые лица», который получил свое законодательное закрепление в одноименной ст. 20 Налогового кодекса Республики Беларусь. Взаимозависимыми лицами признаются физические лица и (или) организации, наличие отношений между которыми оказывает непосредственное влияние на условия или экономические результаты их деятельности или деятельности представляемых ими лиц.

Новая редакция Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» от 09.12.1992 № 2020-XII в 2006 г. ввела, наконец, в официальную терминологию дефиницию «аффилированные лица». В соответствии со ст. 56 Закона аффилированными лицами хозяйственного общества признаются физические и юридические лица, способные прямо и (или) косвенно (через иных физических и (или) юридических лиц) определять решения или оказывать влияние на их принятие хозяйственным обществом, а также юридические лица, на принятие решений которыми хозяйственное общество оказывает такое влияние. Как следствие, аффилированные лица акционерного общества могут быть разделены на две группы. Это те лица, которые сами могут влиять на деятельность данного акционерного общества, и те (уже только юридические лица), на деятельность которых может оказывать влияние само такое акционерное общество.

При сравнении первоначального смысла, который вкладывался англо-американской правовой системой в понятие аффилированности, и дальнейшей его трансформации в национальном законодательстве таких стран, как Российская Федерация

и Республика Беларусь, можно сделать вывод, что российский законодатель, заимствуя терминологию, значительно ее видоизменил, в результате чего само понятие стало несколько иным, по сравнению с первоначальным. Белорусский законодатель, в свою очередь, предусмотрел специальное применение указанного термина уже в национальной системе права Беларуси по сравнению и с американской, и с российской системой права таким образом, что имеет смысл говорить о том, что в белорусском праве правовая категория «аффилированное лицо» представляет собой «абсолютно самостоятельный институт», практически не связанный со своими американскими и российскими прародителями.

Литература

Нормативно-правовые акты:

Закон Республики Беларусь от 09.12.1992 № 2020-XII «О хозяйственных обществах».

Кодекс Республики Беларусь от 19.12.2002 № 166-З «Налоговый кодекс Республики Беларусь (общая часть)».

Постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 28.03.2003 № 45 «Об утверждении правил аудиторской деятельности и внесении изменений в некоторые постановления Министерства финансов Республики Беларусь».

Указ Президента Российской Федерации от 07.10.1992 № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий».

Указ Президента Российской Федерации от 23.02.1998 г. № 193 «О дальнейшем развитии деятельности инвестиционных фондов».

Федеральный закон РФ «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» от 22.03.1991 г. № 948-1.

Федеральный закон РФ от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

Аналитические материалы:

Дашук, С. Хозобщества: жизнь по-новому / С. Дашук // Белорусы и рынок. 20.03.2006, № 11.

Николаев, М. Аффилированные лица акционерного общества / М. Николаев // Консультант Плюс: Беларусь / Электронная база нормативных правовых актов.

Рагойша, П. Аффилированные лица хозяйственных обществ / П. Рагойша // Консультант Плюс: Беларусь / Электронная база нормативных правовых актов.

Функ, Я. Деятельность хозяйственного общества по определению своих аффилированных лиц / Я. Функ // Консультант Плюс: Беларусь / Электронная база нормативных правовых актов.

Светлана Валуева
(ЕГУ, г. Вильнюс)

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ И ЦЕНТРЫ ТРАНСФЕРТА ТЕХНОЛОГИЙ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ

Инновационная политика в развитых странах является составной частью государственной социально-экономической политики. Руководящий документ Министерства образования и науки Республики Беларусь и Национальной Академии наук Республики Беларусь «Научная и инновационная деятельность. Основные положения» (дата введения 01.03.1995 г.) определяет ее как «деятельность по освоению результатов исследований и разработок, повышающих эффективность способов и средств осуществления конкретных процессов, в том числе освоение в производстве новой продукции и технологий». Положительные результаты исследований и разработок являются инновациями. По существу инновации представляют собой оформленный результат фундаментальных, прикладных исследований, разработок или экспериментальных работ в какой-либо сфере деятельности по повышению ее эффективности. Новшества могут находить отражение в самых разнообразных формах: открытие; изобретение; полезная модель; научно-техническая документация на новый или усовершенствованный продукт, технологию; ноу-хау. Очевидно, что все вышесказанное имеет непосредственное отношение к проблеме интеллектуальной собственности.

Термины «предприятие» и «центр трансферта технологий» относятся к области корпоративного права и включают в себя целый ряд институтов, касающихся регистрации (создания) и функционирования (осуществления экономической деятельности) субъектами хозяйствования.

Таким образом, необходимо рассмотреть несколько аспектов: понятие субъектов инновационной структуры в национальном законодательстве, правовое регулирование их функционирования (наличие льгот и преференций, предоставляемых государством), условия получения льготных режимов, а также законодательную ситуацию в области правовой охраны прав на объекты интеллектуальной собственности в государстве в целом.

Ситуация в области инновационной политики в Республики Беларусь оценивается мной с той точки зрения, с которой она рассматривается при оценке положения в странах – кандидатах в члены Европейского союза. При этом оценку предлагается проводить по следующим четырем критериям:

1) факторы, затрудняющие создание компании (время и стоимость регистрационной процедуры, законодательство о недобросовестной конкуренции);

2) влияние законодательства о банкротстве и возможность перераспределять ресурсы (людские и финансовые) в экономике;

3) каждодневное административное бремя, относящееся к процедурам лицензирования, исполнения налоговых обязательств и обязательств по социальным платежам, иные процедуры, которые могут отвлекать менеджеров от долгосрочных проектов развития;

4) адекватность законодательства об интеллектуальной собственности, касающееся как гарантий надлежащей защиты указанных прав, так и возможности их коммерческого использования.

Субъектами инновационной инфраструктуры в соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь являются:

- научно-технологические парки (далее – технопарки);
- центры трансферта технологий;
- венчурные организации.

Технопарк – коммерческая организация со среднесписочной численностью работников до 100 человек, целью которой является содействие развитию предпринимательства в научной, научно-технической, инновационной сферах и создание условий для осуществления юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, являющимися резидентами технопарка, инновационной деятельности от поиска (разработки) нововведения до его реализации (например, Парк высоких технологий; Декрет Президента Республики Беларусь от 22.09.2005 г., № 12).

Центр трансфера технологий – коммерческая организация со среднесписочной численностью работников до 100 человек, целью которой является обеспечение передачи инноваций из сферы их разработки в сферу практического использования (например, Центр трансферта технологий – **Республиканский центр трансферта технологий).**

Венчурная организация – коммерческая организация, создаваемая для осуществления инвестиционной деятельности в сфере создания и реализации инноваций, а также финансирования инновационных проектов (например, Белорусский инновационный фонд).

Выводы

В целом законодательство Республики Беларусь в области поддержки инновационных предприятий соответствует общепринятому подходу в европейской практике. Законодательство в области охраны объектов интеллектуальной собственности также позволяет говорить о том, что имеются механизмы, позволяющие достаточно эффективно и в соответствии с мировой практикой осуществлять защиту объектов интеллектуальной собственности. В то же время существующие административные барьеры при регистрации предприятий, а также получение последующих разрешений на осуществление отдельных видов деятельности не позволяют говорить о наличии прозрачного и эффективного механизма функционирования субъектов инновационной инфраструктуры (в том числе и с привлечением иностранного капитала). Нуждается в корректировке и законодательство в области ликвидации субъектов хозяйствования, в частности, институт ликвидации по решению регистрирующего органа.

Антонина Маслыко
(ЕГУ, г. Вильнюс)

КЛОНИРОВАНИЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Ни у кого не возникает сомнений в том, что научно-технический прогресс представляет собой неотъемлемую часть современной цивилизации. Существование человечества без него либо вне его, несомненно, привело бы к деградации. Научно-технический прогресс сегодня – это ценность и одно из величайших достижений человечества (см. [6]). Но в то же время стремительный процесс развития науки таит в себе определенную опасность (так, оружие массового уничтожения, техногенные катастрофы являются негативными последствиями научно-технического прогресса), и это является доказательством того, что он не может протекать бесконтрольно и нуждается в финансово-экономическом, юридическом, этическом регулировании. Одной из наиболее фундаментальных проблем XXI в. является поиск сбалансированных методов и способов, которые смогут разумно контролировать достижения науки и техники, но в то же время не будут пытаться остановить развитие современной науки. По мнению автора, одну из ведущих позиций здесь должно занять право.

Ярким примером достижений научно-технического прогресса, последствия которых человечество может оценить уже сейчас, является клонирование. Можно сказать, что мир разделился на два лагеря – на противников и сторонников клониро-

вания. И у каждой из этих сторон есть свои достаточно весомые доводы.

Прежде чем перейти к рассмотрению позиций обеих сторон, необходимо дать определения основных понятий, используемых в сфере клонирования. Для начала рассмотрим термин «клонирование». В широком смысле слова клонирование представляет собой «метод получения нескольких идентичных организмов путем бесполого (в том числе вегетативного) размножения» [9]. В более узком смысле клонирование представляет собой «копирование клеток, генов, антител и даже многоклеточных организмов в лабораторных условиях». Появившиеся в результате экземпляры являются генетически одинаковыми, но все-таки и у них могут наблюдаться наследственные изменения, возникшие в силу определенных условий [1].

В дальнейшем пойдет речь о таких типах клонирования, как репродуктивное клонирование и терапевтическое клонирование. *Репродуктивное клонирование* представляет собой искусственное воспроизведение в лабораторных условиях генетически точной копии любого живого существа, в том числе человека. Самый яркий пример – появление в 1997 г. овечки Долли, первого клона крупного животного. *Терапевтическое клонирование* – это то же репродуктивное клонирование, но с ограниченным до 14 дней сроком роста эмбриона. Исследователи терапевтического клонирования изучают развитие стволовых клеток и процесс их регенерации.

Как уже отмечалось выше, в настоящее время общество разделилось на сторонников и противников клонирования. Как правило, самые жестокие споры идут в отношении репродуктивного клонирования.

Из множества аргументов, используемых сторонниками репродуктивного клонирования, можно выделить наиболее значимые:

- использование клонирования как достижения современной науки на благо всего человечества;
- клонирование позволит всему мировому сообществу вновь обрести исключительных личностей (в частности, таких как Исаак Ньютон, Альберт Эйнштейн, Мерелин Монро, Элвис Пресли, фараоны Египта);

- возможность клонирования умерших родственников и близких людей;
- возможность для бездетных пар иметь ребенка (при условии невозможности использования других способов);
- возможность излечения смертельных болезней.

Аргументы репродуктивного клонирования представляют собой единый комплекс правовых, моральных, этических, научных, религиозных аспектов изучения данной проблемы.

1. Правовой аспект. Возможность клонирования человека уже сейчас вызывает большое количество вопросов правового характера: каким образом будет разрешена проблема соотношения фундаментальных прав и свобод человека (право на достоинство и целостность личности) со свободой проведения научных исследований; будет ли клон являться субъектом права и, как следствие, какова природа его правосубъектности.

2. Этический аспект. Репродуктивное клонирование создает реальную угрозу превращения человека в «биомассу», человек может стать источником извлечения доходов. Существует реальная возможность возникновения нового вида дискриминации – разделение общества на клонов и естественно рожденных. К тому же у клона не будет так называемого «the right to an open future», что подразумевает отсутствие свободы выбора. Клон будет подвержен постоянному сравнению с «оригиналом». Возможно, он будет обязан пойти по тому же жизненному пути, что и человек, которого клонировали.

3. Научный аспект. Как известно, технологии в сфере клонирования далеки от совершенства, поэтому на данный момент невозможно со стопроцентной уверенностью заявлять об успешном результате каждого проведенного в сфере клонирования эксперимента. Результат может быть абсолютно непредсказуемым. И в связи с этим возникает вопрос о том, кто понесет ответственность за неудавшиеся попытки клонирования человека.

4. Религиозный аспект. Представители основных религиозных течений в мире выступают против репродуктивного клонирования человека, поскольку видят в этом посягательство человека на роль Бога и вмешательство в Божий промысел.

Для того чтобы оценить, каким образом осуществляется правовое регулирование клонирования, следует обратиться к до-

кументам международного, регионального, а также национального характера, в которых отражены существующие тенденции правового регулирования в сфере клонирования.

Международные документы:

- **Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 г.** [3]. В этом документе закреплены основные этические принципы проведения геномных исследований и практического применения их результатов. Как сказано в предисловии, «бесспорным достоинством этого документа является достигнутая в нем сбалансированность между гарантированием соблюдения прав и основных свобод и учетом необходимости обеспечения свободы исследований». В соответствии с положениями ст. 1 Декларации геном человека лежит в основе изначальной общности всех представителей человеческого рода, а также признания их неотъемлемого достоинства и разнообразия. Статья 2 Декларации гласит, что каждый человек имеет право на уважение его достоинства и его прав вне зависимости от его генетических характеристик. Декларацией закрепляется положение, в соответствии с которым практика, противоречащая человеческому достоинству (в том числе практика клонирования в целях воспроизводства человеческой особи), не допускается.
- **Декларация ООН о клонировании человека 2005 г.** [4]. В декларации подчеркивается, что поощрение научно-технического прогресса в области биологических наук должно осуществляться таким образом, чтобы это гарантировало уважение прав человека и пользу для всех. Указывается на недопустимость практики клонирования в целях воспроизводства человеческой особи.
- **Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека 2005 г.** [2]. В декларации затронуты этические вопросы, касающиеся медицины, наук о жизни и связанных с ними технологий применительно к человеку, с учетом их социальных, правовых и экологических аспектов.

К сожалению, названные международные документы носят декларативный, но не обязательный характер. Таким образом, единый международно-правовой документ, направленный на установление правовых рамок в области клонирования и носящий обязательный характер, на сегодняшний день отсутствует.

Региональные документы:

● **Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 г.** [7]. Это первый юридически обязательный документ в рамках Совета Европы, направленный на защиту человеческого достоинства, прав и свобод человека путем принятия ряда принципов и запретов против некорректного использования достижений биологии и медицины. В соответствии с положениями настоящей Конвенции вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено только в профилактических, диагностических или терапевтических целях при условии, что данное вмешательство не направлено на изменение генома наследников данного человека (ст. 13). Конвенцией запрещается создание эмбрионов человека в исследовательских целях (ст. 18).

● **Дополнительный протокол к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ 1998 г.** [5]. Протоколом установлено, что преднамеренное создание генетически идентичных человеческих существ, противоречит представлениям о человеческом достоинстве и в силу этого представляет собой недобросовестное применение достижений биологии и медицины. В соответствии с положениями протокола любое вмешательство, целью которого является создание человеческого существа, генетически идентичного другому человеческому существу, живому или умершему, запрещено.

● **Хартия Европейского союза об основных правах 2001 г.** [8]. Хартией закреплено право на целостность личности. И запрет на репродуктивное клонирование установлен в качестве одной из гарантий реализации данного права.

Переходя к нормативным правовым актам национального уровня, следует отметить, что лишь отдельные государства закрепили свое отношение к проблеме клонирования на законодательном уровне. К таким государствам относятся Федеративная Республика Германия (Федеральный закон 1990 г. «О защите эмбрионов»), Российская Федерация (Федеральный закон 2002 г. «О временном запрете на клонирование человека») и др.

Наличие всех вышеназванных аргументов правового, этического, религиозного, научного характера лишь подчеркивает значимость обозначенной автором проблемы. А отсутствие единого международно-правового документа подтверждает тот факт, что на данный момент мировому сообществу не удалось выработать единой позиции в отношении клонирования человека. Проблема носит глубинный характер, и при ее разрешении необходимо оценивать все стороны социальной жизни общества и государства в целом. Каждый из нас должен задуматься: может ли быть изменено то, что создано природой, и вправе ли человек исправлять ее ошибки (если они есть), не приведет ли научный прогресс человечество к катастрофе. По мнению автора, единственный способ ответить на все поставленные вопросы – создание действенного правового поля, в котором будут разрешены проблемы клонирования человека.

Литература

1. *Багатурова, А.* Это противоречивое клонирование / А. Багатурова. [Электронный ресурс] Дата доступа: 26.03. 2007 г. Режим доступа: http://www.computerra.ru/xterra/37033/.
2. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека 2005 г. [Электронный ресурс] Дата доступа: 20.12. 2006 г. Режим доступа: http://www.unesco.ru/files/docs/universal_declaration_on_bioethics_and_human_rights_rus.pdf.
3. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 года. [Электронный ресурс] Дата доступа: 20.12. 2006 г. Режим доступа: http://www.un.org/russian/documen/declarat/human_genome.pdf.
4. Декларация ООН о клонировании человека 2005 г. [Электронный. ресурс] Дата доступа: 20.12. 2006 г. Режим доступа: http://www.un.org/russian/documen/declarat/decl_clon.htm.
5. Дополнительный протокол к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ 1998 г. [Электронный ресурс] Дата доступа: 20.12. 2006 г. Режим доступа: http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/168.htm.
6. *Калинченко, П.А.* Запрет клонирования в европейском праве / П.А. Калинченко [Электронный ресурс] Дата доступа: 20.12. 2006 г. Режим доступа: http://www.eulaw.edu.ru/documents/articles/zapr_clon_chel.htm.

7. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 г. [Электронный ресурс] Дата доступа: 20.12. 2006 г. Режим доступа: http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/164.htm.
8. Хартия Европейского союза об основных правах 2001 г. [Электронный ресурс] Дата доступа: 20.12. 2006 г. Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/en/treaties/dat/12004V/htm/C2004310EN.01004101.htm.
9. Энциклопедия «Кругосвет» [Электронный ресурс] Дата доступа: 26.03. 2007 г. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/articles/03/1000300/1000300a1.htm#1000300-A-101.

Юрий Герасимович
(ЕГУ, г. Вильнюс)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЭВТАНАЗИИ

Добровольная смерть – прекраснейшее завершение жизни.
Ибо вся наша жизнь зависит от воли других людей,
и только смерть – от нашей собственной
Мишель Монтень

Возросший интерес к проблеме эвтаназии диктуется не только достижениями медицинской науки, в частности в области реаниматологии, но также освобождением мышления современного человека от традиционных представлений и догм, изменениями в мировосприятии людей.

У сторонников равно, как и у противников «гуманной» смерти есть ряд убедительных доводов, рассмотрев которые можно прийти к некоторым выводам.

1. Проблему эвтаназии следует рассматривать в этико-религиозном, медицинском, социально-политическом и правовом аспектах.

2. Легализация «права на смерть» скрывает в себе множество возможностей для неправильного применения акта эвтаназии: злоупотребления со стороны медицинского персонала, криминализации сферы здравоохранения.

3. Совокупность предпосылок эвтаназии включает: наличие неизлечимого заболевания, следствием которого станет летальный исход; наличие сильных физических страданий, неустранимых известными способами; вменяемость пациента; использование всех возможных медицинских средств для лечения болезни.

4. Юридический аспект проблемы применения эвтаназии заключается в оценке пределов обязанностей врача при принятии решения о нецелесообразности дальнейших вмешательств.

5. В роли субъекта, осуществляющего эвтаназию, может быть только медицинский работник. Если процедуру эвтаназии совершают иные лица, к примеру родственники больного, то эти случаи будут рассматриваться в контексте причинения смерти путем ассистируемого суицида.

6. Этико-религиозные взгляды и несовершенство общества, отсутствие необходимого уровня правовой культуры в стране, недостаточное развитие сферы здравоохранения – причины, не допускающие применение эвтаназии в современных условиях в Республике Беларусь.

7. При возможной легализации эвтаназии необходимо предусмотреть создание многоуровневого механизма, который обеспечит процессуальные гарантии защиты прав пациента и в то же время минимизирует риск злоупотреблений со стороны медицинских работников, закрепив законодательно «право на смерть».

8. Предложения по внесению изменений в закон Республики Беларусь «О здравоохранении» в случае принятия решения о легализации эвтаназии в будущем:

- эвтаназия – добровольная согласованная с врачом смерть дееспособного вменяемого неизлечимо больного человека, который испытывает сильные страдания, неустранимые известными способами, с помощью специальных средств либо путем отключения от аппарата искусственного дыхания;
- эвтаназии должна предшествовать просьба пациента, излагаемая после получения полной информации о характере заболевания и последствиях применения эвтаназии, которая должна быть письменно оформлена в присутствии двух врачей и нотариально заверена;
- вменяемость пациента должна установить медицинская экспертиза, а заключение о неизлечимости, скрепленное печатью медицинского учреждения, – комиссия из врачей, юриста и специалиста по врачебной этике;
- с момента подписания больным заявления в присутствии двух врачей, должно пройти по крайней мере семь дней, и если пациент подтверждает свое решение, после этого должно

пройти еще 48 часов. Врач должен находиться при пациенте до момента его смерти;

- для проведения процедуры эвтаназии должна быть получена санкция прокурора или суда.

9. Приоритетным направлением для Республики Беларусь должно стать развитие паллиативной помощи, устранение боли и всесторонняя поддержка пациентов, а не легализация эвтаназии.

Елена Королева
(ЕГУ, г. Вильнюс)

ИСТОКИ БЕЛОРУССКОГО АВТОРИТАРИЗМА: СВЯЗЬ С НАЦИОНАЛЬНЫМ МЕНТАЛИТЕТОМ

Беларусь, провозглашая себя демократией, де-факто является страной с авторитарным режимом. Причина данной ситуации кроется не только в конкретных людях, возглавляющих нашу страну, но, как представляется, и в национальном менталитете. Менталитет – это образ мышления, мировосприятия, духовной настроенности, присущие индивиду или группе. Менталитет имеет прямую связь с историческим прошлым и с культурой народа; безусловно, роль его очень велика, так как мысли и настроения порождают действие. Следовательно, определенные истоки многих политических событий можно найти в национальном менталитете.

Поэтому сначала следует вернуться в 1994 г. и установить причины прихода к власти нынешнего президента. На мой взгляд, можно выявить следующие факторы его избрания, связанные с менталитетом и настроениями, господствовавшими в то время:

1. Кризис социальной системы, мгновенный крах устоев, растерянность людей вкупе со сложной экономической ситуацией.

2. Обещание борьбы с коррупцией, являвшееся особенно привлекательным для нашего общества, воспитывавшегося на принципах классового равенства и неприятия частной собственности.

3. Низкий уровень общей политической культуры как следствие советской монополии на истину и манипуляции общественным мнением.

4. Феномен близости А.Г. Лукашенко к электорату.

5. Желание народа иметь покровителя в лице государства, так называемую «сильную руку».

Таким образом, можно сказать, что на выборах 1994 г. решающую роль оказало советское наследие.

Однако, с другой стороны, это самое наследие получила не только Беларусь, но и все страны, входившие в состав СССР, но тем не менее избравшие различные пути развития. Почему же именно в Беларуси утвердился авторитарный режим? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно выявить наиболее типичные черты белорусского менталитета, повлиявшие на развитие и окончательное становление авторитаризма в нашей стране. На мой взгляд, это:

1. Покорность внешним обстоятельствам, отсутствие критического отношения к власти как результат длительного нахождения в подневольном состоянии большей части белорусского народа (отношения между феодалами и крестьянами, построенные на принципе холопства; усиление давления при советской власти).

2. Отсутствие единства и солидарности (истоки те же, что и в предыдущем случае; данная черта менталитета также была усилена при советской власти).

3. Низкая правовая культура населения, отношение к законам как к чему-то формальному и несущественному. Голосование на референдумах по изменению Конституции людьми, не имеющими о ней представления.

4. Инертность, довольствие малым как следствие многочисленных лишений и войн.

5. Низкий уровень культуры, отсутствие национальной идеи, что также приводит к отсутствию солидарности и единства народа.

6. Отсутствие реального демократического опыта.

Данные факторы сыграли свою роль на определенных этапах новейшей истории нашей страны и в результате та искра демократии, что вспыхнула после развала СССР, была быстро погашена установившимся режимом, и народ снова пошел по при-

вычному темному пути авторитаризма, ведущему прямиком в тоталитарную клетку.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что ситуация в современной Беларуси достаточно серьезна и непроста для того, чтобы найти какой-то определенный способ, который может мгновенно ее изменить. Путь перемен не бывает легок. Однако обнадеживает то, что первые шаги, на мой взгляд, уже сделаны.

Наступило время открытого информационного общества и глобализации, а это не может не оказать влияния на менталитет людей. Однако нужно помнить, что менталитет народа – это совокупность менталитетов отдельных его представителей, поэтому кардинальные перемены в обществе могут осуществиться только в том случае, когда они произойдут в сознании большинства членов этого общества. Следовательно, особое внимание нужно уделять устранению негативных черт менталитета, приведших наше общество к авторитаризму. И начинать нужно прежде всего с себя.

Я верю, что история все расставит по своим местам. Ведь, как гласит испанская пословица, «на штыки можно опираться, но на них нельзя сидеть». Любой режим, основанный на насилии и принуждении, рано или поздно рухнет. И то, как скоро это произойдет, зависит от каждого из нас, ведь мы и есть белорусский народ.

Литература

1. Бобрович, В. Перевоспитание нации, В поисках толерантности.../ В. Бобрович [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: // www.nmnby.org/articles/020204/nation.html.
2. Журнал исследований восточно-еропейского пограничья «Перекрестки» №№ 1–2/ 2002; 1–2/2006.
3. Органов, А.А. Теория культуры / А.А. Органов, И.Г. Хангельдиева. М., 2001.
4. Пугачев В.П. Введение в политологию / В.П. Пугачев, А.И., Соловьев. М., 1995.

Ганна Каморнік
(ЕГУ, г. Вільнюс)

УПЛЫЎ ПРАЦЭСАЎ ДЭМАКРАТЫЗАЦЫІ НА СТАНОВІШЧА НАЦЫЯНАЛЬНЫХ МЕНШАСЬЦЯЎ (НА ПРЫКЛАДЗЕ ПОЛЬШЧЫ)

Правы і статус нацыянальных меншасьцяў у дэмакратычным грамадзтве – адна з самых складаных і супярэчлівых праблемаў як права, так і паліталёгіі. Нягледзячы на тое, што пытаньне ўжо даўно набыло міжнародны характар, абарона правоў нацыянальных і этнічных меншасьцяў з'яўляецца ў першую чаргу аб'ектам унутранай дзяржаўнай палітыкі.

Абраная для аналізу краіна – Рэспубліка Польшча, якая пасьля 1989 г. узяла курс на дэмакратызацыю краіны, – дазваляе прасачыць, як агульныя працэсы дэмакратызацыі ў грамадзтве ўплываюць на становішча нацыянальных меншасьцяў у краіне.

Каб вызначыць перамены, якія адбыліся, неабходна абмаляваць сытуацыю, што існавала ў пэрыяд паміж Другой сусьветнай вайной і пачаткам палітычнай рэформы і характарызавалася даволі жорсткай асыміляцыйнай практыкай, гвалтоўнымі перасяленьнямі грамадзянаў, што належалі да нацыянальных меншасьцяў, ігнараваньнем праблем меншасьцяў і самога факта іх існаваньня ў сродках масавай інфармацыі, дыскрымінацыяй асоб, прыналежных да нацыянальнай меншасьці, у прафэсійнай і адукацыйнай сфэрах. Кіраўніцтва краіны, карыстаючыся ў розныя перыяды рознымі сродкамі, будавала монаэтнічную дзяржаву, што негатыўна паўплывала на становішча нацыянальных дый этнічных меншасьцяў.

Дэмакратызацыя палітычнай сыстэмы і грамадзтва, а таксама зьнешнепалітычны курс краіны на сяброўства ў Радзе Эўропы і Эўрапейскім Зьвязе прывялі да зьмены палітыкі адносінаў да нацыянальных меншасьцяў, што было замацавана і ў заканадаўстве.

Так, у Законе аб сыстэме адукацыі ад 7 верасьня 1991 г. [5] сьцьвярджаецца, што школы і адукацыйныя ўстановы могуць падтрымліваць у вучняў пачуцьцё нацыянальнай, этнічнай, моўнай і рэлігійнай сьвядомасьці, а таксама ўводзіць выкладаньне мовы ці ўласнай гісторыі нацыянальнай меншасьці. Таксама прадстаўнікі нацыянальных меншасьцяў маюць права арганізоўваць уласныя прыватныя адукацыйныя інстытуцыі.

Закон пра радыё і тэлевізію ад 29 сьнежня 1992 г. [3] гаворыць пра тое, што грамадзкія праграмы павінны адпавядаць у тым ліку патрэбам этнічных і нацыянальных меншасьцяў.

Закон аб польскай мове ад 7 лістападу 1999 г. [1] запэўнівае, што меры, якія ў ім утрымліваюцца, не парушаюць правоў нацыянальных і этнічных меншасьцяў, і адзначае, што ў мясцовасьцях з шчыльным пражываньнем нацыянальных ці этнічных меншасьцяў геаграфічныя назвы на польскай мове могуць суправаджацца перакладам на іншай мове.

У Законе аб выбарах ад 12 красавіка 2001 г. [4] зафіксавана адмена 5% бар'еру для выбарчых камітэтаў, што ўтвараюцца арганізацыямі нацыянальных меншасьцяў пры выбарах у Сэйм Польшчы і Сэнат.

Самы галоўны заканадаўчы акт, што датычыцца нацыянальных меншасьцяў, быў прыняты значна пазьней; менавіта 5 сьнежня 2005 г. быў прыняты Закон аб нацыянальных і этнічных меншасьцях і рэгіянальнай мове [2], які ўтрымлівае дэфініцыі паняткаў нацыянальнай і этнічнай меншасьці, забараняе дыскрымінацыю і акрэсьлівае шэраг моўных, палітычных і іншых правоў асоб, прыналежных да нацыянальных меншасьцяў, а таксама вызначае дзяржаўныя органы, адказныя за рэалізацыю дадзенага закону. Польскае заканадаўства не прадугледжвае тэрытарыяльных аўтаномій па этнічнай прыкмеце, хаця ў межах краіны існуюць меншасьці, што пражываюць кампактна.

Такім чынам, палітыку польскай дзяржавы да нацыянальных меншасьцяў можна ацаніць як інтэграцыйную, то бок схільную

аб’яднаць розныя групы грамадства дый прадставіць ім шляхам спэцыяльных мераў магчымасьць захаваць свае адметнасьці.

Літаратура

1. Ustawa o języku polskim. Dz. U. 2002, nr 37, poz. 349.
2. Ustawa o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym Dz.U. 2005, nr 17, poz. 141.
3. Ustawa o radiofonii i telewizji. Dz. U. 2004, nr 253, poz. 2531.
4. Ustawa ordynacja wyborcza do Sejmu i Senatu. Dz. U. 2001, nr 46, poz. 499.
5. Ustawa o systemie oświaty. Dz. U. 1996, nr 7, poz. 329.

Наталья Мельник
(ЕГУ, г. Вильнюс)

ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТАТУСА БЕЖЕНЦА: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Предоставление статуса беженца в Европейском Союзе (ЕС) – совокупность правовых механизмов (процедур) международного права и права ЕС в отношении:

1. определения государства, ответственного за рассмотрение заявления;
2. определения возможности предоставления лицу статуса беженца.

Вопрос о том, какое государство будет рассматривать ходатайство, решается на основе Дублинской конвенции 1990 г. (замененной на Регламент № 343/2003/ЕС, так называемый Дублин 2). Основной принцип данного Регламента заключается в том, что ходатайство о предоставлении убежища должно быть рассмотрено лишь одним государством-участником, даже при условии, что рассмотрение данного ходатайства является прерогативой другого государства-участника. В частности, государство, допустившее лицо на территорию, должно рассматривать ходатайство. В том случае, если лицо, обращающееся с просьбой о предоставлении убежища, обладает действительными документами или визой государства – члена ЕС, то государство, выдавшее данный документ, и будет ответственно за рассмотрение ходатайства. Если же у данного лица имеется более одного документа, выданных разными государствами-участниками, то

ответственным будет то государство, которое выдало документ на более длительный срок пребывания. Если же сроки одинаковы во всех документах, то ориентируются по позднему сроку истечения действия документа. Аналогичное правило распространяется и на выданные визы. Ответственным будет являться также и то государство, в котором лицо, подающее ходатайство, впервые пересекло границу с ЕС (принцип «третья безопасная страна») или незаконно оставалось в течение шести месяцев (или более) в одном из государств-участников.

На основании Резолюции Совета ЕС от 20 июня 1995 г. «О минимальных гарантиях процедур предоставления убежища» процедуры рассмотрения заявлений о предоставлении убежища применяются в полном соответствии с Женевской конвенцией 1951 г., Нью-йоркским протоколом 1967 г. о статусе беженцев и другими обязательствами, предусмотренными международным правом в отношении беженцев и прав человека.

Теоретически лицо может подавать заявление о предоставлении статуса беженца по основаниям, предусмотренным Женевской конвенцией. Однако страны ЕС предусмотрели ряд механизмов, направленных на «отсеивание» лиц, подающих данные заявления. К таким механизмам относятся: принцип «третья безопасная страна» (который является непрямым нарушением основного международного принципы «невысылки»), введение правила отказа в предоставлении статуса беженца по причине «необоснованного ходатайства» либо «недопустимого ходатайства», рассмотрение «необоснованных и недопустимых ходатайств» по ускоренной процедуре.

Более того, Совместная позиция от 4 марта 1996 г. по гармонизированному применению определения термина «беженец» в Женевской конвенции затрагивает толкование определения беженца и позволяет государствам придерживаться ограничительного подхода, отказывая в убежище жертвам «негосударственного» преследования со стороны таких групп, как нерегулярные вооруженные формирования.

Следует отметить, что Директивой 2003/9/ЕС от 27 января 2003 г. «О минимальных стандартах приема лиц, ищущих убежища (Council Directive 2003/9/EC)» государства – члены ЕС могут отказать в предоставлении статуса беженца по основаниям, не предусмотренным Женевской конвенцией.

С одной стороны, нормы международного права восприняты странами ЕС. С другой стороны, имеет место «обход принципа невысылки», ограничительное толкование некоторых положений Женевской конвенции и отсутствие единых стандартов по правилам получения статуса беженца, правилам подачи ходатайства (его форма, тип учреждения, занимающегося его рассмотрением и др.), срокам рассмотрения ходатайства, правилам подачи апелляций и др.

Вышеназванные международно-правовые и законодательные акты, принятые в ЕС, призваны обеспечить одинаковый подход для весьма несхожих национальных систем предоставления убежища (гармонизацию политики государств-членов). Однако в рамках вышеназванной гармонизации, страны ЕС ограничили число возможных обжалований отрицательного решения, установили ускоренную процедуру апелляций в случае явно необоснованного ходатайства, ввели принцип «третьей безопасной страны». Более того, формальное установление двух этапов получения статуса беженца представляет собой достаточно длительную и сложную процедуру. Для получения статуса беженца необходимо сначала получить доступ к процедуре того или иного государства ЕС, которое на основании Дублинской конвенции должно будет рассматривать ходатайство, и лишь потом лицо, ходатайствующее об убежище, получит право на подачу заявления к рассмотрению. Процедурные вопросы, в свою очередь, устанавливаются не на уровне ЕС, а на национальном уровне каждого из государств-членов и зачастую различаются.

III.
БЕЛАРУСЬ – ЛИТВА: ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

Алексей Жданович
(рекламное агентство ОДО «Все сразу»,
г. Минск)

ВИЛЕНСКИЙ БЕЛОРУССКИЙ МУЗЕЙ

Историю Виленского Белорусского музея называют трагичной. Когда разговор заходит о собрании древностей братьев Луцкевичей, многие годы хранившихся и экспонировавшихся в Вильнюсе, у большинства музейщиков и архивистов вырывается вздох сожаления. Осколками собрания «белорусского музея Ивана Луцкевича» сегодня обладают Литва и Беларусь. До недавних пор тема эта считалась «неподъемной»: никто ничего из наспех поделенного в далеком 1945 г. возвращать не собирался. Взаимные претензии не рассматривались. Впредь предполагалось говорить о собрании лишь в минорной тональности – дескать, было, но, увы...

И вот последние новости: в Белорусском архиве-музее литературы и искусства, где хранится значительная часть архива, собранного в музее братьев Луцкевичей в Вильно, начата работа по подготовке к будущим совместным исследованиям. Проводится сверка описей, оформление и уточнение фондов, необходимый перевод документации. На сегодняшний день речь идет о виртуальном воссоздании музея.

Во второй половине XIX и в начале XX в. Вильно стал центром белорусского национального возрождения. В Вильно публиковались первые литературные произведения на современном белорусском языке, действовали белорусские организации, издавалась первые белорусские газеты – «Наша Нива», «Гомон» и

прочие. Инициатором создания в 1921 г. Белорусского музея в Вильно был Иван Луцкевич (1881–1919), белорусский политический деятель, археолог, историк, этнограф. Он входил в редакции газет «Наша доля» и «Наша нива», участвовал в создании первых белорусских школ и учительских курсов на Виленщине, Гродненщине, Белосточчине (1916), Виленской беларусской гимназии (1919). Иван Луцкевич – автор научных и публицистических работ, в которых разрабатывал проблемы государственного самоопределения Беларуси, искусствоведения и развития книжной культуры. Был сторонником равноправных отношений Беларуси с Россией, Польшей, Украиной, Литвой.

В Варшаве в главном архиве древних актов хранятся анкеты музеев Польши за 1937 г. Среди них есть и анкета Белорусского музея Ивана Луцкевича, заполненная рукой его брата, тогдашнего директора Антона Луцкевича. Здесь были большие коллекции этнографии, скульптуры, нумизматики. Музейная библиотека состояла более чем из 10 тыс. томов, было и богатое архивное собрание, большая коллекция фотографий. Фонды архива насчитывали несколько тысяч документов и включали редакционные архивы газет «Наша нива», «Гомон», «Голос Белоруса», журналов, документы белорусских партий, комитетов, союзов, товариществ, Виленского народного университета, личные архивы поэтессы Тетки, самих братьев Луцкевичей, Ластовского, Смолича, рукописи произведений и научных трудов писателей, ученых, многих белорусских просветителей. Все это Иван Луцкевич начал собирать еще гимназистом. В межвоенные годы музей пополнялся дарами интеллигенции и простых людей не только Вильно, но и всей Западной Белоруссии и, таким образом, стал, по существу, народным культурным учреждением. В результате образовалось богатейшее собрание, каталоги которого, к счастью, дошли и до наших дней.

После вхождения Литвы в состав СССР началась трагическая страница в истории музея. Были арестованы его сотрудники, в том числе и директор Антон Луцкевич. В конце концов, после долгой неопределенности музей был передан в подчинение Литовской академии наук. Просуществовал музей почти до начала Великой Отечественной войны. А сразу же после нее был расформирован и будто бы справедливо поделен между литовскими и белорусскими музеями, библиотеками и архивами. По

решению ликвидационной комиссии Совнаркома Литвы экспозиция была поделена на несколько частей: экспонаты, имеющие отношение к истории Литвы, остались в стране, к вывозу в БССР разрешались лишь экспонаты, имеющие непосредственное отношение к истории Беларуси. «НАМ для белорусов ничего не жалко. Пожалуйста, берите все, что в Литве белорусского, но не трогайте ничего нашего, литовского», – эти слова литовский академик В. Биржишка адресовал в мае 1941 г. Янке Купале, Якубу Коласу и другим членам официальной белорусской делегации во главе с секретарем ЦК КП(б)Б Тимофеем Горбуновым, которая прибыла в Вильнюс, чтобы решить судьбу знаменитого Белорусского музея имени Ивана Луцкевича. Не раз можно было услышать от литовских участников того дележа: из Минска приехали люди известные, но недостаточно компетентные. Реальную судьбу коллекции вершили местные специалисты, заинтересованные в том, чтобы в Вильнюсе осталось самое лучшее. Принцип раздела на «белорусское» и «литовское» был тогда просто нереален: ведь музей-то – белорусский. Правда, для приличия согласились, чтобы архив газеты «Наша нива» находился в Минске. Потом к минским коллекциям прибавились некоторые образцы белорусского народного ткачества.

Что же касается остального, то это не «осколки», а настоящие глыбы. Скажем, фонд 21 в отделе рукописей Научной библиотеки Литовской академии наук, целиком состоящий из рукописей и писем белорусских писателей. Раньше он так и назывался: «Vilniaus baltarusiu fondas» («Виленский белорусский фонд»), но потом название «упорядочили». Там же – редкие и редчайшие книги из того же музея, подшивки белорусской периодики. То же самое с картинами, предметами декоративно-прикладного искусства. В картинной галерее, находившейся раньше в Кафедральном соборе, можно было безошибочно определить, что поступило сюда из фондов того же музея, а позже оказалось в Литовском национальном историческом музее у горы Гедиминаса.

В Литве, таким образом, осталась значительная часть коллекции Белорусского музея имени Ивана Луцкевича. Вернуть ее сегодня в Республику Беларусь практически нереально. Нет возможности даже передать эту коллекцию, например, в один из музеев, принадлежащий белорусским общественным организа-

циям Литвы. Дело даже не в «злой воле литовских элит», про которую любят вполголоса говорить в Минске. Любой человек, который имел дело с музейными работниками (или с частными коллекционерами), отдает себе отчет в том, что вернуть хоть одну единицу хранения – задача нетривиальная и практически неразрешимая. Музейщики во всем мире имеют одну общую черту: они болезненно трепетно относятся к своим коллекциям. Именно эта черта, по мнению многих, не очень приятная в повседневной жизни, позволяет, собственно, и собирать коллекции. Да, коллекция Виленского Белорусского музея – это огромная и, скорее всего, невосполнимая потеря для нашей культуры.

В конце 2006 г. в Минске проходила международная конференция ЮНЕСКО, посвященная деятельности архивов и библиотек. На ней говорилось о том, как сегодня можно разрубить этот давний узел споров и взаимных претензий. По словам председателя Национальной комиссии по делам ЮНЕСКО Владимира Счастного, интерес к возможному воссоединению собрания братьев Луцкевичей был всегда, и литовская сторона давно уже выражает готовность принять участие в совместной виртуальной реконструкции музея, бесценного для наших стран.

Известно, что проект виртуальной реконструкции собрания братьев Луцкевичей включен и в национальную программу «Память Беларуси» на 2007–2011 гг. На сегодняшний день очень приблизительно известно о том, что из музейного собрания и архива находится в Литве, а что в Беларуси. Работы много, но это та работа, которой не боишься, а напротив, сгораешь от нетерпения поскорее за нее приняться. Хотя определенное исследовательское нетерпение и присутствует, все понимают: после стольких лет ожидания спешка уже ни к чему. Куда важнее основательность и взаимная открытость. Хочется верить: еще одним спорным вопросом станет меньше. Подобные, пусть и виртуальные, но все же объединения – тенденция последних лет. Думается, вернуть в виртуальном виде раритеты в научный оборот, а стало быть, и в общественный – не менее важно, чем иметь эти ценности в оригинале. Но – за семью замками, в хранилище, куда многие из нас никогда не попадут. Ведь лет 20 назад было бы просто немыслимо похвалить планы виртуального воссоздания Виленского (с 1939 г. – Вильнюсского) Белорусского музея, поместить фотографию его основателя – многострадального Ивана

Луцкевича, целиком посвятившего себя служению белорусскому возрождению. Это очень хорошо, что Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства взялся вместе с литовскими коллегами за виртуальную реконструкцию музея, что Национальная комиссия нашей страны по делам ЮНЕСКО поддержала предложение, недавно еще действительно совершенно «неподъемное».

Наталля Мяшкова
(ЕГУ, г. Вільнюс)

ПУБЛІЦЫСТЫКА КАЗІМІРА СВАЯКА НА СТАРОНКАХ ГАЗЕТЫ «БЕЛАРУС»

Артыкул уяўляе сабой спробу аналізу дагэтуль недаследаванай публіцыстычнай спадчыны беларускага святара, паэта, грамадскага дзеяча Канстанціна Стаповіча (1890–1926), вядомага па псеўданіму Казімір Сваяк. Аўтар разглядае творы Сваяка, надрукаваныя ў беларускім каталіцкім выданні «Беларус» на працягу 1913–1915 гг. У працы шырока выкарыстоўваюцца першакрыніцы. Пры гэтым публіцыстычныя творы разглядаюцца ў кантэксце жыццёвых калізій Казіміра Сваяка і пэўных гістарычных падзей.

The article is an attempt to analyze the hitherto unstudied publicistic legacy of Kanstantin Stapovich (1890–1926) – the Belarusian priest, poet and public figure, also known as Kazimir Svayak. Svayak's writings published in the Belarusian Catholic edition "The Belarus" in the period of 1913–1915 are considered.

У 1990 г. прафесар Адам Мальдзіс як удзельнік міжнароднай навуковай канферэнцыі Рым-1, прысвечанай гісторыка-культурным дачыненням краін Цэнтральна-Усходняй Еўропы, атрымаў гонар аўдыенцыі ў Папы Яна Паўла ІІ. Пад час сустрэчы зайшла гаворка і аб тым, што беларусы-католікі не маюць свайго духоўнага патрона. Тады Адам Мальдзіс назваў у якасці магчымых кандыдатаў прэлата Фабіяна Абрантовіча, мучаніка і філосафа, з якім сябраваў Янка Купала, і Канстанціна Стаповіча, беларускага святара, паэта, філосафа, дзеяча нацыянальнага Адраджэння,

вядомага па псеўданіму Казімір Сваяк. Папа з увагай выслухаў беларускага вучонага, і зазначыў, што гэтае пытанне абавязкова будзе вырашацца, толькі шлях кананізацыі справа доўгая і карпатлівая...[1].

Такім чынам праз некаторы час у беларусаў, магчыма, стане больш заступнікаў на небе, і адным з іх будзе святар Казімір Сваяк, жыццёвы шлях якога быў пакутлівым пошукам сэнсу, спасціжэннем волі Божай, якую ён бачыў у служэнні сваёй Бацькаўшчыне і свайму народу.

Канстанцін Стаповіч нарадзіўся 19 лютага 1890 г. ў вёсцы Барані (зараз гэта Астравецкі раён Гродзенскай вобласці) у сям'і лесніка Мацея, які служыў у мясцовага пана Сволькена. «Шчаслівае дзяцінства! Як жа яно жыва запісалася ў маёй памяці, – напіша потым Казімір Сваяк у сваім філасофскім дзённіку «Дзея маёй мысьлі, сэрца і волі», і далей: Незваротны час! Як жа я тады блізкі быў прыроды, як зжыўся з шаптуном-борам, з зялёным гаем, кветным лугам! Быць любіў і пад навальніцай-громам і пад гарачым сонцам і на балючым марозе. Якое здароўе біла з майго твару...» [7, с. 2].

У летуценную пару дзяцінства яшчэ нічога не прадказвала духоўнага паклікання. Пасля заканчэння пачатковай «людовай школкі» Канстанцін вучыцца ў павятовай у Свянцянах. І тут, быццам бы, збочвае са шляху свайго прызвання. Потым ён так будзе ўспамінаць гэты час: «моладзь, якая была з грунту благая, безідэйна, патрапіла вырваць з душы маёй добрыя зароды веры ў жыццё загробнае. (...) Рэлігію пачаў уважаць я за нешта фальшывае ў жыцці людзкім...» [7, с. 3].

Але ўжо ў восене 1906 г. Канстанцін «цікавіцца рэлігіяй і варочаецца... да пакінутай малітвы», і 21 верасня 1907 г. робіць наступны запіс: «Выбраў сабе небясьпечную дарогу: уступіць у семінарыю. Баюся, хоць чую руку Божую, што не дарма вырвала мяне з таго балота гнойнага, у каторае пачаў лезці, забіўшы бога ў сваім сэрцы» [7, с.5].

Канстанцін жыве ў Вільні, рыхтуецца да паступлення ў семінарыю, і ў гэты ж час ён знаёміцца з беларускай працай праз газету «Наша Ніва», а ў 1909 г. паспяхова вытрымлівае ўступныя іспыты.

Час вучобы вельмі важны для будучага святара – «мае ён прынясці мне крыху дасканальнасьці хрысьціяніна, каторая

аднак зьмяніла-б мяне ў іншага чалавека». Дзеля спасціжэння сутнасці чалавека, яго ролі ў свеце, створаным Богам, малады клірык аддае ўсе душэўныя і духоўныя сілы. Гэтыя напружаныя, з надрывам, пошукі найгоршым чынам адбіваюцца на здароўі Канстанцыя – у 1912 г. ён захварэў на сухоты: «Чую ў сабе рабака ў грудзёх, што хоча згрызьці здаровы дагэтуль мой арганізм. Тады трэба будзе развітацца з усім – і з думкамі аб будучай працы ***з народам для Бога»***[7, с. 13]. І менавіта ў гэтым годзе з'яўляецца першы беларускі верш К. Стаповіча «На імяніны майго пробашча».

Зімой 1912 – вясной 1913 гг. Казімір Сваяк папраўляе сваё здароўе ў Закапанэ. Адтуль вяртаецца Канстанцый ужо з дакладна сфармуляванай жыццёвай мэтай. Запіс у дзённіку ў жніўні 1913 г.: «Не хачу я пакінуць цябе, маці Беларусь... Хачу служыць табе, аддаць сябе для дабра душы тваей. ...Аддаючыся найбліжэйшым братом маім, я хачу споўніць Волю Тваю, шукаць праўды і нясьці знайдзеную другім». І крыху пазней: «Беларус – сірата: сьмяюцца з яго мовы. Я люблю бедных, апушчаных... Буду пісаць ***па-беларуску***» [7, с. 17]. А ў верасні 1913 г. ў беларускай каталіцкай газеце «Беларус» з'яўляецца першы артыкул падпісаны Казімірам Сваяком.

Штотыднёвік «Беларус» пачаў выходзіць у Вільні ў пачатку студзеня 1913 г. па ініцыятыве ксяндза Францішака Будзькі, які разам з біскупам Дэнісевічам напачатку стагоддзя распачынаў справу выдання каталіцкай літаратуры на беларускай мове. Дарэчы, амаль адразу газета «Беларус» атрымала папскае блаславленне.

У праграмным артыкуле рэдакцыя «Беларуса» заўляла, што «будзе стаяць заўсёды на грунце хрысціянскім-каталіцкім, баронячы справу хрысціянскую і беларускую», паважаючы іншыя народнасці і веравызнанні. Эпіграфам для свайго выдання аўтары каталіцкай газеты абралі словы Хрыста з Евангелля: «Шкада мне гэтага народу... бо не мае што есці».

Газета праіснавала з 1913 г. да лета 1915 г. Першым яе рэдактарам-выдаўцом быў Антон Бычкоўскі, а з пятага нумара 1914 г. яго змяніў Баляслаў Пачопка. Ён быў, несумненна, адным з самых актыўных каталіцкіх аўтараў той пары. Цікава, што напачатку 1920-х гг. Баляслаў Пачопка прыняў уніяцтва.

Чытачы «Беларуса» – выданне арыентавалася на каталіцкую частку беларускага сялянства і інтэлігенцыі – атрымлівалі са старонак газеты досыць вялікі аб'ём інфармацыі, разнастайнай тэматыкі і праблематыкі. Побач з казаннямі святароў на тэмы маралі і педагогікі, жыціямі святых, малітвамі, царкоўнай хронікай – мясцовай і замежнай – у «Беларусе» друкаваліся артыкулы на эканамічныя, палітычныя, сельскагаспадарчыя тэмы, а таксама літаратурныя і паэтычныя творы (напрыклад, пастаяннымі аўтарамі «Беларуса» былі Андрэй Зязюля (ксёндз Аляксандр Астрамовіч) і Алесь Гарун, які друкаваўся пад псеўданімам А. Сумны).

Натуральна, што адметнай рысай ідэі беларускага адраджэння, якая шмат у чым пераклікалася з «нашаніўскімі» заклікамі, у каталіцкім «Беларусе» было не толькі адзінства нацыянальнай культуры, мовы, асветы, але і хрысціянскай веры. Газета выступала з артыкуламі, якія павінны былі абудзіць нацыянальную самасвядомасць беларусаў, заклікала каталіцкі клір да ўжывання беларускай мовы ў набажэнстве, бачыла вырашэнне сацыяльных праблем у распаўсюджванні асветы на роднай мове, у скарыстанні прагрэсіўных метадаў гаспадарання.

Існуе думка, што газета «Беларус» была, так бы мовіць, досыць памяркоўным выданнем. Прынамсі ў шасцітомнай гістарычнай энцыклапедыі Беларусі ў артыкуле, прысвечаным выданню, канстатуецца: «Зрэдку газета публікавала крытычныя матэрыялы ў дачыненні да існуючага палітычнага ладу» [10, с. 36]. На маю думку, гэтая фраза вельмі некарэктна фармулюе праблему. У кожным нумары аўтары «Беларуса» агучвалі заклікі накшталт таго, што трэба «ўстаць са сну і змыць вочы з мыдлам нават, каб імі добра маглі бачыць», што яскрава сведчыць аб апазіцыі да існуючай рэчаіснасці і жаданні яе змяніць. Да таго ж пасля пачатку Першай сусветнай вайны газета «Беларус» стала перыядычна выходзіць з «белымі плямамі», а значыць, пэўныя артыкулы забараняла цэнзура, канешне ж, не за палітычную лаяльнасць

І менавіта ў гэтай газеце пачынае «працу ў розьвітку беларускай народнай ідэалёгіі» (аўтабіяграфія) Казімір Сваяк. 24 нумар ад 5 верасня 1913 г. пачынаецца яго артыкулам «Алкаголь», з працягам у двух наступных нумарах. Дарэчы, у хуткім часе гэты

трактат выходзіць і асобным выданнем накладам 3000 асобнікаў, у якасці першай кніжкі з бібліятэчкі «Беларуса».

«Алкаголь» – назва не пакідае месца для развагаў наконт таго, аб чым будзе артыкул. Так, гэта трактат аб шкодзе п’янства, які заклікае ўсіх і кожнага змагацца з гэтай бядой, якая «неўстанна, заўсягды забірае наш дабрабыт у сям’і і грамадстве».

Аўтар пачынае з таго, што негатыўнае стаўленне да людзей, што злоўжываюць моцнымі напоямі, цалкам апраўданае, бо п’яніца «нішчыць сваё здароўе, сямейнае жыццё, забівае рэлігійнае пачуццё і паніжае гонар чалавека». І адначасова Казімір Сваяк максімальна пашырае памеры праблемы: «Але той толькі можыць літавацца над такой бядотай, хто сам зусім ні прыкладае сваёй рукі на помац п’янству» [2]. Такім чынам аўтар даводзіць, што праблема п’янства – гэта не праблема выключна тых, хто злоўжывае, яна непасрэдна тычыцца і тых, хто п’е толькі «пры аказіі», «па троху».

Чаму ж з алкаголем трэба змагацца? Па-першае, гэта відавочная шкода для здароўя чалавека. Гарэлка «спраўляе завароты галавы, зацямненне розуму, торцыі (?) ...павольна, але моцна руйнуе здароўе сваіх любіцеляў» [2].

Казімір Сваяк звяртае ўвагу і на эканамічны бок праблемы, прычым пераконвае ў неабходнасці адмаўлення ад дрэннай звычкі, аргаментуючы сваё перакананне канкрэтнымі лічбамі. Напрыклад, штогод у Расеі прапіваюць мільярд рублёў. А сума, пушчаная на гарэлку з 1.01 па 1.07.1913, дакладная да рубля – 423 745 882. «Колькі за гэты грошы можна ўзпамагчы бедных, сколькі купіць зямлі, сколькі залажыць школ і добрых карысных таварыстваў. ...Проч таго сколькі ідзе збожжа на пагонку гарэлкі, сколькі марнуецца рабочых сіл...» [2]. – апелюе аўтар да прагматычнага сялянскага светапогляду.

Але галоўную небяспеку Казімір Сваяк бачыць не ў прыкрых матэрыяльных праявах гэтай «сдабасці і браку». Самае жахлівае тое, што алкаголь «страшлівае спусташэнне нясе ў жыцці маральным людзей», ён «нішчыць жыццё духоўнае»: «Няшчасная прывычка піць забівае ў ім (чалавеку) лепшае пачуццё. І вось такі чалавек павольна траціць паняцце, што мае несмяротную душу, што ён назначаны для шчасця ў загробным свеце. Ён прыбліжаецца да гатунку тэй жывёлы, каторая любіць балота і каторую жыды ўважаюць за нячыстую» [3], – піша Сваяк.

Таму змаганне з хваробай п’янства – гэта прамы абавязак добрага хрысціяніна, найважнейшае: *«кінуць самім піць гарэлку, піва, віно – і старацца адцягнуць ад гэтых трункаў іншых»* [4]. Тым больш, што ў Святым Пісанні можна адшукаць шмат спасылак у пацвярджэнне правільнасці менавіта такога стаўлення да праблемы.

Піша Казімір Сваяк і пра тое, што ў свеце шмат людзей звяртаюць увагу на вышэй акрэсленую праблему. І што рух «неп’юшчых», ці «абстынентаў» досыць шырокі. У Англіі іх 7 мільёнаў, а ў Фінляндыі – «бліжэйшай нашай суседцы» – зусім забаронена гнаць гарэлку. Узгадвае аўтар і пра тое, што і ў нашых краях ёсць прыхільнікі цвярозасці, а менавіта ковенскае таварыства «Blaivybe» (цвярозасць), мэта якога «знічтожыць панаванне алкаголю», а спосабы – «асабістая трэзвасць і прасвета». Казімір Сваяк упэўнены: «Дойдуць яны і да нашай старонкі да нашага народу, і дадуць добры адпор п’янству» [4]. І заклікае ў канцы «ласкавых» чытачоў «споўніць у цэласці наказ святога Раўля: *"Браты, трэзвымі будзьце!"*»

«Алкаголь» – першае і практычна адзінае з’яўленне публіцыста Казіміра Сваяка на старонках «Беларуса» у 1913 г. Гэты артыкул прасякнуты нязгодай аўтара з той рэчаіснасцю, якую ён назірае. Так не павінна быць, каб чалавек «пражываў свой земскі век, ні зрабіўшы для нікога нічога добрага, прыгатаваўшы для сябе загубу дачэсную і вечную» [4]. Трактат «Алкаголь» – гэта спроба, шчырая і рашучая, дагрукацца да свядомасці людзей вёскі і не толькі, прымусіць задумацца аб тым лепшым, што ёсць у кожным, жаданне менавіта гэта лепшае выцягнуць на паверхню. Але гэта зварот да людзей «тутэйшых», а не да беларусаў.

У 1914 г. Казімір Сваяк працягвае алкагольную тэму. У нумарах 7–8 друкуецца абразок-невялікае апавяданне ***«Мікодам»***. Яно пра гаротны лёс селяніна з вёскі Мядзведзічы, які з-за жыццёвых нястачаў палюбіў выпіўку. Але здолеў Мікодам шкоднай звычкі пазбавіцца і ўсё стала добра: «Кінулі піць, кінулі аглядацца на дрэнны прыклад людзей, пачалі працаваць шчыра і з Богам, -- шчасце прыйшло само» [15].

І тут праблема п’янства выступае сама па сабе, і лакалізацыя яе, так бы мовіць, нацыянальная, не акрэсленая. Але ў наступным артыкуле «***Мае думкі***. ***Мыслі на скальным адхоне»***. (№ 37 ад 21.09. 1914 г.) Казімір Сваяк разважае ўжо аб будучыні роднай

Беларусі, аб ролі моладзі ў аднаўленні Бацькаўшчыны і фармулюе тры неабходныя для гэтага ўмовы. Па-першае, гэта абавязковае «знічтажэнне п'янства і гультайства», другое – захаванне веры, бо яна ў жыцці беларускага народу «найвялікшая пацеха – аснова яго шчасця» і нарэшце – шанаванне ўсяго свайго: «Трэба, каб мы разумелі і любілі ўсё роднае: нашую старонку, нашы вёскі ўбогія, але харошыя, нашы звычаі і абычаі, нашу вялікую і праўдзівую веру каталіцкую, нашу гісторыю, поўную навукі на будучыню» [8]. Так, паступова Казімір Сваяк ад праблем сацыяльных пераходзіць да шырокіх ідэалагічных абагульненняў.

У 1914 г. Канстанцін Стаповіч скончвае Віленскую духоўную каталіцкую семінарыю, а вясной 1915 г. высвячаецца на ксяндза і летам атрымлівае прызначэнне вікарыем у Камайскім касцёле. Але хутка маладога святара пераводзяць у Клюшчаны – Канстанцін Стаповіч вяртаецца ў родныя ваколіцы.

А напярэдадні гэтых значных жыццёвых падзей Казімір Сваяк выступае з чарговым артыкулам у «Беларусе», які канчаткова замацоўвае пазіцыі аўтара на грунце беларускага нацыянальнага адраджэння – «*Гутарка аб нашай "простай" мове*», які друкаваўся з восьмага па дзесяты нумары ў 1915 г.

Казімір Сваяк пачынае з пытання, якое, думаю, непазбежна ўстае перад усімі, хто аднойчы задумаўся ці яшчэ задумаецца аб тым, што ёсць Беларусь і чаму тут усё склалася і складваецца так, а не інакш: «...Чаму наша мова не займае месца, якое належыцца ёй паводле ліку тых, што ёй гамоняць, – чаму з другога боку, перастаюць дзе-нідзе любіць яе нашы сялянцы?...» Адказ толькі адзін – «мы самі вінны», «толькі мы скрывіліся ў душы сваёй, захварэлі на паноў, і дзелятаго аддалі яе (мову) на здзек сваяком і чужынцам».

І як і зараз, так і тады прыйшоў самы час «падняць яе (беларускую мову) жыву з дамавіны грабовай, даць ёй належнае месца і права, ня стыдацца яе нідзе і ніколі, увясці яе ў паўсядзённае жыццё сваё...» [5].

Цікава тое, што Казімір Сваяк не бачыць нічога заганнага ў тым, што мова лічыцца «простай». Ён не кідаецца пераконваць ў адваротным, дзеля таго каб надаць ёй нейкі эфемерны вышэйшы статус. Простымі, шчырымі ў глыбіні сваёй сапраўднасці і чысціні словамі, Казімір Сваяк даводзіць: «Яна простая, як і натура нашая: бяз хітрасці, бяз подласці – чыста славянская.

Яна простая, як і прырода наша бяз мораў, бяз гораў, бяз скалаў – спакойная, светлая, чыстая, свойская: русінская, як даўней звалі. Беларуская – як завем цяпер – «простая», як хацеў бы я зваць заўсёды» [5].

І апошні аргумент, які скарыстоўвае святар, павінен пераканаць нават самых заядлых скептыкаў. У часы Хрыста ў свеце панавалі некалькі моваў: на лацінскай паэты пісалі вершы, а філосафы трактаты; на мове габрэйскай ладзілі свае стасункі гандляры; і была мова трэцяя «званая арамейскай, простая мова людовая. У гэтай мове былі высказаныя боскія навукі Няземскага вучыцеля Благаслаўлёныя ўбогія з духа, бо іх ёсць Каралеўства Нябеснае...» [5].

Усё ёсць у беларускай мове – гармонія і хараство, меладычнасць і гнуткасць, але няма пакуль выпрацаванай граматыкі, няма слоўніка, толькі ствараецца літаратура. Беларуская мова не заслугоўвае сораму, і цурацца маладым яе не варта. «Праз адважнасць, маладую энергію, любоў роднага, каханне выжшага, міласць вечнага, – мы дойдзем да сваёй мэты: адраджэння саміх сябе і сваёй мовы ў духу праўды і справядлівасці» [6], – такімі словамі завяршае свой артыкул Казімір Сваяк.

Вялікая загадка для мяне, чаму гэтыя словы, пісаныя крывёю сэрца, амаль не адшукалі водгуку ў іншых душах, і мы дагэтуль можам з поўнай дакладнасцю накладаць творчасць Сваяка (і не толькі яго) на нашую сучаснасць. І ў гэтым дыскурсе можна бясконца асэнсоўваць, што за народ такі ёсць беларусы...

У сувязі з вайной у жніўні 1915 г. газета «Беларус» спыніла сваё існаванне. І адпаведна на пэўны час перапынілася публіцыстычная кар'ера ксяндза Канстанціна Стаповіча. Аднак адвага і маладая энергія, пра якую ён пісаў у артыкуле «Аб простай мове», вялі няспынна наперад.

У Клюшчанах малады святар арганізаваў нелегальны гурток «Хаўрус сваякоў», задачай якога была самаадукацыя на аснове хрысціянскай веры, стварыў хор, адкрыў сем школкаў і настаўніцкія курсы. І, бадай, самае галоўнае – 21 лістапада 1915 г. у Клюшчанскім касцёле ўпершыню прагучала казанне па-беларуску. У дзённіку Казімір Сваяк запісаў аб гэтай падзеі наступнае: «Гаварыў сёння па-беларуску. Ціш была нямалая» [6].

Польскія каталіцкія ўлады такога не пацярпелі – Стаповіча пераводзяць на Беласточчыну. Тут яго чакае адзінота, татальнае

непаразуменне, нагляд і сачэнне за кожным крокам. Здароўе пагаршаецца. Амаль кожную зіму Канстанцін праводзіць у Закапанэ.

У канцы 1920 г. ксёндз Стаповіч атрымлівае размеркаванне ў Засвір. Прыблізна з гэтага часу Казімір Сваяк зноў актыўна друкуецца ў віленскіх перыядычных беларускіх выданнях, асабліва шмат у «Беларускай крыніцы». У друку з'яўляюцца яго вершы, апавяданні, эсэ, філасофскія эцюды, літаратурна-крытычныя артыкулы, у тым ліку нарысы пра творчасць Францішака Багушэвіча, Максіма Гарэцкага, Язэпа Драздовіча. А ў 1924 г. у Вільні выходзіць паэтычны зборнік Сваяка «Мая Ліра», які адразу паставіў паэта на адно з першых месцаў сярод беларускіх паэтаў і пісьменнікаў 1920-х гг.

Зімой 1925 г. Казімір Сваяк зноў у Закапанэ. Яму становіцца ўсё горш. Ён адчувае непазбежнае і просіць брата Альбіна забраць яго. Нарэшце ксёндз Адам Станкевіч вясной 1926 г. прывозіць Казіміра Сваяка ў Вільню, дзе 6 мая Канстанцін Стаповіч адыходзіць на той свет. Чалавек, які ахвяраваў жыццё сваёй радзіме, свайму народу, Богу, не пакінуўшы сабе зусім нічога.

Канстанцін Стаповіч хацеў, каб яго пахавалі ў родных Клюшчанах, але апошні яго прытулак у Вільні, на Росах. На пахаванні хор беларускай гімназіі спяваў беларускія рэлігійныя песні. Над магілай, згодна з пажаданнем памерлага, гучалі тры мовы: ксёндз Гадлеўскі казаў па-польску, ксёндз Рэпаць – па-беларуску, ксёндз Чыбірас – па-літоўску. А на адкрыццё помніку ксяндзу Кастусю прыйшла моладзь з Клюшчан, пешшу, усе 85 кіламетраў.

Літаратура

1. *Мальдис, А.* Христианская твердыня Поозерного края / А Мальдис// «Советская Белоруссия» 15.02.2007.
2. *Сваяк, К.* Алкаголь / К. Сваяк // Belarus. 1913. № 24.
3. *Сваяк, К.* Алкаголь / К. Сваяк // Belarus. 1913. № 25.
4. *Сваяк, К.* Алкаголь / К. Сваяк // Belarus. 1913. № 26.
5. *Сваяк, К.* Гутарка аб нашай «простай» мове / К. Сваяк // Belarus. 1915. № 8.
6. *Сваяк, К.* Гутарка аб нашай «простай» мове / К. Сваяк // Belarus. 1915. № 10.
7. *Сваяк, К.* Дзея маёй мыслі, сэрца і волі / К. Сваяк. Менск, 1992.

8. *Сваяк, К*. Мае мыслі. Думкі на скальным ахоне / К. Сваяк // Belarus. 1914. № 37.
9. *Сваяк, К*. Мікодам. / К. Сваяк // Belarus. 1914. № 7–8.
10. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, Мінск, 1993. Т. 1.

Цімафей Акудовіч
(ЕГУ, г. Вільнюс)

СПРОБА СТВАРЭННЯ АЎТАНОМНАЙ ПРАВАСЛАЎНАЙ ЦАРКВЫ НА ВЯЛІКІМ СОЙМЕ РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ 1788–1792 гг.

Пасля першага падзелу Рэчы Паспалітай у 1772 г. да Расійскай Імперыі адышлі землі Усходняй Беларусі і Украіны, а разам з імі і большая частка праваслаўных гэтай краіны. У выніку ў самой Рэчы Паспалітай засталося каля 300 тыс. (6%) праваслаўных. Пражывалі яны ў асноўным на тэрыторыях Заходняй Беларусі і Украіны (невялікія абшчыны праваслаўных існавалі таксама ў буйных польскіх гарадах).

Становішча грэцкай канфесіі ў каталіцкай дзяржаве, якой з'яўлялася Рэч Паспалітая, было вельмі складаным. Праваслаўныя прыходы, часам сілком, пераводзілі ў каталіцтва ці уніяцтва. Чалавек праваслаўнага веравызнання не мог заняць якую-небудзь пасаду, а значыць і абараніць гэтую канфесію перад уладамі. Каталіцкае духавенства ўсялякімі спосабамі ціснула на праваслаўнае сялянства, спрабуючы перавесці яго ў лона пануючай рэлігіі. Можна сказаць, што мэтай каталіцкай царквы была поўная ліквідацыя праваслаўнай канфесіі ў краіне.

Такая палітыка прыводзіла да вялікіх праблемаў ва ўсходніх рэгіёнах Рэчы Паспалітай. Мясцовае сялянства ў вялікай сваёй масе варожа ставілася да каталікоў-палякаў і таму з'яўлялася добрым рэзервам для самых розных сацыяльных хваляванняў. Падчас найбольш буйнога з іх – у 1768 г. украінскае сялянства выразала некалькі тысяч каталікоў у горадзе Умань.

Вялікай праблемай было і тое, што праваслаўныя ў Рэчы Паспалітай не мелі сваёй духоўнай улады, да якой можна было б звярнуцца ў выпадку небяспекі (апошні праваслаўны епіскап, магілёўскі, апыніўся за межамі Рэчы Паспалітай пасля падзелу 1772 г.). А таму сваім абаронцам просты народ лічыў праваслаўную расійскую імператрыцу. І Кацярына II актыўна гэтым карысталася, ужываючы рэлігійнае пытанне для вырашэння сваіх задач і ціску на заходнюю суседку.

Канфрантацыя насіла яўны сацыяльны характар: у XVIII ст. асноўным носьбітам праваслаўя ў Рэчы Паспалітай было сялянства, што надавала канфліктам яшчэ большую напружанасць.

Так праблема праваслаўных вельмі востра паўстала перад пасламі Вальнага Сойма 1788–1792 гг. Сойм сабраўся якраз у той час, калі Расія была занята ў вайне з Турцыяй, і не магла ўплываць на работу Сойма. Патрыёты імкнуліся выкарыстаць гэта для правядзення радыкальных рэформаў у краіне. Аднак у дачыненні да праваслаўных шляхта прытрымлівалася старых уяўленняў: у соймікавых інструкцыях пра канфесійнае пытанне ці не ўзгадвалі праваслаўных, ці патрабавалі максімальнага ўпадабнення іх да каталікоў (навагрудскі соймік) [2]. Аднак ужо ў канцы 1788 г. сярод паслоў пайшлі чуткі, што на Украіне зноў пачынаюцца бунты, выкліканыя перамяшчэннямі расійскіх войскаў у бок Турцыі [4, с. 303]. Чуткі гэтыя распускала ў тым ліку і прапруская партыя з мэтай пасварыць караля з Расіяй, і партыя кароннага гетмана Браніцкага, якому хваляванні на Украіне давалі больш шырокія паўнамоцтвы. Рэлігійнае пытанне пачало набываць усё большы розгалас. У распальванні бунту абвінавачвалі праваслаўных святароў і, у першую чаргу, праваслаўнага епіскапа Рэчы Паспалітай – Віктара Садкоўскага (быў прызначаны ў 1785 г. Расійскім Сінодам).

Для высвятлення ўсіх абставінаў (выяўлення верагоднасці бунта, датычнасці да яго В. Садкоўскага) 26 мая 1789 г. на Сойме была створана спецыяльная дэпутацыя «Do ekzominowania sprawy o bunty oskarżonych» («для разгляду справы аб абвінавачаных у бунтах») у складзе 3 сенатараў і 9 паслоў (у роўнай колькасці ад кожнай з трох правінцый) [7, с. 127].

Дзейнасць дэпутацыі працягвалася амаль год. 29 сакавіка 1790 г. на Сойме была зачытана Рэляцыя. У выніку росшукаў выявілася, што Садкоўскі знаходзіўся на поўным утрыманні

кацярыненскага двара і выконваў усе загады Сінода, а менавіта: прадпісваў маліцца ва ўсіх цэрквах за імператрыцу і перамогу расійскай зброі ў Турцыі, рассылаў расійскую літаратуру па ўсіх прыходах. Епіскап нічога гэтага не адмаўляў, бо тое, што ён стаўленік Сіноду, было вядома з самага пачатку. Але сабраных матэрыялаў хапіла, каб адправіць Садкоўскага ў турму, дзе ён і прасядзеў да 1792 г.

Найбольш нечаканай была другая частка справаздачы Дэпутацыі, прысвечаная не бунтам на Украіне, як чакалася, а праваслаўнаму пытанню. Займаючыся справай Садкоўскага, Дэпутацыя азнаёмілася са становішчам праваслаўных у Рэчы Паспалітай і прыйшла да высновы, што праваслаўныя, якія знаходзяцца пад пастаянным ціскам каталіцкага духавенства, ствараюць напружанасць у грамадстве, бо шукаюць абароны за межамі Рэчы Паспалітай, у Расіі. І таму, каб вырашыць праблему сялянскіх бунтаў, трэба стварыць праваслаўную духоўную ўладу ў самой Рэчы Паспалітай, якая б не залежала ад іншаземных уладароў.

Такім чынам, упершыню за шмат дзесяцігоддзяў быў прапанаваны новы, кардынальна адрозны падыход у адносінах з праваслаўнымі: замест прымянення рэпрэсіўных сродкаў даць праваслаўнаму насельніцтву законную ўладу, такім чынам адначасова заспакоіўшы яго і падпарадкаваўшы дзяржаўнай сістэме. Пасля абмеркавання Сойм прыняў гэтую рэзалюцыю абсалютнай большасцю галасоў: 123 супраць 13 [7, с. 165].

Праект дэпутацыі складаўся з дзвюх частак. Каб праваслаўная іерархія ў Рэчы Паспалітай была незалежнай ад Расіі, неабходны быў дазвол канстанцінопальскага патрыярха. Турцыя на той час знаходзілася ў стане вайны з Расіяй і ёй такі ход падзеяў быў выгодны. Таму ўжо ў лістападзе 1790 г. канстанцінопальскі патрыярх Неафіт VII выдаў пасланне да ўсіх праваслаўных Рэчы Паспалітай, дзе пісаў: «Са здзіўленнем атрымалі мы навіну, што ваша духавенства дала прысягу, праз якую абавязалася быць паслухмянай чужой манархіі…» [7, с. 167]. Патрыярх забараняў жыхарам Рэчы Паспалітай прысягаць расійскай імператрыцы і заклікаў маліцца за караля.

Другая частка прадугледжвала правядзенне Кангрэгацыі (вышэйшага органа кіравання) праваслаўных з мэтай арганізацыі новай ерархічнай структуры. 9 кастрычніка 1790 г. соймавыя

маршалкі С. Малахоўскі і К. Сапега выдалі універсал, з прадпісаннем выслаць у Варшаву праваслаўных прадстаўнікоў ад кожнай з трох правінцый (Вялікая Польшча, Малая Польшча, Літва) у роўнай колькасці, якія б выпрацавалі новы праект па становішчы праваслаўных у Рэчы Паспалітай. У Слуцку, Брэсце і Пінску прайшлі саборы, дзе выбралі дэлегатаў ад праваслаўных жыхароў Літвы і Украіны. 15 снежня 1790 г. дэпутацыя «do ułożenia projektów względem Greko-oryjentalnych i dyssydentów» («да складання праекту адносна грэка-арыентальных і дысідэнтаў») пачала сваю працу ў Варшаве. У яе ўвайшлі тры прадстаўнікі чорнага духавенства (ігумен Бельскага манастыра Савва Пальмоўскі, ігумен Дзятлаўскага манастыра Мяцелій Бувайла-Лясніцкі, упраўляючы Віленскай і Мінскай архімандрыямі Сільвестр Бутлай), два святары (слуцкі Данііл Пецялькевіч, пясочанскі Сімон Саланевіч), шляхціч Панцелямон Ілікевіч-Корбут і тры мешчаніна з Вільні (Феадор Лінкевіч, Мікалай Даданій, Георгій Зямковіч), а таксама тры сенатары (кракаўскі кашталян Ябланоўскі, ваявода хельмскі Чапскі, кашталян брэсцкі Шчыт) і шэсць паслоў (сандамірскі – Каханоўскі, дабрынскі – Збаінскі, браслаўскі – Ваўжэцкі, аршанскі – Гутакоўскі, пасол Любельскі – князь Чартарыйскі, Закжэўскі – познанскі пасол) [8, с. 102].

Пасля трох месяцаў працы, 1 сакавіка 1791 г., камісія прадставіла свой рапарт, у якім гаварылася аб трагічным стане праваслаўнай царквы ў Рэчы Паспалітай. На падставе рапарта 5 сакавіка Сойм ухваліў канстытуцыю, у адпаведнасці з якой даручаў соймавым маршалкам разаслаць лісты ва ўсе манастыры, архімандрыі і пратапопіі, каб тыя прыслалі сваіх прадстаўнікоў на Генеральную Кангрэгацыю, якая першапачаткова прымяркоўвалася на 15 мая ў Пінску, але пасля была перанесена на 15 чэрвеня (з-за вялікай аддаленасці ад Пінска некаторых украінскіх манастыроў) [5, с. 43].

Пакуль ішла падрыхтоўка да Кангрэгацыі, у краіне адбылася важная падзея. 3 мая 1791 г. была прынятая Канстытуцыя (Ustawa Rządowa) Рэчы Паспалітай. Але прынцыповых змен у прававое становішча хрысціянскіх канфесій яна не ўнесла. Рэлігійнаму пытанню быў прысвечаны раздзел 1 Канстытуцыі. Пануючай рэлігіяй у дзяржаве абвяшчалася «святая рымская каталіцкая» канфесія, пры гэтым пераход з каталіцтва ў іншую

веру забараняўся. Аднак астатнім хрысціянскім веравызнаннем гарантавалася свабода выканання рэлігійных абрадаў [8, с. 102].

Змены ў дзяржаўнай палітыцы праваслаўныя ВКЛ сустрэлі прыязна. Пра гэта гаворыць хаця б тое, што 15 чэрвеня ў Пінску сабраліся 103 дэлегаты (25 – ад чорнага духавенства, 22 – ад свецкага духавенства, 56 – ад прадстаўнікоў парафій) [1, с. 475]. Прычым прадстаўнікі чорнага духавенства былі толькі ад 25 манастыроў (усяго манастыроў налічвалася 37, але некаторыя манастыры ВКЛ проста не змаглі даслаць прадстаўнікоў з-за адсутнасці людзей), 11 – з Украіны, 13 – з Літвы. Прадстаўнікоў свецкага духавенства дасылалі ад пратапопій, і таму, хоць колькасць святыняў на Украіне была большая (2/3), дэлегатаў ад Літвы прыехала больш (8–12) з-за пераўзыходзячай колькасці пратапопій. Ад усёй Польшчы быў адзін духоўны дэлегат і пяць месцічаў. З Украіны прыбыло 12 месцічаў, з Літвы – 39 [7, с. 185].

Пасля двух тыдняў дэбатаў, 3 ліпеня 1791 г., кангрэгацыя абвесціла сваё пастанаўленне. Яно складалася з 12 артыкулаў. Вышэйшым праваслаўным духоўным органам у дзяржаве абвяшчалася Генеральная Кангрэгацыя, або «нацыянальны сінод праваслаўных цэркваў Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага», якая складаецца з архіепіскапа і трох епіскапаў, старэйшых архімандрытаў і асэсараў галоўнай кансісторыі і з дэпутатаў, абраных епархіяльнымі кангрэгацыямі (арт. 1, 6) [7, с. 193]. Генеральнай кангрэгацыі належала права: абіраць архіепіскапа, епіскапаў і прысвячаць іх; абіраць і прысвячаць архімандрытаў; быць вышэйшым апеляцыйным, судовым месцам. Генеральная Кангрэгацыя збіралася раз на чатыры гады, і абірала Генеральную Кансісторыю, якая дзейнічала ў часе паміж Кангрэгацыямі (арт. 7) [7, с. 201]. Сістэма ўлады на ніжэйшых узроўнях была такой жа: раз на чатыры гады збіраліся кангрэгацыі ў пратапопіях, а пасля ў епархіях, дзе абіраліся адпаведна кансісторыі патапопіяў і епархіяў (арт. 3, 5, 9) [7, с. 203]. Трохі адрознівалася манастырскае кіраванне, дзе таксама выбіралася кансісторыя, але ігумен манастыра прызначаўся пажыццёва (арт. 6) [7, с. 200]. Асобныя артыкулы былі прысвечаныя арганізацыі кіраваннем прыхадской і манастырскай маёмасцю, а таксама абавязковаму стварэнню школ і шпіталяў пры ўсіх прыходах (арт. 9–11) [7, с. 204].

Цікава параўнаць гэту структуру з існуючай тады ў іншых праваслаўных цэрквах. У большасці з іх вышэйшая улада належала Паместнаму Сабору, а таксама патрыярху, які быў падсправаздачны Сабору. У Расіі ж пасля рэформаў Пятра I інстытут Найсвяцейшага Сінода замяніў сабою і пасаду патрыярха і Памесныя саборы. Сінод дзейнічаў без перапынкаў, а усе ягоныя чальцы былі паміж сабою роўныя [3, с. 236]. Як бачым, Пінская Кангрэгацыя сінтэзавала абедзве сістэмы. З аднаго боку, вышэйшым органам кіравання прызначалася Генеральная Кангрэгацыя, якая збіралася раз на чатыры гады і такім чынам выконвала функцыю Паместнага Сабора. З іншага боку, паміж Кангрэгацыямі ўладу трымала не адна асоба, а Генеральная Кансісторыя. У Расіі Кансісторыі таксама існавалі, аднак пры пастаянным дзеянні Сінода яны мелі хутчэй выканаўчыя функцыі. А вось слова «Кангрэгацыя» на той час у праваслаўных цэрквах навогул не ўжывалася і было ўзята з каталіцкай і уніяцкай традыцыяў.

На Пінскай Кангрэгацыі выбралі Найвышэйшую Кансісторыю, якая павінна была часова кіраваць епархіямі, да зацвярджэння Соймам архіепіскапа і епіскапаў. Рэзідэнцыяй Галоўнай Кансісторыі прызначаўся горад Пінск. 8 ліпеня Кангрэгацыя праінфармавала ўсіх праваслаўных спецыяльным універсалам аб выніках сваёй дзейнасці. 9 снежня выйшаў загад да ўсіх праваслаўных – даць прысягу на вернасць каралю і не карыстацца катэхізісамі, прысланымі з Расіі. У набажэнства ўключалася малітва за ўладу духоўную і свецкую.

Па сутнасці, Кангрэгацыя азначала аўтаномію праваслаўнай царквы на тэрыторыі Рэчы Паспалітай.

Старшынёй Найвышэйшай Кансісторыі быў прызначаны Савва Пальмоўскі (ігумен бельскі). Менавіта ён з'яўляўся рухавіком усіх рэформаў, што праводзіла новая Кансісторыя. Пальмоўскі быў адным з тых манахаў, якіх Садкоўскі запрасіў з Расіі для ўмацавання манастыроў Вялікага Княства. Яго прызначылі ў бельскі манастыр, дзе ён аддана служыў сваёй справе. Пра гэта гаворыць нават той факт, што Пальмоўскі двойчы адмаўляўся даваць прысягу на вернасць каралю, і толькі на трэці раз пагадзіўся. Але пасля па невядомай прычыне ён апыніўся сярод тых, хто ў Варшаве рыхтаваў праект Кангрэгацыі, і праводзіў яе, а ў выніку, як бачым, стаў старшынёй Найвышэйшай Кансісторыі.

Галоўная справа, якой адразу занялася Кансісторыя (і ў асноўным займалася на працягу шасці месяцаў свайго існавання) была арганізацыя парафіяльных школак пры манастырах і распрацоўка новых падручнікаў. Праблема стаяла вельмі востра, бо менавіта адсутнасць якаснай адукацыі адштурхоўвала людзей ад праваслаўя.

«Gazeta Narodowa I Obca» ад 16 ліпеня 1791 г. так пісала пра вынікі дзеяння Пінскай Кансісторыі: «Калі б Рэч Паспалітая даўней з тым людам так абыходзілася, калі б замест пераследвання і ўціску люд гэты знаходзіў ва ўрадзе веры і абрадаў сваіх апеку, пладародныя Украіны і Падолля нівы не былі б столькі разоў крывёю нашай паліваныя, ані чужая інтрыга не знайшла б такога ўдалага падыходу да сэрцаў прывязаных да сваёй айчыны і ў ёй шчаслівых».

Каталіцкае ж духавенства наадварот актыўна выступіла супраць: у Сойм прыходзілі петыцыі, з'явіліся ананімныя творы з перасцярогай, што новая праваслаўная ерархія прывядзе да бунтаў сялян. 14 верасня кароль атрымаў ліст з папскага двара, з пратэстам супраць надання правоў праваслаўным у Рэчы Паспалітай. Аднак Станіслаў Аўгуст адказаў, што справа зайшла вельмі далёка і яе ўжо не спыніць [7, с. 214].

Сойм жа не спяшаўся з вырашэннем праваслаўнага пытання. На паседжаннях працягваліся дыскусіі. Што праўда, і яны давалі свой плён. Напрыклад, 9 студзеня 1792 г. была прынятая канстытуцыя «O popowiczach», згодна якой дзецям праваслаўных святароў гарантавалася, што яны будуць належаць да таго ж саслоўя, што і іх бацькі [8, с. 380]. Гэта праблема стаяла досыць востра, бо ў адпаведнасці з Канстытуцыяй ад 1764 г., калі бацька шляхціц ці мешчанін станавіўся праваслаўным святаром, ягоныя дзеці пераходзілі ў стан прасталюдзінаў.

У той час на пасяджэннях Сойма адбываліся дыскусіі аб правах праваслаўных у Рэчы Паспалітай. Слонімскі пасол Станіслаў Солтан на паседжанні 7 мая казаў: «Гэта тыя ж самыя дызуніяты, што ў Венгрыі, Італіі, Германіі і Расіі маюць усюды сваіх біскупаў, хто ім не дае біскупаў, не дае ксяндзоў і сакрамантаў. Нашы асвячаліся ў Кіеве, і таму з'яўляюцца падданымі пецярбургскага Сінода, моляцца Кацярыне, падпарадкуюцца біскупу перыяслаўскаму, які са Слуцка кіруе. Трэба ім не толькі біскупа, але і ерархію... Трэба даць аднаго мітрапаліта неўніятам і трох біскупаў. Далі

мы ім талерантнасць, дамо яшчэ айчыну. Той будзе братам, які любіць закон і вольнасць нашу. Свабода – гэта найвялікшы сакрэт супраць замежнага ўкаранення. Кароль, праславішся праз устанаўленне ерархіі, неўніяты гэта Палякі і браты нашыя» [6, с. 264].

Выступы Солтана і іншых паслоў ліберальнага настрою рабілі на шляхту большае ўражанне чым пратэсты каталіцкага духавенства. У адрозненне ад 1788 г. пазіцыя большасці паслоў па гэтаму пытанню моцна змянілася. У выніку 21 мая 1792 г. Сойм прыняў канстытуцыю «Аб усталяванні сваёй ерархіі абраду грэка-арыентальнага, неуніяцкага ў краінах Рэчы Паспалітай». Гэты дакумент быў распрацаваны на аснове рашэнняў Пінскай кангрэгацыі і ўсталёўваў незалежную ерархію праваслаўнай адміністрацыі [8, с. 447]. Адзінае, што канстытуцыя не гарантавала праваслаўнаму мітрапаліту –месца ў Сенаце, як гэта было ў выпадку з уніяцкім духавенствам.

Канстытуцыя была прынятая 123 галасамі супраць 13, што гаворыць аб сур’ёзных зменах у светапоглядзе паслоў (абсалютная большасць якіх была каталіцкага веравызнання). Нарэшце стала зразумела, што рэлігійную напружанасць у краіне не зменіш рэпрэсіўнымі мерамі, і шляхта гатова была да саступак дысідэнтам, толькі б не справакаваць новых бунтаў.

1 чэрвеня 1792 г. Найвышэйшая Кансісторыя разаслала універсал да ўсіх цэркваў і манастыроў з заклікам правесці ўрачыстыя набажэнствы ў гонар прыняцця канстытуцыі.

Але было ўжо позна. Пачалася вайна з Расіяй. Калі да таргавіцкай канфедэрацыі далучыўся Станіслаў Аўгуст, з вязніцы быў выпушчаны Віктар Садкоўскі. Ён вярнуўся ў Слуцк і паколькі не быў прыхільнікам новых пераўтварэнняў, пачаў здымаць з пасадаў тых святароў, што ўдзельнічалі ў Кангрэгацыі. У новай сістэмы было замала часу, каб стаць жыццядзейснай, і таму хутка яна распалася. У канцы лютага 1793 г. Садкоўскі запатрабаваў ад Савы Пальмоўскага перадачы яму ўсіх дакументаў Кансісторыі і выезду з епархіі [1, с. 485]. Той вымушаны быў падпарадкавацца і з’ехаў у Варшаву.

Такім чынам чарговая спроба праваслаўных ВКЛ адарвацца да Маскоўскай патрыярхіі скончылася няўдала.

Што цікава, адной з падставаў гэтай рэформы сталі чуткі пра магчымы бунт на Украіне, якія распускалі прапруская партыя

і гетман Браніцкі зусім з іншай мэтай. Аднак гэта палітычная прапаганда прывяла шмат каго з паслоў да разумення таго, што пытанне праваслаўных немагчыма вырашыць зброяй, і накіравала высілкі Сойма ў дыпламатычнае русла. Нельга адмаўляць, што вялікае значэнне мелі і рэфарматарскія ўплывы, якія ахапілі шляхту пад час Сойма. Ідэі Ж.-Ж. Русо і іншых французскіх асветнікаў аб роўнасці рэлігій моцна ўздзейнічалі на тагачасную адукаваную шляхту.

Як бачна з даных, прадстаўленых на Пінскай Кангрэгацыі, праваслаўных вернікаў у ВКЛ было амаль у два разы меней, чым на Украіне (80 тыс. супраць 170), аднак выглядае на тое, што пры правядзенні рэформаў асноўнай апорай былі менавіта землі ВКЛ, дзе праходзілі саборы перад Кангрэгацыяй (Слуцк, Пінск, Брэст), і сама Найвышэйшая Кангрэгацыя (Пінск), а яе рухавіком сталі беларуска-літоўская шляхта і духавенства (большасць у соймовай дэпутацыі «do ułożenia projektów względem Greko-oryjentalnych i dyssydentów» складала духавенства з ВКЛ). Магчыма, гэта звязана з тым, што праваслаўныя ў ВКЛ стаялі на менш кансерватыўных пазіцыях і былі больш прыхільная да ўсялякага роду зменаў у адрозненне ад Украіны, дзе сялянства адкрыта глядзела ў бок Расіі.

Напэўна, найважнейшым дасягненнем Пінскай Кангрэгацыі быў сам факт яе правядзення пры падтрымцы як вышэйшага, так і ніжэйшага духавенства. Актыўнасць праваслаўных паказала, што на той час яны не атаясамлівалі сябе выключна з расійскай духоўнай уладай, а былі зацікаўленыя ў самастойнай духоўнай уладзе напрасткі завязанай з Канстанцінопалем. Як зазначыў Я. Саковіч, «у 1792 г. польская дзяржава дала праваслаўю болей, чым у 1785 г. – урад расійскі» [7, с. 227].

У адрозненні ад шмат якіх пачынанняў Вялікага Сойма, праваслаўная рэформа была грунтоўна падрыхтавана і мела вялікі патэнцыял, увасоблены ў праваслаўным духавенстве ВКЛ, вялікая частка якога была гатовая да зменаў. Аднак пераўтварэнні пачаліся катастрафічна позна, што і абумовіла іх правал.

Літаратура

1. *Беднов, В.А.* Православная Церковь в Польше и Литве / В.А. Беднов. Екатеринослав. 1908.
2. НГАБ Ф. 1774, спр. 18, л. 1236 аб.

3. *Цыпин, В*. Церковное право / В. Цыпин. М. 1990.
4. *Kalinka, W*. Sejm Czteroletni / W. Kalinka. Warsawa. 1991.
5. *Mironowicz A*. Ihumem Sawa Palmowski / A. Mironowicz. Białystok 2001.
6. *Mironowicz A*. Kosciol prawosławny w dziejach dawnej Rzeczypospolitej / A. Mironowicz. Białystok, 2004.
7. *Sakowicz, E*. Kościoł prawosławny w Polsce w epoce Sejmu Wielkiego 1788–1792 / E. Sakowicz. Warsawa 1935.
8. Volumina Legum. T. 9. Kraków 1889. C. 102

Мікола Волкаў
(ЕГУ, г. Вільнюс)

ЗАМКІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА: АГУЛЬНАЯ СПАДЧЫНА ЛІТОЎСКАГА І БЕЛАРУСКАГА НАРОДАЎ

Вялікае княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае – феномен сярэднявечча, якім насамрэч могуць ганарыцца тыя народы, продкі якіх стварылі яго, перш за ўсё беларусы і літоўцы. Цяжка знайсці ў гісторыі прыклад падобнага дзяржаўнага ўтварэння, калі два асобныя народы маглі ў такой ступені бесканфліктна і ўзаемавыгадна суіснаваць і мець фактычна аднолькавую ідэнтычнасць. І літоўцы, і беларускамоўныя русіны называлі сябе з гонарам літвінамі. Калі стваралася ВКЛ, русіны разам з літоўцамі абаранялі самую заходнюю фартэцыю дзяржавы – Ковенскі замак [2, с. 12], а літоўцы разам з русінамі разбілі мангола-татараў на р. Ворскле, паклаўшы пачатак вызваленню ад іх панавання земляў Усходняй Еўропы.

Такую інтэрнацыянальную сутнасць ВКЛ цяжка зразумець і прыняць у сучасных умовах. Пасля распаду СССР у Літве і Беларусі ў большай ступені шпарка развіваюцца дзяржаватворчыя працэсы, якія патрабуюць стварэння канцэпцый нацыянальнай гісторыі. Гэта змушае да скажэння гістарычных фактаў на карысць сваёй нацыі, што пры недахопе крыніц даволі лёгка зрабіць, абмінуўшы тыя ці іншыя недарэчныя факты. Сцверджанне аб тым, што Вялікае княства Літоўскае было насамрэч поліэтнічным беларуска-літоўскім ці літоўска-беларускім дзяржаўным

утварэннем (гл. [1]) вельмі важна для нас, каб зразумець сутнасць мураваных замкаў ВКЛ.

У савецкай літоўскай і беларускай навуковай літаратурах па пытаннях абарончага будаўніцтва адпаведна Літвы і Беларусі панаваў трывалы падзел замкаў ВКЛ на літоўскія і беларускія, і разглядаліся яны як асобныя з'явы. Заснавальнік беларускага мастацтвазнаўства М. Шчакаціхін у 20-х гг. XX ст. увёў адпаведны тэрмін «беларуская готыка» [4, с. 220], куды залічыў практычна ўсю спадчыну ВКЛ, што базавалася на ўпэўненасці ў выключна беларускім характары княства. У. Чантурыя ў сваёй працы «Архітэктура Беларусі» дайшоў увогуле да таго, што замкі-кастэлі ВКЛ у Крэва і Лідзе, што месцяцца ў Беларусі, пачаў атаясамліваць з шматпазнейшымі рэгулярнымі крэпасцямі Івана IV у Туроўлі і Сушы [3, с. 51], ні словам не згадаўшы пра тыя ж самыя замкі-кастэлі, але ўжо на тэрыторыі сучаснай Літвы. Аднак вельмі цяжка зразумець, як, прыкладам, Крэўскі і Медніцкі замкі, якія месцяцца адзін ад аднаго літаральна на адлегласці некалькіх дзесяткаў кіламетраў, пабудаваны па аднолькавай схеме рэгулярнага замка-кастэлі, могуць быць адзін – «літоўскім», другі – «беларускім» па сутнасці. Гэты абсалютна псеўданавуковы падзел значна шкодзіў вывучэнню выбітнай з'явы ў масштабах Усходняй Еўропы. Баючыся быць абвінавачанымі ў «нацыяналізме», беларускія даследчыкі толькі апісвалі замкі ВКЛ на Беларусі, у той час як атрымаўшы санкцыю ад кіраўніцтва СССР на «прыватызацыю» спадчыны ВКЛ, літоўскія навукоўцы залічвалі мураваную спадчыну княства ў скарбонку дасягненняў літоўскага народу і культуры.

Калі прыняць той факт, што Вялікае княства Літоўскае ёсць агульнай дзяржавай, то і яго спадчына ёсць агульным набыткам. І ганарыцца беларусам і літоўцам ёсць чым, бо мураваныя замкі ВКЛ, асабліва ранняга перыяду (XIV – пачатак XV ст.), былі выбітнай з'явай на абшарах Еўропы.

Часта кажуць пра лінію мураваных замкаў на заходняй мяжы ВКЛ (Гародня, Наваградак, Ліда, Трокі, Меднікі, Крэва, Вільня), ініцыятарам будаўніцтва якой быў вялікі князь Гедымін, а працягнулі яго наступнікі: Альгерд, Кейстут і Вітаўт. Гэтая абарончая лінія была не толькі паказчыкам значнага прагрэсу ў вайсковай тэхніцы, але, можа, нават і болей моцным сімвалам цэнтралізаванай вялікакняскай улады, афармленнем і

ўмацаваннем дзяржавы новага для беларускіх і літоўскіх земляў тыпу – феадальнай манархіі. Па значнасці гэтая лінія можа быць параўнана са знакамітымі замкамі-кастэлямі Філіпа II Аўгуста канца XIII – пачатку XIV ст. У Францыі кастэлі былі такой жа іншароднай формай замкавага будаўніцтва, як і самі па сабе мураваныя замкі ў Вялікім княстве Літоўскім. Пашыраючы свой каралеўскі дамен, французскі кароль у старых і новадалучаных землях будаваў магутныя правільнай формы з нарожнымі і фланкіруючымі вежамі замкі-кастэлі. Ізноў жа яны былі не толькі высокаэфектыўнымі абарончымі збудаваннямі, але і сімваламі каралеўскай улады [5, с. 20]. У цэнтральным данжоне кастэлі Луўр на тагачаснай ускраіне Парыжу, да прыкладу, перахоўваліся каралеўскія рэгаліі Францыі. Сярод мураваных замкаў Вялікага княства Літоўскага значнае месца таксама займаюць рэгулярныя замкі-кастэлі, якія хаця і маюць крыху іншую структуру, чым французскія, нясуць, на нашу думку, падобны сэнс: сімвал непарушнай улады манарха. Падабенства між французскімі і літоўскімі[1] кастэлямі заўважаецца таксама ў наяўнасці магутнай жылой вежы-данжона. Для Францыі данжоны былі характэрнай прыкметай замка і ўвогуле феадальнага ладу, у той час як на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага яны былі своеасаблівым элементам абарончага збудавання. Вежа-данжон была асобнай важнай абарончай адзінкай і несла ізноў жа сімвалічны сэнс улады манарха ці феадала, што падкрэслівалася яе вышынёй. Пасля перамогі ў Грунвальдскай бітве будаўніцтва замкаў у ВКЛ не мела больш такіх вялікіх маштабаў і з часам перайшло ў рукі магнатэрыі.

Што ёсць замкі Вялікага княства Літоўскага ў цяперашні час?

Гэта, па-першае, жывое сведчанне аб існаванні выбітнай поліэтнічнай сярэднявечнай дзяржавы. З'яўляючыся прыкладам колішняга адзінства розных народаў, зараз яны падзелены дзяржаўнай граніцай Беларусі і Літвы на дзве часткі. У Літве яны аднаўляюцца і даглядаюцца, у Беларусі ж дажываюць свой век, чакаючы рэстаўрацыі. Некалі ў культурным і гаспадарчым плане цэласны рэгіён Віленшчына цяпер раздзелены на дзве часткі, зносіны між якімі значна абмежаваны. Значны комплекс замкаў Вялікага княства Літоўскага мае высокі культурна-

[1] Маецца на ўвазе Літва – Вялікае княства ЛІтоўскае

турыстычны патэнцыял, які пры такіх умовах, аднак, немагчыма выкарыстаць.

Дзеля карысці беларусаў і літоўцаў патрэбна аднаўленне гістарычнага адзінства Віленшчыны. Гэта б дазволіла аб'яднаць замкавую спадчыну вялікага княства Літоўскага ў буйны турыстычны комплекс, кшталту «Straße der Romanik» у Нямеччыне. Турызм у заходніх абласцях Беларусі і ва ўсходніх Літвы стаў бы адным з найважнейшых фактараў эканамічнага развіцця. Гэта б дазволіла прыцягнуць патрэбныя сродкі на кансервацыю і далейшую рэстаўрацыю замкавых збудаванняў Заходняй Беларусі, якія зараз знаходзяцца ў вельмі дрэнным стане. Праз агульнасць гістарычнай і культурнай спадчыны магчыма шырокая інтэграцыя Беларусі як з Літвою, так і з Еўразвязам. Для сучаснай Беларусі замкавая спадчына ВКЛ можа стаць адным з «акенцаў у Еўропу».

Літаратура

1. *Бардах, Ю*. Штудыі з гісторыі Вялікага княства Літоўскага / Ю. Бардах. Мінск, 2002.
2. *Сагановіч Г*. «Русь» у вайне з Нямецкім ордэнам (кан. XIII – пач. XV ст.) / Г. Сагановіч // Беларускі гістарычны агляд Т. 8 Сш. 1–2. 2001.
3. *Чантурия В.А*. История архитектуры Белоруссии / В.А. Чантурия. Минск, 1977.
4. *Шчакаціхін М*. Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва / М. Шчакаціхін. Мінск, 1993.
5. Uwe A.Von der Burg zum Schloß: französische Schloßbaukunst in Spätmittelalter / A. Uwe. Worms, 1986.

Марыя Смалянчук
(ЕГУ, г. Вільнюс)

ЖЫЦЦЁ І СМЕРЦЬ «ФАРЫ ВІТАЎТА»

Гародня ў гісторыка-культурнай прасторы Беларусі займае ўнікальнае месца. Ніводны іншы беларускі горад не меў такой багатай палітычнай гісторыі ў перыяд сярэднявечча. У XII ст. гэта цэнтр княства, пазней – рэзідэнцыя вялікага князя Вітаўта. У другой палове XVI ст. лёс горада быў звязаны з асобай караля польскага і вялікага князя літоўскага Стэфана Баторыя, які меў намерператварыць яго ў сталіцу Рэчы Паспалітай.

У XX ст. Гародня стала свайго роду рэкардсменам па змяненнях дзяржаўнай прыналежнасці. Гэтыя перамены звычайна суправаджаліся імкненнем новых уладаў не толькі палітычна, але і ідэалагічна забяспечыць уласнае панаванне. У выніку адбывалася вынішчэнне створанага гарадзенцамі культурнага слою. Вынішчаліся як канкрэтныя носьбіты гэтай культуры, так і яе матэрыяльныя помнікі. Неад'емнай часткай гэтага працэсу былі змяненні гістарычнай памяці. Пры аналізу гэтых змяненняў згадваецца паняцце «палімпсест», звязанае з гісторыяй кніжнай культуры. Да вынаходніцтва друкарскага станка ва ўмовах дэфіцыту пергаменту асновай для стварэння кніг часцяком былі старыя рукапісныя кнігі, тэкст якіх знішчаўся. У XX ст. Гародня неаднаразова ператваралася ў падобны «палімпсест».

Шмат стагоддзяў цэнтр горада ўпрыгожваў касцёл Унебаўзяцця Маці Божай, які гарадзенцы звычайна называлі «Фарай Вітаўта». У яго лёсе адлюстраваліся амаль усе значныя падзеі ў жыцці старажытнага горада на працягу шасці стагоддзяў. Касцёл

быў збудаваны напрыканцы XIV ст. падчас княжання Вітаўта. Усталявалася думка, што першы будынак касцёла быў драўляным. Пазней пры вялікім князі Аляксандры Ягелончыку (1494) і каралеве Боне (1551) ён перабудоўваўся, але толькі пры Стэфане Баторыі (1584–1587) стаў мураваным. Дакументы сведчаць, што ўдзел у будаўніцтве касцёла прымаў муляр з Італіі Антоні Дзігрэп. Кіраваў перабудовай, верагодна, архітэктар Дж.М. Бернардоні, стваральнік касцёла Божага цела ў Нясвіжы. Пасля смерці караля польскага і вялікага князя літоўскага Стэфана Баторыя ягоны прах нейкі час спачываў у Фары.

Пазней храм быў перабудаваны і атрымаў гатычна-рэнесансны выгляд, які зафіксаваны на гравюры Т. Макоўскага (1600). Па сваіх памерах гэта быў самы вялікі храм сярод аналагічных яму ў Беларусі: даўжыня – каля 58,6 м, шырыня – каля 23 м. Храм часта цярпеў ад пажараў – у 1751, 1782 г. У 1804 г. пасля чарговай рэканструкцыі расійскія ўлады асвяцілі яго як праваслаўны Сафійскі сабор. Аднак архітэктура касцёла амаль не змянілася. А вось пасля пажару 1892 г. храм быў перабудаваны ў псеўдарускім стылі. Над дахам былі ўсталяваны пяць цыбулепадобных галовак, вежа ператворана ў званіцу, завершаную высокім шатром. У 1919 г. храм быў вернуты католікам. Пасля пажару 1922 г. і чарговай рэканструкцыі касцёл набыў рысы архітэктуры раманскага стылю. У такім выглядзе помнік перажыў Другую сусветную вайну. У лістападзе 1961 г. «Фара Вітаўта» па рашэнні гарадзенскага гарвыканкама была ўзарвана. Усё адбілася ў трагічным лёсе помніка, як у люстэрку: пажары, войны, шматвяковая нестабільнасць краю, клерыкальная і атэістычная ваяўнічасць, жах бездухоўнасці.

Напрыканцы траўня 2002 г. на месцы ўзарванага касцёла пачалася рэканструкцыя сквера. Усе ранейшыя абяцанні пра аднаўленне касцёла прадстаўнікамі ўлады былі забытыя.

У 2002 г. я ўдзельнічала ў экспедыцыі па вывучэнню таго, як гісторыя XX ст. адлюстравалася ў памяці гараджан. Удзельнікі экспедыцыі выкарыстоўвалі метад вуснай гісторыі. Мы апыталі каля 20 чалавек, пераважна 1920–1934 гг. нараджэння. Гэтыя людзі амаль усё жыццё правялі ў Гародні, і яе гісторыя стала часткай іх біяграфіі.

У сувязі са знішчэннем касцёлу, нас цікавіла некалькі пытанняў, у прыватнасці, як быў знішчаны касцёл і як да гэтай падзеі аднесліся гараджане.

Прапаную шэраг найбольш тыповых адказаў на гэтыя пытанні:

Жыхарка Гародні Ванда Шоцік (1940 г. н.):

...Мы, студэнты, не спалі... Стаім ля вакна, назіраем. Стаяць салдаты, міліцыя, людзі «в штатском». Усё была спакойна, але мы ведалі дакладна, што сёння ўзарвуць. І вось на досвітку раптам пачулі стрэл, як хлапок нейкі. Грукату я не памятаю. Але памятаю, як касцёл узнёсся быццам хацеў паляцець у неба. А потым знік за воблакам жахлівага чырвонага, чырвона-шэрага пылу. Людзі казалі, што ён трохі ўзнёсся і... разваліўся.

Станіслава Рой (1922 г. н.):

...Старэйшы сын Чэслаў пайшоў на плошчу напярэдадні знішчэння і алоўкам намаляваў рысы гэтага касцёла. У горадзе ведалі, што будуць узрываць. Некаторыя хадзілі з фотаапаратам. А пасля выбуху і я пайшла на плошчу. Там людзі стаялі і плакалі. Была цішыня. Шэптам размаўлялі. Гэты касцёл быццам у зямлю ўвайшоў. Сын Чэслаў казаў: касцёл нібы узняўся, потым апусціўся, і ўсё рассыпалася. Павінна была быць гара цэглы, а быў маленькі пагорак. Нібыта касцёл пайшоў пад зямлю.

Чэслаў Рой (1942 г. н.):

Па гораду пачалі хадзіць чуткі пра знішчэнне касцёла, калі вакол яго па перыметру на адлегласці 1–1,5 м ад сцяны былі збудаваныя шчыты з дошак. Увесь касцёл пачалі закрываць дошкамі, якія прыбіваліся гарызантальна. Людзі хадзілі і цікавіліся, што тут адбываецца. Ім адказвалі, што касцёл будзе рамантавацца... А пазней нехта сказаў, што касцёл будуць сёння ўзрываць. Я нават дахаты не пайшоў. Разам са сваім сябрам Мікалаем Гайсам застаўся на плошчы... Калі ўжо сцямнела, Мікалай прапанаваў зрабіць малюнак касцёла, бо, як ён заўважыў, выбухне, і нічога не застанецца. Хацелася захаваць на паперы апошнія хвіліны гэтага храма. Ён дастаў блакнот і вырваў для мяне старонку. Я паклаў ліст на далонь і пачаў замалёўваць. Рабіць прыйшлося ўсё непрыкметна, каб ніхто не ўбачыў, што мы робім.

Мы з Мікалаем кружылі і кружылі па плошчы. Ні мы, ні іншыя людзі не ведалі, калі гэта здарыцца. А людзей тым часам збіралася ўсё больш. А потым прыехала некалькі ваенных машын і два або тры бронетранспарцёра. З машын выгрузіліся ўзброеныя аўтаматамі салдаты. Яны з аўтаматамі на грудзі пачалі выціскаць людзей з плошчы. Салдаты стаялі спіной да касцёла і тварам да нас.

Каля другой гадзіны ночы над плошчай узляцела чырвоная ракета, а за ёй адразу зялёная. І адразу мы адчулі моцны падземны штуршок. Зямля ўздрыгнулася пад нагамі. Раздаўся глухі цяжкі гул. Касцёл апускаўся ўніз. А калі напалову знік, знізу падняліся клубы густога дыму. А зверху апускаўся дах, які схаваўся ў пылавым воблаку.

І вось тут салдаты ўжо не змаглі стрымаць людзей. З усіх бакоў людзі імкнуліся да касцёла. Аднак ля касцёлу з-за пылу нічога не было відаць. Усё пакрылася быццам белым попелам.

Каб ачысціць плошчу , прыйшлося яшчэ тыдні два свідраваць гэтыя глыбы, закладваць дынаміт і ўзрываць іх. У горадзе чулася бесперапынная стральба.

Пра тое, як адрэагавалі людзі на гэтае злачынства жыхары Гародні таксама паведамілі нам шмат цікавага.

Ванда Шоцік:

..Бачу, выбегла на вуліцу цётка Ксенія, стала на калені і пачала маліцца. Людзі бегалі, мітусіліся, многа маліліся, праклінали Саветы.

Букеты кветак усюды там ляжалі. Людзі клалі гэтыя апошнія восеньскія кветкі. Прычым гэта рабілі не толькі каталікі, але і праваслаўныя. Яны таксама абураліся знішчэннем касцёла.

Станіслава Рой:

...А людзі прыходзілі, стаялі на каленях і маліліся. А некаторыя смяяліся з тых, хто стаяў і маліўся. Гэта потым яны адумаліся і зразумелі, што Бог усё ж такі ёсць.

Магчыма, каб пабыла даўжэй гэтая ненармальная, вар'яцкая ўлада, то ўзарвалі б яшчэ і іншыя храмы.

Чэслаў Рой:

Было вялікае абурэнне. Людзі са злосцю і горыччу казалі, што гэта такая ўлада, што гэта іх спосаб жыцця. Пыталіся: «Навошта? Каму перашкаджаў гэты касцёл?» А іншыя казалі:

«Яны спрабуюць вырваць гістарычныя карані, бо ўрэшце рэшт знішчылі не нейкую малавядомую царквушку ці часоўню, а менавіта Фару Вітаўта, з якой распачыналася гісторыя горада».

Вусная гісторыя з'яўляецца вельмі цікавым метадам гістарычных даследаванняў. Найбольш эфектыўна яна працуе там, дзе адсутнічаюць гістарычныя дакументы. Менавіта так аказалася ў выпадку са знішчэннем гарадзенскай «Фары Вітаўта». Упершыню ў гісторыі горада ў неваенны час адбыліся такія моцныя разбурэнні. Размовы з людзьмі, запісаныя інтэрв'ю паказалі, што гэтая падзея застаецца балючай ранай у памяці многіх жыхароў Гародні, у тым ліку і праваслаўных.

Праведзеныя даследаванні дазваляюць сцвярджаць, што большасць гараджан вельмі балюча перажывалі знішчэнне касцёла, хоць і баяліся публічна выказваць свае пачуцці. Гарадзенцы добра засвоілі прыказку савецкага часу: «І сцены маюць вушы!». Нават у 2002 г. не ўсе суразмоўцы адразу пачыналі шчыра дзяліцца ўспамінамі пра знішчэнне Фары. Некаторыя баяліся выказваць свае думкі незнаёмым людзям. Вусная гісторыя і ў гэтым выпадку даносіла да нас дух часу (савецкага часу), які не заўсёды адчувальны ў гістарычных дакументах.

Жукоўская Юлія
(ЕГУ, г. Вільнюс)

АРХІТЭКТУРНЫ ПЕЙЗАЖ БЕЛАРУСКІХ І ЛІТОЎСКІХ ЗЕМЛЯЎ КАНЦА XVIII–XIX ст. У ТВОРАХ МАСТАКОЎ ВІЛЕНСКАЙ ШКОЛЫ

У 1797 г. пры Віленскім універсітэце была адкрыта кафедра мастацтваў, якая ў літаратуры атрымала назву Віленскай мастацкай школы. Вільня была тым цэнтрам, у які імкнулася ўся моладзь з беларускіх зямель для атрымання вышэйшай адукацыі, у тым ліку і мастацкай. Відавочна, што Вільня адыгрывае вялізарную ролю ў культурным жыцці беларускіх земляў.

Пры гэтым трэба зазначыць, што мноства даследчыкаў пры характарыстыцы дзейнасці віленскіх мастакоў адносяць іх творчасць да польскай і літоўскай спадчыны, і пры гэтым амаль не звяртаюць увагі на ўдзел беларускай культуры.

Першымі прафесарамі Віленскай мастацкай школы былі Францішак Смуглевіч (1745–1807) і Ян Рустэм (1762–1835).

У пачатку XIX ст. Смуглевіч быў запрошаны на пасаду прафесара жывапісу Віленскага універсітэта. У гэты час Ф. Смуглевіч паспяхова займаецца творчасцю. Самае цікавае для нас – гэта урбаністычныя краявіды Вільні, акварэлі, якія адрозніваюцца сваёй дэтальнасцю, правільнасцю і дакладнасцю. Выяўляецца, што ў сваіх малюнках Смуглевіч вельмі ўважліва падыходзіў да арыгіналаў і імкнуўся да найбольшай беззаганнасці іх перадачы. Гэтыя рысы робяць замалёўкі Смуглевіча адным з найбольш каштоўных матэрыялаў для вывучэння старадаўняй віленскай архітэктуры. Так, напрыклад, Владас Дрэма ў сваёй кнізе «Зніклы

Вільнюс» прыводзіць больш за 25 краявідаў горада створаных Ф. Смуглевічам. У гісторыі выяўленчага мастацтва ён вядомы і як настаўнік многіх беларускіх жывапісцаў.

Пераемнік Ф. Смуглевіча на пасадзе прафесара Віленскага універсітэта Ян Рустэм быў не толькі партрэтыстам, але і майстрам гістарычнай кампазіцыі, бытавых сцэн, пейзажа і гравюры. У гісторыю мастацтва ён увайшоў як выдатны педагог, які выхаваў некалькі пакаленняў літоўскіх, польскіх і беларускіх мастакоў.

Адным з самых знакамітых вучняў Францішка Смуглевіча быў Юзаф Пешка, які нарадзіўся 19 лютага 1767 г. у найпрыгажэйшым горадзе Рэчы Паспалітай – старажытным Кракаве. У юнацтве мастак перажыў уладарніцтва аўстрыйцаў у родным Кракаве, у сталыя гады – разгром паўстання Тадэвуша Касцюшкі і арміі Напалеона, з якім польская шляхта звязвала свае надзеі на вяртанне незалежнасці, і нарэшце, у канцы жыцця, паўстанне 1830 г. Усе гэтыя падзеі пакінулі свой адбітак на творчасці мастака.

Захапляюць краявіды Магілёва і Шклова, некалькі акварэляў прысвечана Віцебску, які ў 1802 г. стаў губернскім. Асабліва вабілі мастака старажытныя замкі. Архітэктурная дакладнасць, з якой творца маляваў кожную дэталь, жанравыя сцэнкі на першым плане, панарамнасць выявы – тыповыя рысы жанру ведуты – гарадскіх краявідаў. Захаваўся акварэльны пейзаж Мінска з гарадской драўлянай сядзібай роду Ваньковічаў, карчмой з заезжым дваром побач на скрыжаванні вуліц. Мастак пісаў алегарычныя і гістарычныя кампазіцыі, партрэты, пейзажы. У калекцыі пейзажаў Ю. Пешкі 12 малюнкаў Віцебска, 3 – Магілёва, 2 – Гародні, па аднаму Менска, Нясьвіжа, Ліды, Наваградка, Смалян, Лошыцы. Малюнкі выкананы акварэльлю, акрамя гарадзенскіх, зробленых тушшу, на аркушах паперы 45x70 см

«Клод Ларэн віленскіх ваколіц» – так называлі сучаснікі *Вікенція Дмахоўскага*, ураджэнца в. Нагародавічы (зараз Дзятлаўскі раён). Выдатны мастак, скульптар і дэкаратар, ён вучыўся на факультэце літаратуры і вольных мастацтваў, быў вучнем Я. Рустэма. З універсітэта Дмахоўскага прызвалі ў войска. Магчыма, ён з'яўляўся сябрам адной з таемных студэнцкіх арганізацый, за што і быў «здадзены ў салдаты». Яго работы на той час былі шырока вядомы ў Беларусі, Літве і Польшчы.

З ранніх работ мастака можна вылучыць пейзаж «Радзіма» (1843 г.) напісаны ў маёнтку Нагародавічы. На першым плане панскі двор, удалечыні просты аднапавярховы драўляны дом, харктэрны для традыцыйнай беларускай сельскай архітэктуры. Адметна тое, што ўсе дэталі дома і прыбудовак выпісаны старанна і ўважліва. Да рамантычных пейзажаў таксама адносяцца «Замак і вежа ў Троках», «Руіны замка ў Гальшанах», «Замак ў Крэве», «Замак у Лідзе».

У асноўным замалёўваў месцы звязаныя з жыццём і дзейнасцю А. Міцкевіча, з якім шчыра сябраваў. Так, напрыклад, захавалася акварэль «Сядзіба ў Туганавічах», выява месца, дзе жыла каханая Міцкевіча, Марыля Верашчака і дзе частым госцем быў паэт.

В. Дмахоўскага часта называюць заснавальнікам плыні рэалістычнага пейзажу ў Беларускім мастацтве.

Адным з мастакоў, які здолеў выдатна злучыць у сваёй творчасці тэму гісторыі і этнаграфіі быў *Міхал Кулеша*. Вядома, што Міхал Кулеша нарадзіўся ў Лідскім павеце Гродзенскай губерніі ў сям'і збяднелага шляхціца. У 1821 г. паступіў у Віленскі ўніверсітэт, дзе лічыўся адным з самых здольных вучняў. Як найбольш таленавітаму, Я. Рустэм дазволіў яму працаваць у сваёй майстэрні. У гэты ж час Кулеша займаецца ў класе скульптуры пад кіраўніцтвам Казіміра Ельскага. У 1823 г. за ўдзел у таемным таварыстве філарэтаў прыцягнены да адказнасьці. У 1824 г. – адпушчаны і выязджае ў Пінскі павет, вёска Луно.

Цікавасць да гісторыі роднага краю ўзьнікла ў Міхала Кулешы ў час вучобы ў Віленскім універсітэце, дзе ён сябраваў з вядомым беларускім этнографам, паэтам Янам Чачотам. Падарожнічаючы па Беларусі і Літве, ён рабіў шмат замалёвак, пісаў пейзажы, эцюды, на аснове якіх пазьней стварыў гістарычныя кампазіцыі. Мастак меркаваў выдаць серыю альбомаў, якая павінна была складацца з некалькіх дзесяткаў графічных лістоў з выявай найцікавейшых мясцін Беларусі, Літвы, Валыні. Сярод гэтых прац – выява Лідскага і Лужскага замкаў, Каложскай царквы, Камянец-Падольска, маёнтка Мерачоўшчына. Нажаль, альбом выдадзены пры дапамозе Юзафа Крашэўскага – адзіны прыжыццёвы альбом Міхала Кулешы.

Выразная літаграфія «Царква Барыса і Глеба на Каложы ў Гродна» (1850-я гг.), дзе вядомы помнік мураванага дойлідства, паказаны на высокім стромкім беразе Нёмана. Выдатна

скампанаваны краявід ажыўляюць фігуркі людзей на пярэднім плане, якія пакрэсліваюць веліч Каложы. У сучасны момант, калі правая частка царквы ў выніку апоўзня знішчана, малюнак Кулешы ўяўляе асаблівую каштоўнасць як важны дакумент, які адлюстроўвае першапачатковы выгляд помніка.

Патрыятычныя матывы, любоў і прыхільнасць да роднага краю, захапленне яго краявідамі, уласцівыя работам М. Кулешы, родняць іх з творчасцю *Напалеона Орды*. І негледзячы на тое, што мастацкую адукацыю Орда атрымоўвае ў Парыжы, у студыі вядомага майстра архітэктурнага пейзажа П'ера Жэрара, які вызначыў яго мастацкі жанр, творчасць мастака ў вялікай ступені прысвечана Бацькаўшчыне.

Паўстанніцкі камандзір 1830–1831 гг. пасля разгрому паўстання вымушаны з'ехаць за мяжу. Там жыве да 1856 г., у асноўным у Парыжы, дзе займаецца творчасцю, сябруе з Ф. Шапэнам і А. Міцкевічам.

Пасля вяртання на Радзіму, у тым ліку падчас паўстання 1863–1864 гг., з планшэтам і алоўкам аб'язджае і абходзіць амаль усю Беларусь, Польшчу і Літву, робіць акварэльныя замалёўкі гістарычных помнікаў і месцаў, звязаных з жыццем і дзейнасцю многіх знакамітых людзей свайго часу.

Няма ўжо цудоўных старасвецкіх сядзіб і палацаў у Моладаве, Асвеі, Беніцы, Варончы, Закозелі, Дзярэчыне, Лагойску, Дубаі, зруйнаваны кляштары і касцёлы – шэдэўры архітэктуры барока – картэзіянцаў у Бярозе, базыльян у Беразвеччы, кармелітаў у Бялынічах, дамініканцаў у Валынцах і шмат іншых. Беларусь у малюнках Напалеона Орды паўстае з попелу, вырастае светлымі абрысамі архітэктурных святыняў.

Творы гэтых мастакоў маюць для беларускай гісторыі і культуры вялікае навуковае і мастацкае значэнне. Іх малюнкі даюць магчымасць ўявіць сапраўднае аблічча Беларусі пачатку і сярэдзіны XIX ст.

Цесныя культурныя сувязі, што складаліся на працягу многіх дзесяцігоддзяў агульнага гістарычнага развіцця Польшчы, Літвы і Беларусі, робяць даволі складаным вырашэнне пытання аб прыналежнасці таго ці іншага мастака да культуры асобнай нацыі. Таму больш правільна разглядаць многія імёны мастакоў у адзіным кантэксце гісторыі выяўленчага мастацтва ўсіх трох народаў – палякаў, літоўцаў і беларусаў.

Андрэй Мастыка
(ЕГУ, г. Вільнюс)

ЛАГЕР У БЯРОЗЕ КАРТУЗСКАЙ (1934–1939): БЕЛАРУСКІ КАНТЭКСТ

Лагер у Бярозе Картузскай з’яўляецца адной з забытых тэмаў у беларускай гістарыяграфіі. Не існуе аніводнай манаграфіі па гэтай праблеме. Асноўная літаратура, прысвечаная лагеру ў Бярозе Картузскай, гэта ўспаміны вязняў, якія друкаваліся яшчэ за савецкім часам, і расповяд у іх ішоў з пазіцыі камуністаў, прайшоўшых лагер. Зразумела, гісторыя лагера дагэтуль не разглядалася менавіта ў беларускім кантэксце.

Даследаванне лагера як асаблівай з’явы, перыяду існавання Заходняй Беларусі ў складзе II Рэчы Паспалітай павінна стварыць новае безстаронняе ўспрыманне таго часу, пазбаўленае ўсялякіх стэрэатыпаў. Вывучэнне лагера не павінна адрывацца ад кантэксту грамадска- палітычнай сітуацыі ў II Рэчы Паспалітай (Заходняя Беларусь – яе неад’емная частка). Гісторыя ўзнікнення і дзейнасці лагера непасрэдна звязана з палітычным становішчам у краіне, як і ўсе змены ў функцыянаванні лагеру звязаны са зменай палітычнай сітуацыі. Існаванне лагера непасрэдна датычыцца становішча Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы і палітыкі ўрада на «ўсходніх крэсах». Вызначэнне накірунку рэпрэсій і вывучэнне складу зняволеных дазваляе нам зразумець сітуацыю, звязаную з нацыянальным рухам, палітычнымі партыямі на Беларусі, іх актыўнасць і масавасць, напрамак іх дзейнасці, нацыянальны чыннік, сацыяльнае і эканамічнае становішча палітычна актыўнага элемента.

У канцы 1920-х гг. у Еўропе намеціўся рост антыдэмакратычных і таталітарных тэндэнцый. Ва ўнутранай палітыцы Польшчы таксама ўзмацніліся тэндэнцыі да фарміравання аўтарытарнай сістэмы кіравання. Фактычна з моманту майскага перавароту 1926 г. санацыйны лагер пачаў барацьбу за выключэнне апазіцыйнага чынніка з палітычнага жыцця. Патрэбна была толькі падзея, якая апраўдвала б перад грамадствам крокі ўлады на ўвядзенне надзвычайных сродкаў. Такой падзеяй стала забойства міністра ўнутраных спраў Браніслава Перацкага 15 чэрвеня 1934 г., арганізаванае ўкраінскімі нацыяналістамі. З гэтага моманту імгненна распачаліся захады на ўтварэнне канцлагера [3, с. 5].

На паседжанні 17 чэрвеня 1934 г. Рада міністраў пастанавіла прапанаваць прэзідэнту да падпісання распараджэнне аб утварэнні лагераў ізаляцыі праціўнікаў улады. Дэкрэт прэзідэнта Масціцкага надаваў адміністрацыйнай ўладзе такія правы, як права зняволення, якімі раней валодала толькі судовая ўлада. Цяпер магчымасць выносіць прысуд аб правамернасці дзейнасці абывацеля атрымаў дзяржаўны ўраднік, маючы адпаведныя паўнамоцтвы, неспатканыя да той пары ў ІІ Рэчы Паспалітай. Хоць санацыйныя ўлады не адышлі цалкам ад дэмакратычных прынцыпаў, аднак зараз больш аддавалі перавагу сродкам, якія выкарыстоўваліся ў таталітарных дзяржавах.

З першых дзён функцыянавання лагера падзея атрымала найшырэйшы розгалас у грамадстве тагачаснай Рэчы Паспалітай. Пытанне, вынесенае на грамадскае абмеркаванне сродкам прэсы і паседжанняў сенату, ацэньвалася цалкам адмоўна. Была разгорнута шырокая кампанія за ліквідацыю месца адасаблення, існаванне якога парушала канстытуцыю і з’яўлялася парушэннем элементарных правоў чалавека. Само існаванне грамадскай думкі па праблеме канцлагера ў краіне значна адрознівае сітуацыю з захаваннем ступені дэмакратызацыі грамадства ў Рэчы Паспалітай ад суседніх краінаў з таталітарнай формай кіравання. Такім чынам, грамадства на момант стварэння лагеру не было ў запалоханым стане і магло больш-менш аб’ектыўна ацэньваць сітуацыю, нягледзячы нават на папярэднія рэпрэсіўныя захады ўладаў.

Месцам лакалізацыі лагера было абрана мястэчка Бяроза Картузская Пружанскага павета. Асноўнае, што патрабавалася

ад месца дзеля забеспячэння нармальнага функцыянавання рэпрэсіўнай установы, гэта адаленнасць ад свету, ізаляванасць. Становішча Заходняй Беларусі характарызавалася адпаведнымі адметнымі асаблівасцямі, якія сцісла можна вызначыць так: адасобленасць ад астатніх рэгіёнаў дзяржавы, аддаленасць ад метраполіі, эканамічная адсталасць, ніжэйшы ўзровень жыцця насельніцтва. Непасрэдна Заходняе Палессе прываблівала сваім геаграфічным становішчам, абмежаваным у пэўных магчымасцях камунікацыі. Значным фактарам быў этнічны чыннік насельніцтва Заходняга Палесся. Тут большасць насельніцтва з-за сваіх значных этнічных асаблівасцяў не вызначылася яшчэ нацыянальна. Гэта павінна была гарантаваць, што насельніцтва будзе адцягнута ад усялякіх нацыянальных і палітычных валак і наогул ад цікавасці да палітычнай рэчаіснасці. Такім чынам, месца адасаблення было ізалявана як ад вонкавага свету, так і ад мясцовай чалавечай прасторы фактычна натуральнымі чыннікамі [3, с. 31–37].

Лагер размесціўся ў гэтак званых «чырвоных казармах», пабудаваных яшчэ за царскім часам, дзе да 1932 г. знаходзілася Школа падхарунжых рэзерву пяхоты Войска Польскага. Пры школе былі тры блокі (гэта трохпавярховыя мураваныя будынкі) і некалькі меншых пабудоў, прыпісаных да дывізіі артылерыі. Гэтае месца абцягнулі калючым дротам і шчыльным парканам – так быў утвораны ізаляцыйны лагер, у якім можна было размесціць да 1000 зняволеных (але да верасня 1939 г. такой колькасці не зафіксавана).

Да апошніх дзён жніўня 1939 г. праз засценкі лагера прайшло больш за 3 тыс. чалавек. Самы вялікі асабісты нумар які фігуруе ў справах, – гэта 3091, атрыманы Т. Бешчынскім 29 жніўня 1939 г. Можна вызначыць наступныя перыяды ў функцыянаванні лагера, якія ўплывалі на колькасны і якасны склад зняволеных.

1. З 1934 па 1937 г. У лагеры змяшчаюцца толькі палітзняволеныя. Колькасць вязняў не пераўзыходзіць 300. Сярод зняволеных асноўная частка камуністы, але да 30% украінскіх і польскіх нацыяналістаў (у наступныя гады гэтая група зробіцца вельмі нязначнай).

2. З 1937 па верасень 1939 г. Узмацненне рэпрэсіяў. Колькасць вязняў даходзіць да 800 (красавік 1938 г.). Характарызуецца наступнымі момантамі:

● з кастрычніка 1937 г. дзейнічае інструкцыя Міністэрства ўнутраных спраў па інтэрнаванню крымінальнага элементу і гаспадарчых злачынцаў. Гэтая група пачынае складаць палову зняволеных;

● у чэрвені 1938 г. праводзяцца «прэвентыўныя мерапрыемствы» па стрымліванню міграцыі (жыдоў з Нямеччыны). І накіроўваюць ў лагер нелегалаў;

● 1 мая 1939 г. выходзіць пастанова аб ізаляцыі чальцоў «Карпацкай Сячы» (38 асобаў), якія мелі статус толькі ізаляваных.

3. З 1 верасня 1939 г. Справаздачнасць амаль што не вядзецца. Масавы «чос», калі інтэрнавалі ўсіх небяспечных для дзяржаўнага парадку. Толькі з гэтага часу пачалі накіроўваць у лагер і жанчын. У лагеры з’яўляюцца ваеннапалонныя – нямецкія жаўнеры, верагодна лётчыкі.

Па нацыянальнаму складу аснову зняволеных складалі палякі (43%) і яўрэі (33%), па веравызнанню адпаведна каталікі (38%) і іўдзеі (34%). Асноўная група палітзняволеных на працягу ўсяго існавання – камуністы (большасць з якіх жыды па нацыянальнасці). Аснову крымінальнай групы зняволеных складаюць палякі. Сярэдні ўзрост – 32 гады, па роду заняткаў працоўныя і сяляне [4, с. 96–98].

Адным са спрэчных момантаў з’яўляецца колькасць ахвяр канцлагера. Па дадзеных справаздач адміністрацыі лагера, на тэрыторыі самога лагера загінула 13 чалавек і зафіксавана адно самагубства, аднак яшчэ больш магло памерці ў Кобрынскім шпіталі, куды накіроўвалі знямоглых зняволеных [4, с. 96–98].

Беларусы ў лагеры за ўвесь час яго існавання складалі 6% ад зняволеных. Гэта была самая маладая група – сярэдні ўзрост 30 год. Асноўную большасць сярод беларусаў складалі сяляне [4, с. 96–98]. Такім чынам высвятляецца, што беларускі фактар сярод зняволеных быў не самы значны і што не ў гэтым накірунку праводзіліся асноўныя рэпрэсіі. Колькасная нязначнасць агульнай складаючай беларусаў сярод зняволеных павышае якасную значнасць адзінкавых асоб, асабліва калі яны належаць да нацыянальнага руху.

Асноўная група, куды ўваходзілі беларусы, была камуністы (85%). Наогул усе групы зняволеных былі дакладна прапісаны, што датычыцца палітычных груп, то гэта: польскія «нарадоўцы», «людоўцы», украінскія нацыяналісты і камуністы. Такім чынам,

беларусам не прыпісвалася ўласнай нацыянальнай арганізацыі ці партыі. Уся іх дзейнасць разглядалася як камуністычная.

Ёсць тлумачэнне такой сітуацыі з беларускім рухам. Лагер быў створаны ў 1934 г., ужо пасля гэтак званай «грамадаўскай рэвалюцыі» і прыціску беларускай дзейнасці. Працэс над Грамадой у 1927 г. фактычна і вынес прысуд усяму беларускаму руху і абвінавaціў яго ў камуністычнай прыхільнасці. Гэты стэрэатып захаваўся ў II Рэчы Паспалітай да канца яе існавання. Але таксама мы павінны адзначыць слабасць беларускага нацыянальнага руху ў 1930-я гг.

Самая забытая частка ў беларускім кантэксце – гэта дзеячы нацыянальна-вызваленчага руху, якія прайшлі канцлагер, і іх успаміны. Гэта, у прыватнасці, Янка Шутовіч, Сяргей Хмара, Уладзіслаў Паўлюкоўскі, Яўген Пронька. Дзейнасць Шутовіча і Паўлюкоўскага непарыўна звязана з Вільняй – сэрцам беларускага руху ў міжваенны час. Існуюць успаміны: У. Паўлюкоўскага (Улад Ініцкі) «Арышты; Бярэза і Воля» і С. Хмары «Шаптаныя рэфэраты».

Цікавым фактам з'яўляецца тое, што беларускія дзеячы не спынялі сваю дзейнасць і ў лагеры. Па ініцыятыве С. Хмары была створана літаратурная суполка, якая існавала ва ўмовах, калі наглядчыкі жорстка каралі нават за перамовы паміж зняволенымі. Літаратурная суполка Картуз-Бярозы складалася з беларусаў С. Хмары, Яўгена Трактара (Пронькі), літоўца Езаса Кекштаса і ўкраінца Аляксандра Гаўрылюка (гл. [2]). Пісаліся і перакладаліся вершы.

Адкрытай для даследавання застаецца тэма ўспрыняцця лагера ў памяці жыхароў Бярозы. Паводле ўспамінаў Паўлюкоўскага, вязняў, што былі вызваленыя ў верасні 1939 г., мясцовыя сяляне сустракалі цёплымі словамі і пачастункамі. Да іх ставіліся як да пакутнікаў і праклiналі «польскіх катаў» (гл. [1]). На такое ўспрыманне сітуацыі з лагерам магло паўплываць тое, што сама Бяроза была ператворана ў лакальны цэнтр таталітарызму, маленькую паліцэйскую дзяржаву. У адарваным ад вонкавага свету мястэчку панавала атмасфера жаху, якая адбілася на свядомасці мясцовых жыхароў.

Асноўным момантам у беларускім кантэксце з'яўляецца асэнсаванне вобразу беларускага палітзняволенага. Мы не можам задаволіцца адназначнай характарыстыкай яго дзеянняў

як цалкам камуністычнай – штампам польскага ўрадніка 1930-х гг., уяўленнем, навязаным у наступныя часы савецкай прапагандай. Шырокага вывучэння патрабуе беларускі фактар сярод рэпрэсаваных лагеру, неабходны таксама дасканалы аналіз фактычных дзеянняў зняволенага, якія былі расцэнены ўладамі як небяспечныя і прывялі да інтэрнавання. Падставай для такога даследавання з'яўляюцца матэрыялы Брэсцкага абласнога архіва – каля 3 тыс. адзінак захавання з асабістымі справамі зняволеных. Фактычна гэта пераважная большасць спраў, якія былі заведзены да 1 верасня 1939 г. Аналіз гэтай крыніцы амаль адсутнічае. А між тым пераасэнсаванне сітуацыі з беларускімі вязнямі можа дапоўніць характарыстыку беларускага нацыянальна-вызваленчага руху ў крызісныя для яго 1930-я гг.

Літаратура

1. *Ініцкі, У*. Арышты; Бярэза і Воля / У. Ініцкі // Гістарычная Брама. 1997. № 2.
2. *Хмара, С*. Шаптаныя рэфэраты / С. Хмара // Гістарычная Брама. 1997. № 3–4.
3. *Polit, I*. Miejsce odosobnienia w Berezie Kartuskiej w latach 1934–1939 / I. Polit. Toruń 2003.
4. *Sleszyński, W*. Oboz odosobnienia w Berezie Kartuskiej 1934–1939 / W. Sleszyński. Białystok, 2003.

IV.
СОВРЕМЕННАЯ (БЕЛОРУССКАЯ) КУЛЬТУРА: МЕЖДУ ТОТАЛИТАРИЗМОМ И ПОСТМОДЕРНОМ

Евгений Соболев
(ЕГУ, г. Вильнюс)

БЕЛАРУСЬ. ОБРАЗ СТРАНЫ-ЖЕРТВЫ, ТРАНСЛИРУЕМЫЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Последние несколько лет власти Беларуси пытаются создать «образ» страны, благодаря которому она займет достойное, по мнению власти, место в мировом сообществе, а именно, предпринимаются активные попытки создания того, что некоторые исследователи именуют словом «идентичность». В статье предлагается анализ некоторых сторон этих попыток.

During the last years we may observe different attempts of Belarusian authorities to create a positive "image" of the country. It can be considered as a process of identity constructing. Some features of these attempts are analyzed in the article.

В свое время Х. Ортега-и-Гассет написал всем хорошо знакомую книгу «Восстание масс», в которой обрисовал зарождение нового типа человека – человека массового. Однако это было задолго до того, как СМИ обратили мир в то, что Маршал Маклюэн назвал «глобальной деревней». Х. Ортега-и-Гассет, полагаю, даже не мог предположить, насколько же «массовым» окажется массовый человек в условиях тоталитарной экспансии СМИ. Массовость достигла таких масштабов, что потребовались новые теории для описания общества. Как результат, в теории массовой коммуникации выявились две основные парадигмы. Во-первых, человеко-ориентированный подход, исходящий из

модели минимального эффекта. Суть этого подхода в том, что люди, скорее, приспосабливают средства массовой коммуникации к своим нуждам и потребностям, чем средства массовой коммуникации подчиняют себе людей, иными словами, выборочно воспринимают поступающую информацию (красноречивый пример – обыватель, переключающий программы с помощью пульта дистанционного управления). Они отбирают ту часть информации, которая совпадает с их мнением, и отвергают ту, которая в это мнение не укладывается. Во-вторых, медиа-ориентированный подход, суть которого в том, что человек подчиняется действию средств массовой коммуникации. Наиболее видным представителем данного подхода является вышеупомянутый Герберт Маршал Маклюэн.

Ни для кого не секрет, что именно медиа-ориентированный подход описывает то состояние, в котором находится западноевропейская цивилизация – и не только. В мире, где военные приурочивают бомбежки к вечерним теленовостям, в этом уже, вероятно, мало кто сомневается. Потребитель верит, что бомбежки реальны только по одной причине: он искренне убежден в том, что реалити-шоу дешевле постановочного. То есть потребитель знает, что реальность создается телевизором. Его последняя надежда на правду состоит в том, что реальность проще просто показать, нежели создать (проще реально разбомбить пару-тройку иракско-чеченских селений, чем монтировать для этого целый павильон). В некоторых случаях так оно и происходит. В некоторых, но далеко не во всех.

Последние 15 лет мы имели возможность наблюдать за рождением и последующим развитием новой страны под названием Беларусь. Если мы попытаемся в полной мере осознать все бремя ответственности, оказавшейся на плечах власти, возможно, мы начнем относиться к ней даже с некоторой долей сострадания. На плечи этих людей возложена миссия по созданию того, что многими исследователями сегодня именуется метким и неуловимым словом «идентичность». Скорее всего, творцам современной белорусской идентичности это слово вряд ли ведомо, тем не менее усилия, прилагаемые к сотворению таковой, можно вполне назвать титаническими.

Если вкратце, не претендуя на безупречную точность политологических суждений (не в этом суть данной статьи), попытаться

проследить историю становления нашей страны в качестве независимого государства, картина получится примерно следующей:

1) резкий поворот спиной к советскому прошлому. Все, что являлось «советским», объявлялось безнадежно плохим, и наоборот. Во властных структурах оказалось много бывших диссидентов, активистов национального возрождения, возвратившихся на родину эмигрантов – это было характерно не только для республик бывшей Советской Прибалтики, но и для Украины с Беларусью, хотя и в меньшей степени;

2) возвращение советской элиты. По мере затухания этнонациональных проектов, страны начали сталкиваться с более прагматичными задачами – «взять и поделить». И в кадрах для решения подобных задач недостатка не обнаружилось.

Вновь образовавшиеся независимые государства вскоре расстались с этнонациональными проектами – они оказались попросту несостоятельны. В Беларуси, например, население оказалось гораздо в большей степени заинтересовано в «стабильности и процветании», нежели в «свободе и независимости». Таким образом, в бывших республиках СССР установились режимы переходного характера. Забросив этнические проекты, они не предложили ничего нового. Примерно к 2003–2004 гг. и население, и руководители новых независимых государств вдруг осознали: Советского Союза больше нет и, скорее всего, никогда больше не будет. Перед бывшими советскими республиками встала тяжелая задача национального строительства – из «бывших» надо было срочно превратиться в «настоящие». Задача была непроста, но взялись за нее с энтузиазмом. Можно даже сказать, с душой.

Какой же образ Беларуси сегодня предлагает нам основной «конструктор» идентичности – телевизор? По моему мнению, культивируется образ, который достаточно точно можно описать словом «жертва».

Об этом свидетельствуют, в частности, те эпитеты, которыми Власть порой наделяет нашу страну, чтобы до потребителя быстрее доходили нужные коннотации:

- «Беларусь – это хрустальный сосуд, который я несу в своих руках, боясь разбить...» (А.Г. Лукашенко);

● «Белорусы – это маленький, но гордый народ!» (А.Г. Лукашенко). Звучит как отповедь потенциальным поработителям;

● Беларусь синеокая, чистая, светлая, нежная и т.д. – все эти эпитеты, бродящие в культурном поле где-то между полюсами официальной эстрады и народного творчества, аппелируют к гендерным аспектам национальной культуры – всем известно, что «официальная» белорусская женщина мудра, миролюбива, но при этом хрупка и слаба, а потому нуждается в крепких, но заботливых руках, обладатель которых в состоянии уберечь возлюбленную от происков врага – масонских заговорщиков, российских сырьевых олигархов, растленных оппозиционеров и др. Чтобы усилить этот образ, периодически предпринимаются попытки написания «правильной» белорусской истории, основанной на бесконечном противостоянии между Западом и Востоком, в котором Беларуси выпадала роль ни больше ни меньше, чем поля битвы. В идеологических фреймах женский образ Беларуси, обусловленный изначально лингвистически, усиливается многочисленными коннотациями. В частности, слово «белая» проходит в связке со словом «чистая» и обозначает непорочность – в нашем случае «непродажность» тем самым силам, которые сплотились для того, чтобы отобрать у Беларуси ее главное и абсолютно женское качество – девственность.

Примерно с середины 1990-х гг. на телевидении достаточно четко прослеживаются два режима работы – «мобилизационный» (сообщения о заговорах «международных террористов», взрывах, катастрофах и др; сюда же можно записать репортажи с полей, где проходят учения ко всему готовой армии страны родной) и «успокаивающий» (кулинарные шоу, интервью звезд, спортивные победы и др). То есть (вспомним Х. Ортегу-и-Гассета) производится столь необходимая «массовизация» публики, производимая исключительно с целью создания и укрепления проекта национальной идентичности.

Забавно, что наряду с нагнетанием истерии по поводу заговора врагов, на белорусском ТВ в последние годы вполне успешно развивается развлекательная составляющая – активно формируется «институт звезд», выступлениям и похождениям которых посвящена огромная часть телеэфира, реалити-шоу, ток-шоу и т.д. Весь этот ряд периодически прерывается сердитыми людьми в галстуках, которые, нахмурившись, вещают о том, что

весь этот праздник, свидетелями коего мы являемся, может прекратиться в один миг, если мы не будем достаточно бдительны. Надо сказать, что сообщения эти исходят исключительно из суровых мужских уст (женщины выполняют в «серьезных» телестудиях роль, как правило, декоративную), тогда как эстрада наполнена почти исключительно женщинами, трудящимися, опять же, под мудрым отеческим взором грандов типа Ярмоленко или Тихоновича, поневоле оказавшихся в роли неких «евнухов». Но порядок в медийной сфере тоже надо поддерживать – не всем же принимать участие в нефтегазовых дебатах. Интересно, что если на российской сцене самыми сладкими проектами являются развеселые герлзбенды (различные Виагры, Сливки, Фабрики, Блестящие, Тутси), то белорусские дамы трудятся, как правило, страдая в одиночестве. Песни их в основном тоже трудно назвать беззаботными – неразделенная любовь, страдания, перманентная попытка достичь недостижимого «женского счастья» – все это жестко контрастирует с российскими «штучками», рыскающими на «Порше» по ночной Москве и игриво постреливающих очами.

По мнению известного российского журналиста Бориса Дубина, «зритель отвечает на эту принудительную и безальтернативную модальность показа политической сцены чаще всего рассеянностью и безучастием. Он смотрит телевизор, но смотрит извне и равнодушно. По расчету или помимо желания коммуникаторов, СМИ в России, начинавшие в конце 1980-х гг. с демонстрации ценностей разнообразия и выбора, все больше превращаются в систему централизованно-массового производства отчужденности и незаинтересованности. Можно сказать, что власть уже не рассчитывает на поддержку масс, она рассчитывает на их равнодушие. Роль «не полностью принадлежащих», как бы отсутствующих, нечто вроде зрительского алиби («Мы сегодня вроде бы и не здесь») – едва ли не преобладающая форма социальности в нынешней России. Она характерна для самоопределения и поведения массы – как на ритуальном, так и на бытовом уровне, но таковы же поведенческие стереотипы представителей действующей власти, включая президента страны: когда это практически необходимо, их, как правило, нет». Полагаю, что примерно то же самое – и даже в большей степени – можно сказать и о Беларуси. В особую статью я бы

выделил такое уникальное (по крайней мере для восточной части бывшего Советского Союза) явление, как бесконечные лотереи и лото. Они как бы подчеркивают ту степень безучастности, которая, по мнению Власти, требуется от потребителя: покупая билеты (на многих госпредприятиях их брать просто НАДО), потребитель как бы демонстрирует свою солидарность с Властью и готовность продолжать сотрудничество в тех непростых условиях, в которых Власть оказалась.

Не так давно на телеэкраны страны вышло произведение Юрия Азаренка «Духовная война», за которое, к слову сказать, он был удостоен приза Парламентского Собрания Союза Беларуси и России (!) «За верность нравственным идеалам в киноискусстве».

Сюжет этого многосерийного документально-пропагандистского фильма достаточно прост: Беларусь, по мнению автора, является одним из последних бастионов, не павших под натиском всемирного масонского заговора – именно этим объясняется столь пристальное внимание со стороны «демократических» стран. Вовсю используется христианская символика, звучат песни религиозного содержания. Фактически легитимация Власти проводится уже некими мистическими средствами.

Итак, Власть конструирует образ Беларуси – образ жертвы. Невинной, но вынужденной бороться за свои права. Для того чтобы подобная теория выглядела правдоподобно, ее истоки должны теряться где-то в глубине веков. В нашем случае это несложно: географически Беларусь как раз и является полем столкновения двух цивилизаций, а столкновения, как известно, лишь недавно стали носить относительно цивилизованный характер. То есть наше попадание «под молотки» носило совершенно объективный характер. Дальше – больше. Нас рвут на части европейские масоны и российские сырьевики. Злосчастная труба также проходит по нашей территории. В таких непростых условиях ставить вопросы о легитимности Власти по меньшей мере безответственно. Тем более ставить их по лекалам западной демократии, которой неведома сложная душа хрупкой синеокой красавицы, виртуозно балансирующей на границе огня и полымя.

Татьяна Солдатенко
(ЕГУ, г. Вильнюс)

НАСИЛИЕ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Обращаясь к средствам массовой информации советского периода, не сложно понять, что это были не коммерческие предприятия, а партийные органы, призванные стоять на страже советского образа жизни. Печать, радио, телевидение служили коллективным пропагандистом социалистического строительства. Однако неправильно будет утверждать, что КПСС следила только за идеологией СМИ. Большое значение придавалось моральности масс-медиа. Низкопробные в нравственном отношении материалы не попадали на экраны телевизоров и страницы газет. С распадом в 1991 г. Советского Союза СМИ стали осваивать новые для них условия работы, построенные на основе рыночных отношений. Правда, не все (примером служит Беларусь).

Современные СМИ играют важную роль в формировании поведенческой модели в обществе. Для миллионов людей телеэкран стал основным источником информации и познания окружающего мира. Как и другие СМИ, он помогает распространять информацию, знания, культуру, выступает в качестве инструмента пропаганды и др. Сегодня человек не может находиться вне информационного поля, которое заполнено сценами насилия. Советскому человеку в этом отношении было значительно проще. Отсутствие информации служило своеобразным щитом. Сцены жестокого подавления демонстраций, куклуксклановцев,

голодающих детей – все это было далеко и не часто. Разумеется, каждый член общества имеет право на информацию. Однако уже не раз поднимался вопрос о корректности в освещении СМИ катастроф, терактов, трагедий. Насилие на экранах телевизоров, страницах газет и журналов стало неотъемлемой частью нашей жизни. Мир конца XX в. раздирается острыми социальными противоречиями, нарастает волна насилия… Психика многих индивидов разрушается в результате сцен зверского насилия, которыми переполнены современные фильмы, теле- и радиопередачи, книги, театральные спектакли. При этом негативным обстоятельством является не то, что какой-то один фильм или какая-то телепрограмма пропагандирует насилие, а то, что наблюдается тиражирование насилия.

Демонстрацией насилия злоупотребляют не только художественные фильмы, но и информационные передачи. Взрывы, смерть происходят в прямом эфире. Страницы газет пестрят подробным описанием несчастных случаев, катастроф, криминальных историй и жестоких убийств. Нередко они сопровождаются фотографиями внушительного размера, что способствует привыканию к сценам насилия. Основную возрастную группу, подверженную влиянию, составляют дети и подростки. Опрошенные психологи и психиатры считают: фильмы, содержащие сцены насилия, порождают агрессивность, создают стереотипы поведения и негативно влияют на успеваемость в школе. СМИ преподносят уже готовую модель решения конфликтных ситуаций, а именно – насилие. В погоне за высоким рейтингом, а следовательно, и экономической стабильностью этический аспект уходит на задний план. Мы давно привыкли к утверждению: «Молодежи принадлежит будущее». Но будущее определяется тем, что мы делаем сегодня.

Существует мнение, что СМИ лишь отражают насилие, существующее в мире. Тем не менее психологи и эксперты по вопросам СМИ считают, что демонстрация сцен насилия в западных СМИ послужила одной из причин роста жестокости на Западе.

С развитием Интернета и его широким спектром возможностей, появились дополнительные средства распространения сцен насилия. Особо стоит отметить видеоигры, где дети выступают в роли убийц, безжалостно уничтожающих на экране своих врагов. Это негативно сказывается на психике ребенка.

Кроме насилия, особую обеспокоенность вызывает сексуальная подоплека современной индустрии развлечений.

Потребляя освобожденную от контроля этики продукцию СМИ, в первую очередь ТВ, человек не может оценить силу ее воздействия на его психику, а следовательно, и дальнейшее поведение. Уверенный в том, что данная модель поведения – всецело его заслуга, он не отдает себе отчет в том, что она навязана средствами массовой информации. В документальном кинофильме «Боулинг для Колумбины» известный американский публицист и кинорежиссер Оскар Майкл Мур показывает, что беспорядки и акты насилия в американском обществе являются, скорее, результатом насилия, пропагандируемого в СМИ. В современном обществе, где с экранов телевизоров ежедневно транслируются сцены насилия и смерти, стирается грань гуманного отношения к обществу в целом и к конкретным его представителям в частности.

Доступность и прозрачность информации на современном этапе повышает требования к СМИ и моральную ответственность прессы за каждое сказанное слово. Сегодня наша цивилизация склонна понимать, осознавать себя прежде всего с помощью СМИ. Слово, описывающее реальность, многократно усиленное техническими возможностями электронных коммуникаций, становится явлением более выразительным, чем сама действительность. СМИ должны ясно понимать, где проложены границы допустимого при освещении террористических актов, этично ли предоставление эфирного времени преступникам, удерживающим заложников, не подменяют ли СМИ анализ причин и следствий освещаемых событий огромным количеством сенсационных кадров и сюжетов.

В период Перестройки исследователи утверждали, что при советском режиме, в условиях отсутствия демократии и функционирования прессы как части государственного механизма, у журналистов были «резко ограничены» сами возможности самостоятельного нравственного выбора. Поведение определяли не собственные принципы, а внешние, институциональные регуляторы: не подлежащие обсуждению указания издателя, партийная дисциплина... Десятилетие спустя те же исследователи пришли к мнению, что сохранившаяся у советских журналистов система нравственных предпочтений разрушилась в 1990-е гг.

из-за наступления уродливых рыночных отношений и скупки СМИ крупными холдингами, приведшей к утрате независимости этих СМИ.

В отличие от советских СМИ, которым, несмотря на идеологизированность материалов, было характерно использование глубоких образов персонажей и явлений, многие постсоветские СМИ не утруждают себя серьезными аналитическими материалами, предлагая зачастую искаженное восприятие мира. В ряде стран, образовавшихся на постсоветском пространстве, приняты законы, целью которых является защита от вредного влияния, связанного с демонстрацией сцен насилия, порнографии. Несмотря на то, что право и мораль – два разнородных социальных регулятора, которые «нельзя смешивать в одном тексте, тем более тексте закона», подобное смешение объясняется теоретиками российского права СМИ прежде всего тем, что «в условиях переходного государства, когда гражданское общество еще не сформировалось, а дух профессиональной общности еще не успел сплотить журналистское сообщество, механизмы саморегуляции слишком слабы, чтобы обеспечить эффективность деонтологических норм». Как показывает зарубежный опыт, принятие законодательных актов, устанавливающих ограничения на деятельность СМИ, направленные на защиту здоровья и обеспечение нормального умственного и духовного развития детей, не только не мешает объективному информированию граждан, но и является обязательным с точки зрения международного права. (Институт проблем информационного права. Сер. «Журналистика и право». Вып. № 54.)

На современном этапе развития общества функции СМИ должны быть направлены на укрепление общенациональных и общечеловеческих ценностей, повышение нравственности. СМИ способны как просвещать людей, развивать в них чувство собственного достоинства, стремление к свободе и социальной справедливости, так и духовно порабощать, дезинформировать и запугивать, разжигать массовую ненависть, сеять недоверие и страх.

Егор Сурский
(ЕГУ, г. Вильнюс)

НОВЫЙ ТИП ВИЗУАЛЬНОСТИ В ИСКУССТВЕ БЕЛОРУССКОГО ПЛАКАТА 1980–1990-х гг.

Автор рассматривает наиболее прогрессивный период в развитии искусства белорусского плаката – 1980–1990-е гг., характеризующийся становлением социально-критической функции плаката, возникновением авторского плаката, усовершенствованием и инновативностью художественных средств его выразительности и подачи, формированием своеобразных черт белорусского плаката, успешным участием авторов в специализированных международных конкурсах за рубежом.

Аўтар разглядае найбольш прагрэсіўны перыяд у развіцці мастацтва беларускага плаката – 1980–1990-я гг. для якога ўласцівы станаўленне сацыяльна-крытычнай функцыі плаката, узнікненне аўтарскага плаката, удасканальванне і інавацыйнасць яго мастацкіх сродкаў выразнасці і рэпрэзентатыўнасці, фармаванне своеасаблівых рысаў беларускага плаката, паспяховы ўдзел аўтараў у спецыялізаваных міжнародных конкурсах за мяжой.

This article is on the most progressive period in Belarus' poster art, for which are characteristic a formation of social-critical function of poster, an appearance of author's poster, an improvement and innovative nature of its means of artistic expressiveness and representation, a formation of its distinguishing features, a successful participation of authors in specialized international competitions abroad.

Ключевые слова: белорусский плакат, авторский плакат, социально-критическая функция плаката, дизайнерская концепция плаката, новый тип визуализации.

Ключавые словы: беларускі плакат, аўтарскі плакат, сацыяльна-крытычная фунцыя плаката, дызайнерская канцэпцыя плаката, новы тып візуалізацыі.

Key words: Belarus' poster, author's poster, social-critical function of poster, design concept of poster, new type of visualization.

1. Реакция авторского плаката на пропагандистский плакат

Эпоха гласности второй половины 1980-х гг. привела к демократизации общественной жизни СССР. Плюрализм мнений отныне мог находить выражение в прессе, искусстве – в более широком контексте социальной среды. Периодика того времени насыщена критическими статьями, материалами, которые раньше были недоступны широкому кругу читателей. Альтернативный взгляд не мог не проявиться и в искусстве.

На примере искусства плаката Беларуси 1980–1990-х гг. можно говорить о расширении его тематического плана [1, с. 281–289]. Новыми темами для жанра становятся проблемы экологии, сохранения историко-культурного наследия, национального возрождения белорусов. Более острой и откровенной становится критика бюрократизма. Приоткрыта завеса над некоторыми вопросами истории: в искусстве плаката находит выражение правда о сталинских репрессиях, коллективизации. Несмотря на то, что речь идет о советской наглядной агитации, когда тематический план утверждается отделом пропаганды, любая издательская деятельность контролируется, а плакатистам отводится роль исполнителей, не всегда самостоятельных к тому же в выборе художественных средств, авторский взгляд нельзя более считать политически ангажированным. Связано это с развитием авторского плаката, созданного в виде эскиза или небольшим тиражом – часто литографским способом, на собственные средства автора, по его же личному заказу. Такие плакаты отличались особой критичностью, но и нестандартным творческим подходом. Путь к зрителю осуществлялся за счет участия в художе-

ственных выставках, печати на обложках журналов («Огонек», «Крыніца»), участия в международных конкурсах плаката. Среди острых авторских решений такого плана можно отметить плакаты «Нержавеющий Сталин» с вырезанным профилем вождя на клинке ножа из нержавеющей стали. Этот плакат авторства В. Цеслера, С. Войченко, А. Шелютто (Беларусь) и Кшиштофа Дуцкого (Венгрия) был отмечен серебряной медалью на XII Международном бьеннале плаката в Варшаве. Другой плакат авторства В. Цеслера, С. Войченко, А. Шелютто «Афган» антивоенной тематики: шлеи солдатского рюкзака прикованы к скале, изображая тяжелую, почти неподъемную ношу войны в судьбе человека. За эту работу авторы были удостоены III премии Международного бьеннале в Лахти (Финляндия), проходившего в 1989 г. Плакат был среди участников передвижного выставочного проекта «Art as activist: revolutionary posters from Central and Eastern Europe», где авторскому плакату отводилась не последняя роль в развенчании коммунистических режимов СССР и стран Восточной Европы [5]. Вторым белорусским плакатом авторства Д. Сурского, Т. Гардашниковой этого выставочного проекта была работа «Кадры решают все», на котором изображен винт с клеймом в виде серпа и молота. Автор иллюстрирует сталинские высказывания о человеке и его роли – винтика в государственном механизме, когда именно таким мог быть человек «подогнанный» (клеймо в виде серпа и молота) под коммунистическую идеологию. Второе не менее лаконичное решение того же авторского тандема отсылает нас к фрагменту статуи «Рабочего и колхозницы» скульптора Мухиной, где руки с неизменным атрибутом советской власти (серпом и молотом) скованы наручниками. Этот плакат в том числе, по независящим от авторов обстоятельствам, не получил распространения дальше эскиза. Критичностью и остротой отличаются также многие плакаты того времени авторов В. Жука и В. Круковского. В работах последнего особенно акцентируются вопросы национального возрождения, национальных символов белорусов. Плакат «Білінгвізм» с рассыпающимися в слове отличительными для белорусского языка буквами «і» не теряет своей актуальности и сегодня.

Злободневность многих затрагиваемых тем отчасти сопряжена с публицистичностью, характерной жанру. Но за счет метафоричности художественного языка, изобретения оригиналь-

ного изобразительного кода плакат становится более убедительным. Призывности плаката прошлых лет противопоставляется размышление, концептуальность, ассоциативность, приглашается зритель к диалогу.

Авторы выражают свое отношение к пропаганде, которая часто прибегала к изобразительным средствам плакатного искусства, особенно в сфере социального плаката, рождала штампы, ограничивала и даже исключала независимый художественный поиск автора.

2. Новые художественные поиски в искусстве плаката

Основные формальные изменения в изобразительном искусстве белорусского плаката 1980-х рассмотрены в исследовании Е. Атрахович [1]. Ключевой тенденцией становится переход от изобразительности к метафоричности. Формальные решения такого плана были, например, уже в плакате В. Круковского «Назаўсёды ў памяці народа» (1974), где пламя свечи – память о событиях последней войны – горит из снаряда. Некоторые исследователи считают эту тенденцию перехода в искусстве плаката от иллюстративности к метафоричности общей для мирового искусства плаката, связанной с трансформацией символики и замещением дословности и иллюстративности знаковым кодом [4]. 1980-е гг. – время развития и формирования особой семиотики белорусского плаката, когда был создан целый ряд уникальных знаковых ассоциаций, многие из которых универсальны по своей природе. Такая ассоциативность прочитывается в плакатах «Дело №...» антибюрократической направленности, где паутина сплетена из канцелярских скрепок; «Хлеб – всему голова», когда соломенная шляпа – атрибут национального костюма белорусов – «надета» на хлебный каравай, в особом ракурсе напоминающий голову человека (авторы обоих плакатов – Д. Сурский, Т. Гардашникова); «1937» – с языком вместо курка револьвера, символизирующим наушничество в годы сталинских репрессий, которое нередко становилось формальным поводом для преследований (авторы – А. Новожилов, Р. Найден); «Марк Мерман» – с протянутыми струнами гитары поверх открытого канализационного люка; в чем прочитывается глубокий

философский смысл, «Добрай раніцы, Беларусь!» – с решеткой на окнах, напоминающей контуры солнца с расходящимися лучами в виде металлических прутьев как иллюстрации посткоммунистических реалий жизни Беларуси (авторы обоих плакатов – В. Цеслер, С. Войченко).

Особой чертой, получившей широкое распространение в белорусском плакате, стала постановочность, пространственность изображения, что частично выводит плакат из классических канонов графики – святая святых этого вида изобразительного искусства. Для постановочного плаката используется фотосъемка. Польские теоретики, размышляя над процессами, проходившими в искусстве плаката, задавали риторический вопрос, не приведет ли постоянное стремление к лаконичности знака, убиранию всего лишнего в изобразительности в конечном счете к чистому листу бумаги [2]. Однако выход был найден в усовершенствовании техники полиграфии, позволившей широко использовать постановочный плакат. В этом ключе создавались и многие белорусские плакаты того времени.

Объективно замечено, что в искусстве белорусского плаката развитие художественных средств стало возможным благодаря развитию издательского дела, возникновению новой полиграфической базы в 1980-е гг. [1]. Многие прогрессивные издательства (например, «Беларусь») были заинтересованы в оригинальных творческих решениях, нестандартных подходах. Плакаты издавались значительными тиражами, некоторые наиболее удачные работы переиздавались. Это подняло уровень полиграфической культуры в целом, популяризировало многие творческие находки.

Следующая изобразительная черта, проявившаяся в искусстве белорусского плаката названного периода, – эклектичность. Плакатисты обращались как к цитатам из мирового искусства (плакат С. Плотникова «Утренняя свежесть» – стилизация под Альфонса Муху; серия плакатов «Первый советский…» Е. Китаевой – стилизация под Кассандру), так и к авторской интерпретации художественных традиций, связанных с Беларусью. С. Саркисов работает, используя приемы витебского авангарда 1920-х гг. Обращение к художественному опыту прошлого, который находился вне официальной доктрины социалистического реализма, принадлежит к сугубо авторской инициативе и также

характерно для названного периода. Симптоматичным был плакат этого автора, созданный к учредительному съезду Союза дизайнеров БССР, когда во многом новаторское графическое решение, отсылающее к советскому конструктивизму 1920-х гг., символизировало желание многих дизайнеров по-новому решать ряд изобразительных и художественных задач.

Новые художественные поиски были связаны с приходом в жанр многих дизайнеров. Дизайнерская концепция проявляется в усовершенствовании графических художественных приемов, примерах иллюзионизма в плакате. Характерное для представителей этой профессии осмысление пространства получило развитие в постановочном плакате, который достигает своего расцвета. Особая, почти сценическая пространственность и постановочность достигается путем создания замысловатых инсталляций для выпуска плакатов. Так, к плакату «Ансамбль» В. Цеслера, С. Войченко разукрашивается реальный танк. Постановки были сделаны и к плакатам С. Плотникова, А. Новожилова, Д. Сурского и Т. Гардашниковой. Этот творческий подход к созданию плакатов можно рассмотреть в контексте феномена публичного искусства (Public Art). Процесс создания некоторых плакатов напоминает художественную акцию. Для создания плаката «Ансамбль» в качестве моделей были приглашены военнослужащие. За плакатом «Хлеб – всему голова» в книжном магазине выстраивалась очередь. Хотя специфика плаката и так предполагает наличие общественного контекста, направленности к массам, в такой авторской интерпретации она приобретает новые оттенки.

3. Специфика участия белорусских авторов в международных конкурсах плаката

Важным критерием оценки творчества белорусских плакатистов извне стало их участие в международных конкурсах плаката. Белорусские авторы прошли конкурсный отбор многих престижных международных конкурсов, проводившихся в Варшаве, Лахти (Финляндия), Тояма (Япония), Брно, Мехико, Колорадо и др. Плакаты получали высокую оценку жюри, положительные отзывы критиков в зарубежной периодике. Многие не раз становились призерами. На III Международном триеннале плаката

в Тояма (Япония) среди 16 советских плакатов, прошедших конкурсный отбор, 9 были белорусских авторов. Участие белорусских плакатистов В. Цеслера и С. Войченко в Международном бьеннале плаката в Варшаве отмечено Гран-при конкурса (1986), двумя серебряными медалями (1988, 1994) и двумя поощрительными премиями (1986, 1996).

Английский искусствовед Ф. Хенрион отмечает концептуальность решения плаката К. Ващенко для конкурса «Освенцим предостерегает», приуроченного к годовщине освобождения Освенцима [3]. Автор выполнил плакат, вырезав в нем зеркальный контур человека, который соразмерен подходящему к плакату зрителю. Реальная угроза Освенцима, существовавшая некогда, примеряется гипотетически к каждому посетителю и зрителю, который мог стать потенциальной жертвой этой трагедии человечества. Критик отмечает, что таким образом автору удалось максимально приблизить ощущение трагедии к восприятию зрителя.

Отбор советских плакатов на конкурсы подвергался внутренней цензуре, когда решение принимала комиссия при Союзе художников СССР, так же как и обратный адрес для контактов с художниками указывался один и тот же. С середины 1980-х гг. плакатисты начинают самостоятельно посылать свои работы на конкурсы. Международные конкурсы, таким образом, приобретают форму открытого форума обсуждения и анализа насущных проблем человечества посредством изобразительных кодов и художественных решений. В плакате проявляется социально-критическая функция. Развитие международного искусства плаката 1980-х гг. представляет попытку создания универсальной коммуникативной системы с собственным языком, когда многие авторы находят схожие ассоциации как и изобретают свои символы, понятные без «перевода». Характерно то, что был выбран именно такой формат, повлиявший в конечном счете и на саму функцию плаката, уводя жанр из-под прямой юрисдикции пропаганды и агитации. Эта тенденция была свойственна и прогрессивному белорусскому искусству плаката перелома 1980–1990-х гг., когда для интеллектуального общения со зрителем был все же выбран потенциал этого массового искусства, провозгласившего тогда альтернативу официальному мнению.

Выводы

Период 1980–1990-х гг. ознаменовался интенсивными творческими поисками в искусстве белорусского плаката, становлением его социально-критичекой функции, возникновением авторского плаката, участием многих авторов в профессиональных международных конкурсах. Искусство плаката тогда находилось в авангарде художественных поисков современного изобразительного искусства Беларуси. Проявилось его стилистическое многообразие. Благодаря плакату белорусское искусство активно заявило о себе за рубежом, о чем свидетельствует успешное участие многих авторов в международных конкурсах.

В заключение хотелось бы отметить, что искусство белорусского плаката 1980–1990-х активно способствовало становлению нового типа визуальности, что оказало влияние на развитие визуальной культуры в целом.

Литература

1. *Атраховiч, А.І.*, Гісторыя беларускага мастацтва / А.И. Атраховіч. У 6 т. Мн., 1994. Т. 6.
2. *Bojko, S*. Plakat z perspektywy XX-lecia / S. Bojko // „Projekt" # 6. 1964.
3. *Henrion*, *F.H.K*. Plakat Oświęcimski / F.H.K. Henrion // „Projekt" # 3. 1985.
4. *Lenica, J*. Na drogach emancypacji plakatu / J. Lenica // „Projekt" # 5. 1966.
5. *Sylvestrová, M*. Art as activist: revolutionary posters from Central & Eastern Europe / M. Sylvestrová. N. Y.: Washington D.C.: Universe Books, Smithsonian Institution Traveling Exhibition Service, 1992.

Дмитрий Доманский
(ЕГУ, г. Вильнюс)

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА В БЕЛАРУСИ

В статье поднимаются проблемы взаимодействия коллективной и исторической памяти в репрезентации польского национального меньшинства в белорусских польскоязычных СМИ. Опираясь на работы П. Рикера и Я. Асмана, автор определяет, каким образом свидетельства очевидцев и биографические заметки, публикуемые на страницах польскоязычных белорусских газет, участвуют в конструировании образа малой родины и фиксируют судьбу нации через судьбу поколения.

In the article the problems of interaction of collective and individual memory in the representation of Polish ethnical minority in Belarusian media in polish language are raised. Basing on Ricoeur and Asman, the author defines which way do the eyewitness accounts and biographical notes on the pages of Belarusian newspapers in Polish participate in the creating of Native Land and reflect the nation destiny through the destiny of the generation.

Ключевые слова: малая родина, коллективная память, поляки в Беларуси, национальные меньшинства, Катынь.

Key words: Native Land, collective memory, Poles on Belarus, ethnical minorities, Katyn.

Обращение к памяти приобретает особую остроту в связи с включенностью памяти в процессы формирования уникальной и устойчивой национальной риторики, что превращает данный вопрос в политическую и социокультурную проблему. Память имеет важнейшее значение для саморепрезентации национального сообщества, являясь основой тех «историй, образов, сценариев, исторических событий», которые, по С. Холлу, одинаково значимы для всех членов сообщества. Эти истории вместе образуют нарративный комплекс, кодифицирующий национальную принадлежность и идентичность.

Особая роль памяти в формировании идентичности современного человека стимулировала изучение этого явления философами, определившими неоднородность памяти. Память стала центральной темой изучения многих философов феноменологической школы, например М. Мерло-Понти, П. Рикера, Э. Левинаса. П. Бергером и Т. Лукманом был показан конструктивистский характер прошлого, транслируемого памятью. К проблеме памяти обратился также М. Фуко в своей «Археологии знания». От утверждений о сконструированности памяти лежит прямой путь к утверждению о ее социальной ангажированности, и в том числе постулированию альтернативной территориальности, культурной и национальной идентичности.

Исследования польского дискурса в Беларуси, и в частности, современного фрагментарны; такое явление, как польскоязычная печать не получило пока академического осмысления. В то же время в белорусских СМИ время от времени поднимаются вопросы, связанные с проблемами общественных объединений польского меньшинства, его «балканизационного» потенциала, попыток официальных властей оказать давление на руководство данных организаций.

Официальная позиция по отношению к польскому культурному движению в Беларуси была выражена Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в выступлении на торжественном собрании, посвященном 60-летию воссоединения Западной Беларуси с БССР. Вот цитата из этого выступления: «Нет у нас «польских вопросов», нет у нас иных вопросов и не будет. Поляки – такие же люди, как и мы, – белорусы, русские и другие» [4, с. 17]. Иными словами, вопрос сохранения культурного

своеобразия польского сообщества на государственном уровне не проблематизируется.

Основная форма передачи воспоминания в СМИ – это «история снизу»; в нашем случае – письма читателей в редакцию, их заметки о собственной биографии. «У нас нет ничего лучшего, чем свидетельство и критика свидетельства, чтобы подтвердить историческую репрезентацию прошлого», – справедливость этого утверждения П. Рикера на практике доказывается при обращении к анализу свидетельств очевидцев, писем в редакцию, публикаций мемуаров на страницах польскоязычной белорусской прессы.

Объектом нашего исследования стали именно эти заметки, свидетельства, биографические заметки. Являясь индивидуальными по форме в том смысле, что они подаются как воспоминания конкретного человека и всегда идут за подписью, являются ли они столь же индивидуальными по содержанию? Предметом исследования выступают индивидуальные и коллективные воспоминания, репрезентирующие символический универсум польской культуры в Беларуси.

«Нет ничего лучшего, чем память, чтобы удостовериться в реальности наших воспоминаний», – пишет П. Рикер, и этот тезис находит широкое употребление в деле саморепрезентации польского национального меньшинства в Беларуси. Важно проанализировать конкретные тексты и события, а также то, насколько те или иные особенности взаимодействия индивидуальной и коллективной памяти обусловлены непосредственными задачами польскоязычной белорусской прессы и каким образом эта работа вписывается в более широкий проект по изучению мифологии малой родины в современной польскоязычной белорусской прессе.

Само возникновение проблемы индивидуальной и коллективной памяти П. Рикер связывает с приходом на научную сцену социологии, онтологизировавшей коллективное сознание. Философ рассматривает тезисы и о первичности индивидуальной памяти, и о первичности коллективной, «в надежде обеспечить хоть какую-нибудь вероятность гипотезе о том, что конституирование индивидуальной памяти и коллективной памяти шло различными, но вместе с тем пересекающимися путями» [6, с. 134].

Три главных момента, постулирующих примат индивидуальной памяти, вместе получили название «традиции внутреннего усмотрения». Это, во-первых, сугубая индивидуальность памяти («мои воспоминания – не ваши воспоминания»), во-вторых, укорененность в памяти связи сознания с прошлым («память – это память о прошлом, а прошлое – это прошлое моих впечатлений; в этом смысле прошлое есть мое прошлое») и, в-третьих, возможность навигации во времени – от прошлого к будущему и от будущего к прошлому. Анализируя данные моменты, П. Рикер обращается к понятию атрибуции. Он последовательно разбирает то, как мы вспоминаем и каким образом мы приписываем те или иные воспоминания другому. Возникающую в случае приписывания воспоминаний другому проблему асимметричности индивидуальной и коллективной памяти французский философ предлагает решать путем сближения феноменологических и социологических идей.

Важным для нашей работы представляется следующее предположение П. Рикера, а именно, что между полюсами индивидуальной и коллективной памяти существует промежуточный «план референции, где конкретно осуществляется взаимодействие между живой памятью индивидуальных личностей и публичной памятью сообществ, к которым мы принадлежим» [6, с. 184]. Это план отношения с близкими. Для прессы, репрезентирующей этнические сообщества, характерно представлять взаимоотношения в группе именно таким образом. Как показала в своей «Книге о Родине» И. Сандомирская, дискурс Родины существует за счет особого механизма номинации – перенесения, расширения схемы семейных отношений на ближайшие группы и далее на всю общность. Слово, произнесенное в родном доме, становится родным языком и родной литературой, история собственной семьи превращается в родную историю и т.д.; одним словом, возникают «родные» тексты. В российском дискурсе о Родине история родной семьи, как правило, ограничивается советским периодом как наиболее мифологизированным. В нашем случае каждый участник событий вносит вклад в историю своей нации, сообщества своей памятью. Этим можно отчасти объяснить уклон польскоязычных изданий в краеведение, историю, архивы, свидетельства очевидцев.

Очень часто функцией воспоминания очевидца является именно свидетельство в том смысле, в котором оно понимается в суде, – свидетельство о злодеяниях, совершенных против сообщества. Эти свидетельства являются важным элементом в процессе репрезентации произошедшего с членами сообщества, определении причастных к этому лиц и социальных групп и оценки их поведения. В приводимых ниже примерах, типичных для нашей прессы, перед нами разворачивается то, что принято называть судом истории: анализ действий одной группой другой группы во временной перспективе. Для нас важно фактическое наполнение этих свидетельств, а также организация подачи материала в форме установления истины, в форме доказательства правоты той или иной стороны, невиновности жертв, их реабилитации, незаслуженности наказания. Как пишет П. Рикер, «...процесс выводит на сцену воссозданное время прошлого, где целью являются факты, сами уже бывшие испытаниями для памяти: помимо физического ущерба, причиненного людям, определяемым их собственной историей, это еще и разрывы договора, оспаривание благ, позиций силы и власти, которыми располагает субъект, и все иные правонарушения и преступления – все это раны, нанесенные памяти и требующие ее работы» [6, с. 499].

Структура свидетельства, как показывает французский философ, является сходной и для ситуации судебного разбирательства, и для ситуации критического анализа официальных исторических канонов, нередкой для страниц национальной прессы. «Действительно, сила свидетельствования, – пишет П. Рикер, – в самом сердце документального доказательства, и я не понимаю, каким образом возможно выйти за пределы тройного заявления свидетеля: 1) я там был; 2) верьте мне; 3) если вы мне не верите, спросите кого-нибудь другого» [6, с. 393].

Отношения между судьями и историками потребовали особенного внимания в связи с историческими потрясениями XX в. и последовавшими за ними судебными процессами, в частности, обширный материал для анализа дает Нюрнбергский процесс. С требованиями привлечь виновных в массовых злодеяниях к ответственности выступил и А. Солженицын, который проводил свои исторические исследования и собирал свидетельства, рассчитывая на то, что они будут приняты во внимание в соот-

ветствующем процессе, который пока по ряду причин не состоялся. В истории польского сообщества в Беларуси имела место не одна трагедия, попадающая под определение массовых злодеяний, и самой крупной и драматичной из них считается казнь двадцати тысяч польских офицеров в Катыни.

П. Рикер показывает, и в этом он совмещает аргументы Ю. Хабермаса и М. Озайла, что такого рода преступления всегда выступают как единичные, уникальные и беспрецедентные, вне зависимости от их сходства с другими (например, приравнивание нацистских преступлений к преступлениям сталинского тоталитаризма, к которому относится и трагедия в Катыни). Равнозначность данных и вообще любых преступлений, «совершенных третьим лицом – государством, определяющимся через обязанность обеспечивать безопасность индивида», не является возмещением одного из них другим. Поэтому я считаю, что ни в коем случае нельзя смешивать, сравнивать и как-либо сопоставлять культурное притеснение и колонизацию Западной Беларуси после советско-польской войны 1920 г. и катынскую трагедию, получившую в польской литературе вместе с целым комплексом арестов, депортаций, заключений и казней, которые последовали за разделом Польши в 1939 г., название «польской Голгофы Востока». «Не существует уровней бесчеловечности, потому что бесчеловечность находится вне уровней, коль скоро она выходит за рамки даже негативных норм» [6, с. 466]. Правом высказывания итогового категорического суждения П. Рикер наделяет гражданина. «Только убеждение гражданина удостоверяет в итоге справедливость уголовной процедуры, происходящей в суде, и интеллектуальную честность историка, работающего в архивах» [6, с. 467]. Я. Ассман, основываясь на конкретности воспоминаний, выделяет специфику «фигур воспоминания», в которых непосредственно воспоминание выражается. Знание этой специфики я намерен использовать для анализа конкретных фигур в статьях из польскоязычной белорусской прессы. Во-первых, соотнесенность со временем и пространством. Временной показатель располагает воспоминание на оси времени относительно других событий, часто наделяемых символическим значением. Пространственная соотнесенность рассматривается автором как залог воспоминаний о Родине. Причем схема этого воспоминания такая же, какую опи-

сывает И. Сандомирская в «Книге о Родине» применительно к номинации «родных мест»: «Пространство и время – это Родина и биография» [7, с. 41]. Во-вторых, отнесенность к группе. Этот признак заложен в самой сущности коллективной памяти, которая, будучи общей для определенного числа людей, задавая референциальные рамки для индивидуальных воспоминаний, объединяет людей в группы. Этот признак также называется идентификационной конкретностью. Общность воспоминания, конституирующая группу, служит репрезентации своеобразия и долговечности группы через ее историю. В-третьих, Я. Ассман выделяет воссоздающий характер коллективной памяти. Коллективная память постоянно воссоздает прошлое, реорганизует события, «организует переживание настоящего и будущего», «действует в двух направлениях»[1] [2, с. 41].

Немецкий философ указывает на любопытное явление, описанное в исследовательской литературе. Это генеалогии, рассказы, призванные выстроить преемственность от определенного, отличающегося исключительной важностью периода или фигуры, до современного периода или до самого исследователя. Их функцию автор определяет как транслирующую и легитимирующую: «Генеалогия – это форма, позволяющая навести мост через пустоту между современностью и временем истока и обосновать законность современного порядка, современных требований, без разрыва и шва присоединяя их ко времени истока» [2, с. 52].

Эти две части генеалогии, или «два контекста памяти», автор называет соответственно культурной и коммуникативной памятью. Оба этих регистра легко можно проиллюстрировать и на примере наших статей. В предмете наших исследований (рассказах-воспоминаниях в польскоязычной белорусской прессе) можно выделить коммуникативную память – это воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Как типичный пример, Я. Ассман приводит память поколения, которая жива, пока живы его представители. В этом отношении в слой коммуникативной памяти попадают и времена Второй Речи Посполи-

[1] Герменевтика: горизонт наличных, актуальных смыслов определяет вопрошание о прошлом в свете необходимости проектирования будущего. Следовательно, события прошлого реорганизуются и воссоздаются в соответствии с актуальными потребностями и притязаниями.

той – 1920–1939 гг. Некоторые застали эти времена детьми, но не раньше. Их личный травматический опыт функционирует в качестве живой памяти, формируют то, что у Я. Ассмана называется «устной историей», «историей повседневности», «историей снизу»; то, что сближает сообщество с традиционным сообществом. Более ранние воспоминания (1900–1910-е гг.), как правило, передаются опосредованно, да и период этот в мифологизационном отношении не так востребован на страницах нашей прессы. Опора этого модуса коллективной памяти – в социальном взаимодействии. Непосредственный опыт участника тех или иных событий, лежащих в основе рассказа/мифа, контекст этого опыта выступают в качестве «биографического воспоминания», и олицетворяют собой конец генеалогии – «рассказа без середины». Началом такого рассказа служит «обосновывающее воспоминание», в нашем случае можно говорить о воспоминаниях о Польше в границах 1772 г., «от моря до моря», о временах Люблинской Унии, об эпохе Возрождения или эпохе романтизма – тут речь может идти о единой знаковой системе, или дискурсе, или о том, что М. Фуко называет «дискурсивным образованием» – полем, в котором высказывания формируются по единому принципу. Такое воспоминание, согласно Я. Ассману, существует в устойчивых формах и нуждается в учреждении, и в учреждении такого дискурсивного образования мы можем усмотреть еще одну функцию польскоязычной белорусской прессы по отношению к польскому сообществу в Беларуси.

Свидетельства очевидцев, помимо «выражения исторического опыта в рамках индивидуальных биографий», в силу своей нарративной ориентации могут рассматриваться как реализация одной из функций мифа, который немецкий философ определяет как «обращение к прошлому, которое проливает оттуда свет на настоящее и будущее» [2, 83]. Этих функций, по Я. Ассману, две: обосновывающая функция, которая «показывает явления настоящего в свете истории», и «контрапрезентная», которая противопоставляет недостаткам настоящего гармонию и величие ушедшей эпохи. Другими словами, эта функция состоит в показе нестерпимого зазора между «некогда» и «сейчас». Очень важным для нашего анализа представляется понятие о мифомоторике – «ориентирующей силе, которой он [рассказ] обладает для группы в определенной ситуации» [2, с. 84]. Газета

на национальном языке не только транслировала эти культурные смыслы, но и сама в определенном отношении являлась символом, смыслом и местом локализации контрапрезентного воспоминания. Как замечают П. Бергер и Т. Лукман, «конечно, индивид обычно хранит в памяти реальности своего прошлого. Но «освежить» эту память можно только в общении с теми, кто разделяет соответствующие воспоминания» [3, с. 234].

То, что мы узнали о роли и функции свидетельств очевидцев для репрезентации идентичности сообщества через историю, в том числе историю трагедий и потрясений, можно выразить фразой Б. Андерсона: «...Для того чтобы служить повествовательным целям, эти насильственные смерти должны восприниматься/забываться «как наши собственные» [1, с. 223]. То, что, судя по публикациям в газете «Głos z-nad Niemna» мнений самих членов сообщества, отличает польское сообщество от белорусского – это особая тяжесть и несправедливость репрессий, пришедшихся на долю поляков Беларуси. Весь обширный корпус текстов о гонениях, депортациях, казнях, культурном притеснении поляков в 1930–1940-е гг. организован вокруг одной даты – 1 сентября 1939 г., дня нападения Германии на Польшу и раздела территории Второй Речи Посполитой между Германией и СССР. Этот день во многих свидетельствах описывается в терминах Апокалипсиса, разрушения привычного мира и начала многих несчастий. Например, в заметке «Возродится ли вновь»[2]: «Большевики ворвались к нам в сентябре памятного 1939 г. Приехали на четырех броневиках. Были вооружены карабинами со штыками, на каждом автомобиле был пулемет». Здесь имеет место нагружение смысла даты – отрезка времени – трагическими коннотациями. Отсюда символический код – «память» и вырастающий из него код «скорбь». Большевики, как четыре дюреровских всадника, «врываются» в замкнутый мир, разрывают его границы, нарушают целостность пространства, предстают инородным телом. Коннотативный код – зараза, чума. Кроме того, налицо выстраивание собственной исторической реальности, отличной от современной белорусской официальной позиции по этому вопросу.

Благодаря культурной памяти, как она описывается у Я. Ассмана, свидетельства об этих событиях отличаются двумерно-

[2] «Głos z-nad Niemna», 20–26 stycznia, 1997.

стью, двухвременностью, полны рефлексии, направленной из современности во времена, предшествующие потере, которую авторы воспоминаний сами не в состоянии выразить.

В речи о разрыве между «тогда» и «теперь» и его причинах бросается в глаза эта недоговоренность, присутствие чего-то невыразимого. Это настолько сложный вопрос, что даже официальная риторика не может этого избежать. В этом смысле весьма показательна уже упоминавшаяся речь Президента Беларуси А.Г. Лукашенко. В этой речи демонстрируется, что воссоединение Западной Беларуси с БССР имело, во-первых, высший смысл восстановления исторической справедливости [4, с. 3], во-вторых, военно-стратегический, поскольку «позволило сорвать гитлеровский блицкриг летом 1941 г. и стало одним из важнейших факторов разгрома гитлеровской армии» [4, с. 7], и, в-третьих, «воссоединение дало мощный импульс экономическому и социальному развитию народного хозяйства». Из этой речи также можно узнать, что повседневными явлениями на этих землях, «на которых зародились и расцвели наша национальная культура и государственность», были до воссоединения безработица, застой в экономике, полонизация, культурная дискриминация. Тому, кто в этом сомневается, Президент советует «обратиться к мнению тех, кто тогда жил на этих землях». В подтверждение приводятся свидетельство Максима Танка о том, что «никакими словами нельзя выразить ту радость белорусского народа, с которой встречали воинов Красной Армии» [4, с. 10].

Итак, свидетельство, претендующее на обоснование конкретного предположения охотно привлекается для иллюстрации любого положения дел. Статья, посвященная встрече с ветеранами Армии Крайовой по случаю шестидесятой годовщины начала войны, начинается словами: «Как искалечила и поломала судьбы наших земляков Вторая мировая война, послевоенное поколение может себе представить по многочисленным литературным произведениям, историческим трудам и фильмам о том периоде. А наиболее впечатляющим и убедительным для молодого поколения является воспоминание свидетеля тех событий»[3].

Мы уже приводили мысль И. Сандомирской о том, что «пространство и время – это Родина и биография». Вот, к примеру, сразу две заметки из газеты «Głos z-nad Niemna» за 17 сентября

[3] «Głos z-nad Niemna», № 35, 1999.

1999 г. под названием «Сентябрь'39. Вступление Красной Армии» и «Трагическая годовщина». Опубликованы они в рубрике «История» друг под другом и представляют собой изложение двумя престарелыми читателями собственной биографии через призму «красного нашествия». Оба автора были в то время школьниками (в Лиде и в Новогрудке), и во втором тексте о сентябре 1939 г. читаем: «Вместо учебы копали окопы. С замиранием слушали новости с фронта». Оба автора большую часть своего текста посвящают деятельности НКВД, которая развернулась сразу после того, как «предательским образом вступила на наши польские земли Красная Армия – «освободители». Вот как второй текст описывает вступление Красной Армии: «Внезапно в воскресенье, 17 сентября, черные тучи с Востока заслонили ясное небо и, как шелест, долетал шепот: Красная Армия пересекла восточную границу. Началась паника». Коллективная память здесь проявляется через семиотически нагруженную маркировку времени и пространства, связывающую эти тексты с множеством текстов, репрезентирующих польскую культуру, циркулирующих в той же системе значений. Пространство маркируется через представление города как единства: «Вся Лида погрузилась в грусть», «советские колонны с грохотом двигались по дорогам, по улицам нашего уютного Новогрудка...» и через конкретное и предельно точное наименование учебных заведений, где в то время обучались авторы: общая школа № 1 имени Нарутовича и гимназия № 919 имени Адама Мицкевича. Оба текста выполняют коммуникативные (в смысле коммуникативной памяти) функции, работают в двух направлениях: рассказывая о событиях сентября 1939 г., соединяют ту эпоху с современностью, и с будущим через травмирующий опыт и воспоминание о нем («Прошло 60 лет, а сердце и сейчас болит. Война разрушила судьбы нашего поколения. Боже, дай, чтобы никогда больше война не пришла в наш родной край!»). Напоминание о том, что рассказ о собственной биографии – это и рассказ о целом поколении, еще одно свидетельство тому, что в такого рода свидетельствах мы имеем дело прежде всего с коллективной памятью, выражающейся через соотнесенность с целой группой и ее типизацией через память об определенных событиях. В обоих рассказах мы не обнаружили ничего, что относилось бы сугубо к индивидуальной памяти, чего-то «всегда

моего», чего-то, что может помнить только автор и не может помнить никто другой. С определенной степенью допущения к индивидуальным воспоминаниям можно отнести следующее высказывание из второго текста: «Было столько наивных планов, столько радости. Весной превосходно окончила шестилетнюю школу Сестер Назаретянок. Превосходно сдала экзамен в гимназию. Новый костюм с нашивкой 919 гимназии имени Мицкевича на рукаве, новые книжки в портфеле...». В обоих текстах речь больше идет «о нас», нежели «обо мне».

Объяснение этому может находиться в том, что данные биографии имеют отношение к социальному коммуникативному опыту. По утверждению П. Бергера и Т. Лукмана, «реальность социального мира приобретает свою массивность в процессе передачи ее новым поколениям. Однако эта реальность является исторической и наследуется новым поколением скорее как традиция, чем как индивидуальная память» [3, с. 117].

Тексты о сентябре 1939 г. объединяет однотипная мифомоторика, которая на первый взгляд является скорее контрапрезентной, нежели обосновывающей. Действительно, можно утверждать, что контрапрезентность этих рассказов состоит в попытке изложить, что было потеряно в результате «двойного начала Второй мировой войны», выявить утраченное и релятивировать настоящее относительно времени, полного «наивных планов и радости». Кроме того, эти рассказы обосновывают «достопамятные» современного носителя польской культуры: память о «предательском» разделе Польши, память о трагедиях и жертвах битв под Варшавой, Вестерплатте, высылок в Архангельск, Сибирь, Казахстан, казней в Катыни. Они как раз вносят вклад в учреждение упорядочивающего символического универсума, который, по выражению П. Бергера и Т. Лукмана, «связывает коллективные события в единое целое, включающее прошлое, настоящее и будущее. По отношению к прошлому создается «память», объединяющая всех тех, кто социализирован в данной общности» [3, с. 168].

История о периоде Второй Речи Посполитой как расцвете польской культуры на территории Малой Родины, как и все истории о малой родине, имеет религиозные обертоны. Они выражаются в том, что, подобно Евангельской истории, этот период, если использовать выражение М. Хальбвакса, «отстранен если

не от всего того, что ему предшествовало, то, по крайней мере, от всего того, что за ним последовало». Вот, например, цитата из уже упомянутого письма под заглавием «Возродится ли вновь»: «Уничтожены были три ближайших костела в Гавье, Кирьяновичах и Бердовке. Сохранились костелы только в Ивье и Липнишках». Разрушение экономического уклада сопровождается разрушением уклада религиозного, проявляющегося в уничтожении культовых сооружений. Автор, его семья и народ предстают здесь в роли Иова, который, несмотря на верность заповедям, подвергался тяжким испытаниям. Референции к книгам Деяний Апостолов, гонений на веру и верующих со стороны язычников. Однако религиозные ноты и их сила в дискурсе о малой родине объясняются еще и тем, что, как показывает Я. Ассман, «самым действенным, несравненным стабилизирующим средством оказалась для этнической идентичности религия». [2, 170] В польском сообществе имеет место канонизация культурной памяти, которая, смыкаясь с религиозной католической практикой, создает прочнейший фундамент для сохранения национальной идентичности, и он в состоянии противостоять всем трагедиям, пережитым поляками Западной Беларуси.

Личная память в данных свидетельствах – это память поколения, личная судьба – это судьба поколения, а память и судьба поколения – это память и судьба нации. Наши истории, одновременно личные в индивидуальной трагедии и обезличенные в массовом движении, рассказаны с позиции очевидца, с которой не видно деталей, но видно самое главное и достаточное. малая родина – это то, к чему навсегда прикован народ нарративном, в который сложились однажны увиденные и навсегда запечатленные в памяти события.

Литература

1. *Андерсон, Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. М., 2001. 240 с.
2. *Ассман, Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичость в высоких культурах древности /Я. Асман; пер. с нем. М., 2004. 368 с.
3. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер., Т. Лукман. М., 1995. 323 с.

4. *Лукашенко А.Г.* Единство Беларуси: освященное историей и устремленное в будущее / А.Г. Лукашенко: Выступление Президента Республики Беларусь на торжественном собрании, посвященном 60-летию со дня воссоединения Западной Беларуси и БССР. Мн.: Бел. энцикл., 1999. 80 с.
5. *Пешковский, З.Е.* Память Голгофы Востока. Варшава / З.Е. Пешковский. Изд. им. С. Кардинала Вышиньского Soli Deo, 1997. 70 с.
6. *Рикер, П.* Память, история, забвение / П. Рикер; пер. с франц. М., 2004 (Французская философия XX века). 728 с.
7. *Сандомирская, И.* Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик / И. Сандомирская. Wien: Wiener slawistischer Almanach, 2001. 276 с.
8. *Хальбвакс, М.* Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3(40–41).
9. *Kruczkowski, T.* Polacy na Białoruśi na tle historii i współczesności / T. Kruczkowski. Słonim, 2003. 272 s.

V.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ МЕДИА

Аркадзь Несьцярэнка
(ЕГУ, г. Вільнюс)

КАМПАРАТЫЎНЫ АНАЛІЗ ТРАНСФАРМАЦЫЙ МЭДЫЯЛЯНДШАФТУ БЕЛАРУСІ І ПОЛЬШЧЫ

Маркс сказаў наконт рэклямы, што яна нічога не вытварае, а значыць, не мае права на існаваньне. Сёньня цалкам відавочна, што наконт рэклямы Маркс памыляўся. Рэкляма, канешне ж, вырабляе канчатковы прадукт. А менавіта – вобраз знаку. Знак з'яўляецца сымбалем сучаснага грамадзтва. Невялікі значак, лагатып, пазнавальны брэнд, які наўсюдна перасьледуе свайго спажыўца. Менавіта пагэтаму сёньня ўсюды на вуліцах мы акружаны рэклямнымі слоганамі, маркамі, дэвізамі. Сёньня рэкляма перастала быць імправізаваным паведамленьнем, яна перайшла ў катэгорыю міту.

Калі мы кажам пра сучасныя сродкі масавай інфармацыі – іх немагчыма разглядаць па-за рэклямным кантэкстам. Зьмяненьне каляровай гамы мэдыйнага краявіду з шэрых на яркія колеры – доказ рэвалюцыі, якая адбылася ў беларускіх СМІ. Зьяўленьне рэклямы ў канцы 1980-х гг. стала адным з каталізатараў мэдыйнай рэвалюцыі, якая адбылася на пачатку 1990-х гг.

Сучасныя СМІ Беларусі фармуюць каштоўныя стасункі да штодзённых працэсаў, спрабуюць уплываць на моду, дыктуюць палітычны выбар і вызначаюць аб'ёмы продажу новага пральнага парашку.

У той жа час мы не можам казаць пра тое, што трансфармацыі беларускага **мэдыяляндшафту** завершаны, бо фактычна мы сутыкаемся з фэномэнам наяўнасьці толькі інфармацыйнай пра-

сторы, якая вызначана геаграфічнымі межамі і з адсутнасьцю ў Беларусі мэдыйнага рынку, месца якога займае псеўдамэдыйны рынак.

У Беларусі мы маем інфармацыйнае поле, на якім адначасова граюць тры гульцы:

1. Афіцыйныя СМІ, якія карыстаюцца дзяржаўнымі датацыямі і субсыдуюцца Міністэрствам інфармацыі за кошт дзяржаўнага бюджэту. Дадзены від СМІ з'яўляецца ўзорам прапагандысцкага мастацтва пары «позьняга Брэжнева», папулярызуючы ўсё, што робіць улада. Па інфармацыі ГА «Беларускай асацыяцыі журналістаў», з году ў год бюджэтныя датацыі дзяржаўнай прэсе павялічваюцца. Так, у 2006-м г. была вылучана сума, эквівалентная 60,0 млн даляраў ЗША. На 2007 г. для дзяржпрэсы прадугледжана 135 млрд беларускіх рублёў, што эквівалентна амаль 64 млн даляраў ЗША[1].

2. Недзяржаўная прэса пераважна апазыцыйнай арыентацыі (у дадзеным артыкуле мы не кажам пра забаўляльныя, рэкламныя і іншыя выданьні), якая фактычна загнана ў своеасаблівае інфармацыйнае гета. Зараз агульны тыднёвы наклад усіх недзяржаўных выданьняў грамадзка-палітычнага фармату не перавышае 100 тыс. асобнікаў, што ў сваю чаргу ў некалькі разоў меней штодзённага накладу газэты адміністрацыі Прэзыдэнту «Советская Белоруссия». Такім чынам, казаць пра сур'ёзны ўплыў гэтых мэдыяў, на жаль, не выпадае.

3. Расійскія СМІ, уплыў якіх дзяржава імкнецца абмежаваць. Прыгадаю невялікую храналёгію. 2002 г., закрыцьцё праекту «Московский комсомолец в Белоруссии». Трэба заўважыць, што гэта быў першы і адзіны выпадак, калі выдавецкі дом «МК», які мае каля 90 рэгіянальных дадаткаў сутыкнуўся з такім супрацьдзеяньнем уладаў. Ліпень 2003 г. – часова зачынены карпункт «НТВ». Журналістаў абвінавацілі ў тэндэнцыйным асьвятленьні пахавальнай працэсіі Васіля Быкава. Ліпень 2004 г. – часовае закрыцьцё карпункту «РТР». На гэты раз падставай стала адмова тэлеканалу афіцыйна перапрасіць за распаўсюджаньне інфармацыі якая дыскрэдытуе РБ. Гаворка ідзе пра сюжэт, прысьвечаны акцыі апазыцыі, якая зрабіла мітынг у сувязі з дзесяцігоддзем прэзыдэнцтва А. Лукашэнка.

[1] гл.: Абажур. 2007. № 56–57.

Расійскія мас-мэдыя дэманструюць увесь ідэалягічны спэктар Вялікага Брата – ад лібэральна-рынкавых да нацыяналкамуністычных ідэалёгій, якія так ці інакш, зацягваюць беларускага спажыўца ў расійскую мэдыяпрастору, навязваючы апошняму мэнтальную мадэль жыхара «Паўночна-Заходняга краю».

Парадокс беларускай сытуацыі заключаецца ў тым, што ўсе тры асноўныя кампанэнты інфармацыйнай прасторы, працуючы на адным полі, скіраваны супрацьлегла і карыстаюцца рознымі тэхналёгіямі. Ключавым момантам, на мой погляд, зьяўляецца тое, што ўсе тры галоўных гульцы на рынку знаходзяцца ў розных умовах гаспадараньня. У сувязі з гэтым немагчымым прадстаўляецца паўнавартаснае дасьледаваньне эканамічнай пасьпяховасьці беларускіх мэдыяпрадуктаў. Бо наклад – гэта пытаньне грошай, пытаньне рынку, а не пытаньне ідэалёгіі.

Згодна са сказаным, можна даць кароткую характарыстыку беларускай інфармацыйнай прасторы:

а) прастора зачыненая, агрэсіўная. Прыход замежнага мэдыякапіталу фактычна немагчымы, бо разглядаецца ў якасьці пагрозы нацыянальнай бясьпекі;

б) канкурэнцыя амаль адсутнічае. З боку дзяржавы заўсёды ідзе пошук і ліквідацыя найбольш пасьпяховых непадкантрольных мэдыяпраектаў. У якасьці прыклада можна прывесьці вывад з рынку «БДГ» і «БДГ для служебного пользования». Абодва праекты былі зачынены ў 2006 г.;

в) узровень канцэнтрацыі мэдыя рознай формы ўласнасьці мінімальны, што сьведчыць пра неразьвітасьць мэдыйнага рынку;

г) правілы гульні на рынку вызначаюць не аб'ектыўныя фактары, а Міністэрства інфармацыі і дзяржаўныя манапалісты («Белпошта», «Белсаюздрук»).

То бок, можна сьмела казаць пра адсутнасьць публічнай прасторы, на якой журналісты, мэдыякампаніі прадстаўлялі б розныя грамадзкія ідэі ды канцэпцыі, запатрабаваныя аўдыторыяй, грамадзтвам. Такім чынам, тэзіс аб наяўнасьці псеўдамэдыйнага рынку ў Беларусі, на мой погляд, прадстаўляецца абгрунтаваным.

Гэта сьведчыць пра тое, што мэдыякраявід Беларусі яшчэ чакаюць вельмі сурьёзныя зьмены, якія, на мой погляд, у першую чаргу будуць зьвязаны з прыходам замежнага капіталу ў мас-

мэдыя. Капіталізм нельга будаваць без капіталу, і наша задача заключаецца ў тым, каб загадзя змадэляваць тыя працэсы, якія, безумоўна, адбудуцца ў беларускай мэдыяпрасторы.

Для нас цікавы такі мэдыйны рынак, які кантэкстуальна зьвязаны з Беларусьсю. Зыходзячы з гэтага, паспрабуем разгледзець разьвіцьцё мэдыярынку Польшчы.

Па-першае, абедзьве краіны былі часткай сацыялістычнага блёку і, з большага, да 1989 г. мэдыйныя ляндшафты Беларусі і Польшчы былі ідэнтычны. Па-другое, у прынцыповым пляне, пасьля распаду Савецкага Саюзу абедзьве краіны мелі аднолькавыя магчымасьці разьвіцьця мэдыйнага рынку.

Акрамя ўсяго іншага, разьвіцьцё польскага мас-мэдыйнага рынку, на мой погляд, найбольш прывабная і найбольш верагодная мадэль разьвіцьця мэдыйнага рынку ў Беларусі пасьля зьмены палітычнай сыстэмы.

Кароткі аналіз трансфармацый мэдыярынку Польшчы

Пасьля ўступленьня Польшчы ў 2004м г. у ЕЗ на мэдыйным рынку краіны адбыліся рэвалюцыйныя зьмены. Заходнеэўрапейскія інвэстары атрымалі магчымасьць мець кантрольны пакет акцый сродкаў масавай інфармацыі. Гэта адразу ж прывяло на рынак, у першую чаргу, аўстрыйскія і нямецкія канцэрны. У дадзеным выпадку ў мінусе, і то, канешне, досыць умоўна кажучы, апынуліся толькі амэрыканскі ды расійскі капіталы, доступ якіх на мэдыярынак Польшчы абмежаваны.

Як вынік вышэй апісанага працэсу – 7/8 польскага мэдыярынку ў дадзены момант належыць замежнаму капіталу. З іх па розных ацэнках да 80% – уласнасьць нямецкіх мэдыяканцэрнаў. Галоўныя гульцы на мас-мэдыя рынку Польшчы два мэдыйных гіганту:

- мэдыякарпарацыя «Bertelsmann». Глябальнае мэдыяпрадпрыемства са штаб-кватэрай у Бэрліне. Уладальнік буйнейшага камэрцыйнага каналу эўрапейскага тэлебачаньня – RTL;
- выдавецкі дом Axel Springer. Выдае ў Польшчы штотыднёвы часопіс «Newsweek Poland», штодзённую газэту «Dziennik» і штодзённы таблоід «Fakt».

Ужо сама прысутнасьць замежнага капіталу на нацыянальнай мэдыйнай прасторы для людзей з кансэрватыўным мысьленьнем, безумоўна, уяўляецца сур'ёзнай нацыянальнай праблемай: маўляў, немцы зноў заваявалі Польшчу. З аднаго боку, гэта сапраўды так, нямецкі капітал вельмі моцна прадстаўляецца на рынку, але зь іншага боку, трэба разумець, што глябальныя мэдыякарпарацыі не маюць нацыянальнага твару. Акрамя таго, мэдыябізнэс, як і іншыя галіны сучаснай эканомікі, знаходзяцца пад уплывам адной з ключавых эканамічных тэндэнцый XX ст. – адчужэньня ўласнасьці ад кіраваньня. Усё меней мэдыякампаній кантралююцца мэдыямагнатамі альбо іх сем'ямі, якія стаялі ля вытокаў. Усё больш прадпрыемстваў СМІ пераходзяць ва ўласнасьць акцыянэрных кампаній, якія наймаюць высокааплачваемых мэнэджэраў, асноўным крытэрам пасьпяховай дзейнасьці якіх служыць усё той жа паказчык павелічэньня прыбытку.

Тут ёсьць прынцыповае адрозьненьне ад беларускай сытуацыі. Бо, як мы ўжо казалі вышэй, у Беларусі фактычна тры гульцы з рознай формай уласнасьці капіталу граюць кожны супраць кожнага. У Польшчы ж СМІ з замежным капіталам застаюцца ***нацыянальнымі мэдыя***, якія праводзяць незалежную рэдакцыйную палітыку.

Болей за тое, часта ў якасьці інвэстараў лякальных СМІ выступаюць прыватныя амэрыканскія пэнсіённыя фонды. Гэтыя структуры ўкладаюць грошы па ўсяму сьвету і асноўная задача гэтых інвэстараў – атрыманьне прыбытку, і іх увогуле немагчыма папракнуць ва ўмяшаньні ва ўнутрырэдакцыйную палітыку.

Такім чынам, дзякуючы прыходу замежнага капіталу на мэдыярынак Польшчы, выйгралі:

1) мясцовыя рэдакцыі, якія разам з інвэстыцыямі атрымалі новую магчымасьць разьвіцьця і пры пасьпяховай працы яны змогуць выкупіць сябе ў інвэстара. Напрыклад, мэдыяканцэрн «Agora», які валодае адной з вядучых польскіх газэт «Gazeta Wyborcza», у бягучым годзе выкупіў апошнія 8% акцый, якія належалі амэрыканскім інвэстарам, і ў цяперашні час «Gazeta Wyborcza» з'яўляецца рэдакцыяй з выключна польскім капіталам;

2) у безумоўнай карысьці лякальныя спажыўцы, якія ў выніку атрымалі СМІ, якія працуюць у нацыянальным кантэксьце і

адлюстроўваюць падзеі, зыходзячы з унутраных нацыянальных інтарэсаў. Пад нацыянальнымі інтарэсамі я разумею не інтарэсы вышэйшых службоўцаў і кіраўнікоў урадавых структур, а магчымасьць пры дапамозе мас-мэдыя такім чынам ажыцьцяўляць крытыку ўрада / мясцовага самакіраваньня, каб яны праводзілі эфэктыўную ўнутраную і вонкавую палітыку;

3) мас-мэдыя атрымалі свабоду ад сувязяў з мясцовымі палітыкамі. Бо адсутнасьць сур'ёзнага першапачатковага капіталу ў мэдыйнай галіне ў пэрыяд станаўленьня лякальнага мэдыярынку прывабіла б у першую чаргу мясцовы (чытай – экскамуністычны капітал) у СМІ. То бок кантроль на мэдыярынку належаў бы алігархічным мэдыягрупам (прыклад – Украіна, Расія);

4) рэдакцыі атрымалі магчымасьць працаваць з сучаснымі тэхналёгіямі XXI ст.

Падводзячы рысу, яшчэ раз паўтару свой тэзіс. Час ставіць пытаньне не аб магчымасьці адкрываць ці не адкрываць мясцовы інфармацыйны рынак. Мэдыйная ізаляцыя, якую канструюе дзяржава, аб'ектыўна не жыцьцяздольна, бо любая зачыненая сыстэма ад самага пачатку асуджана на няўдачу.

Беларусі ўсё роўна трэба будзе адчыняць унутраны мэдыярынак, на які мусяць прыйсьці замежныя інвэстары. Пытаньне ў тым, ці яны будуць спрабаваць уцягнуць беларускага спажыўца мэдыяпрадуктаў у свой унутраны інфармацыйны канал. То бок цалкам верагодна, што затрыманьне заробку бюджэтнікам Дальняга Ўсхода ці Крыму будзе падавацца як нешта больш істотнае, чым, напрыклад мясцовыя выбары. Ці інвэстары будуць спрыяць разьвіцьцю беларускіх нацыянальных мас-мэдыя і працаваць у кантэксьце нацыянальных інтарэсаў.

Кацярына Кулеш
(БГУ, г.Мінск)

«ЗВЯЗДА»: ТРАДЫЦЫІ І СУЧАСНАСЦЬ

У 2007 г. у газеты «Звязда» юбілей – 90-годдзе. Але звяздоўцаў можна павіншаваць і яшчэ з адным юбілеем: у жніўні споўнілася 80 гадоў, як «Звязда» поўнасцю перайшла на беларускую мову. Для сучаснай медыяпрасторы гэта даволі незвычайна, калі дзяржфінансуемае штодзённае грамадскае выданне выходзіць па-беларуску. Некаторыя даследчыкі лічаць «Звязду» пераемніцай і прадаўжальніцай гуманістычных традыцый купалаўскай «Нашай Нівы». Так, на дэмакратычнай аснове газета распрацоўвала тэорыю і практыку беларускай дзяржаўнасці.

За апошнія 20 гадоў газета вельмі змянілася. У сваім даследаванні я разгледзела «Звязду» за юбілейныя гады – 1987, 1997 і 2007, каб аглядна, фрагментарна прааналізаваць, якой была «Звязда» і якой стала.

У 1987 г. «Звязда» яшчэ была органам ЦК КПБ, Вярхоўнага Савета і Савета Міністраў БССР. Трэба адзначыць, у газеты таго часу былі цяжкасці з асвятленнем эканамічнага становішча. Яшчэ былі моцнымі савецкія традыцыі эканамічнага аптымізму, якія дазваляў не заўважаць праблем і крызісаў. Нельга не адзначыць бадзёрасць, упэўненасць матэрыялаў, калі інтэнсіфікацыя прамысловай вытворчасці ўжо відавочна давала збоі, а эканоміка марудна паўзла ўніз. Не знік са старонак лозунг «Імперыялізм – вораг народаў». Друкуюцца звесткі з быццам бы бедных капіталістычных краін Захаду і Усходу. Пад фотаздымкам бамжа, які спіць на лаўцы, чытаем такі подпіс: «Факты

сведчаць, што «бяскрызісны» эканамічны механізм Японіі ўсё часцей дае збоі і цяпер краіна стаіць перад пагрозай вострых праблем голаду, бяздомнасці і беспрацоўя. Паводле афіцыйных даных статыстыкі, толькі ў адным Токіо ў мінулым годзе ад голаду памерлі 340 чалавек і колькасць падобных выпадкаў за апошнія 5 гадоў узрасла на 60%».

Фармальна газета ў 1987 г. была наскрозь савецкай. Рубрыкі «За чыстае аблічча партыйца», «Почырк перадавіка», «Воля савецкага народа», «Радзіме – ударную працу» быццам і не змяніліся за 70 гадоў уладарання камуністычнай партыі. У газеце пачалі друкавацца матэрыялы з крытыкай мясцовага кіраўніцтва. Яшчэ ўстойліва трымаюцца за жыццё пралетарскія абавязацельствы, выкананне планаў. Але пачалі з'яўляцца адзнакі, якія сведчылі пра канец савецкай эпохі. Назвы рубрык «Погляд у заўтра», «Подых абнаўлення» падмацоўваюцца словамі журналіста Ул. Андрыевіча ў навагодняй перадавіцы: «...Ідэі перабудовы сталі агульнай справай усіх савецкіх людзей. Перабудова набірае сілу, працэс яе незваротны».

У 1997 г. «Звязда» выходзіла накладам 88 тыс. Сышлі ў нябыт партыйныя лозунгі, антыкапіталістычная прапаганда і савецкі стыль журналістыкі. Яркай адзнакай часу стала мноства матэрыялаў, якія маюць дачыненне да рэлігіі. Напрыклад, 5 студзеня на першай паласе было размешчана тры матэрыялы, прысвечаныя Хрыстоваму Нараджэнню.

Стала выразнай і іншая старана медалю: звычнымі сталі сталі рубрыкі «Крымінал», «Скандал», «Злачынствы», «Здарэнні», часта з'яўляюцца артыкулы пра «новых герояў» часу: «Бяруць гарэлку, каньякі, не мінаюць і сухія віны. А калі яшчэ на заднім сядзенні ў «Мерсіку» дзяўчо, тыда хлапец раскашэльваецца не на адну сотню тысяч» (А. Мяснікоў, «Наведаць апоўначы супермаркет», 24 студзеня).

У гэты перыяд часта ўжываецца канцэпт суверэнітэту і незалежнасці: як адлюстраванне няпэўнасці ў грамадстве, звязанай з незалежнасцю, у «Звяздзе» адзін за адным з'яўляюцца артыкулы «Гэта няпэўнае слова суверэнітэт» В. Жданко, «Шосты год незалежнасці, а пэўнасці няма» В. Каліноўскага і інш. Толькі пачынаюцца першыя размовы пра ўмовы інтэграцыі з Расіяй. Журналісты задаюцца пытаннямі кшталту «Якую Расію мы выбіраем?», «Паасобку ці разам?».

Імёны Алены Ляўковіч, Таццяны Падаляк, Сяргея Грыба, Сяргея Расолька, Яўгена Пясецкага былі добра вядомымі тагачасным чытачам. Працуюць гэтыя журналісты і сёння.

За 10 гадоў амаль поўнасцю памяняўся лексікон газеты: з'явіліся словы *плебісцыт, апазіцыя, «ценявы ўрад», рэфарміраванне эканомікі, міжнародныя кантакты, дэфіцыт, мяжа.* Утульна сябе адчувае на старонках газеты штотыднёвы рэкламны выпуск «Кірмаш». З'явіліся, немагчымыя ў 1987 г. рубрыкі «Беларусь і свет», «Выжывем?», крытычныя матэрыялы «Абсурд, які хочуць узвесці ў ранг закона» В. Жданко, «Камароўка сустракае паўпустымі гандлёвымі прылаўкамі і мітынгамі». Цікава, што агульны настрой і журналістаў і чытачоў можна азначыць як песімістычная абыякавасць. У эсэ С. Шаўцова за 1 лютага 1997 г. можна прачытаць: «Наша пакаленне, як ні горка, згублена канчаткова... З нас ужо нічога не будзе. Рабства ў нас у крыві. І яшчэ два-тры, а мо і болей пакаленняў таксама здольныя толькі на адно: дацягнуць свой воз да пэўнага месца, дапіць сваю гарэлку, дакурыць свой тытунь, даесці свой дзяжурны шніцэль». Адчуваецца агульная стома ад палітыкі, якой на той час было, падаецца, замнога. «Мы ўжо аб'еліся палітыкай. Новыя порцыі каляўладных баталій выклікаюць ледзь не алергію. Здаецца, на практыцы выпрабавана праўдзівасць народнай прыказкі: «Чым больш усё мяняецца, тым больш усё застаецца па-ранейшаму» (Т. Падаляк). Песімістычны погляд газеты і на эканоміку: «Апусцелі вітрыны з каўбасой... У некаторых мястэчках малако адсутнічае паўсюдна... Цэны растуць... Ледзьве канцы з канцамі зводзім». Гэта быў час з мноствам пытанняў і без адказаў на ніх. Час, калі можна было выказваць свае думкі, не баючыся, што за табой прыйдуць. І час, калі было зусім незразумела, што будзе заўтра.

«Звязда» мала змяніла свой знешні выгляд за апошнія гады. Стала каляровай, значна павялічылася колькасць фотаздымкаў, ды й якасць іх не ў прыклад лепш. Але асноўныя прынцыпы вёрсткі, шрыфтавы выбар, манера размяшчэння матэрыялаў на паласе засталіся тымі ж. «Звязда» ў цэлым захавала афармленчыя традыцыі, выпрацаваныя на працягу дзесяцігоддзяў.

Па рубрыках газета амаль не змянілася ў параўнанні з 1997 г., але няма дакладнага дзялення артыкулаў па палітычных, эканамічных рубрыках. У адрозненне ад іншых дзяржаўных штодзённых выданняў, «Звязда» амаль не закранае вострыя

пытанні палітыкі і эканомікі. Падчас вуглевадароднага канфлікту з Расіяй «Звязда» маўчыць. Маўчыць яна і падчас выбараў у мясцовыя Саветы дэпутатаў, друкуючы толькі афіцыйныя зводкі. У рубрыцы «Розгалас», якая пазіцыяніруе сябе як «апошняя інфармацыя сутак», газета падае афіцыйныя навіны з лентаў інфармацыйных агенцтваў. Дзейнічаюць рубрыкі «Улада і грамадства», «Афіцыйна», «Даслоўна», але і ў іх не знойдзеш уласнага меркавання звяздоўцаў – толькі інфармацыя. Таксама «Звязда» поўніцца вялікімі справаздачамі прадпрыемстваў, бухгалтарскімі балансамі, якія займаюць часам да 60% паласы.

Такая нейтральная ў палітычным плане пазіцыя можа падацца непрымальнай: штодзённае выданне без палітыкі быццам бы немагчыма. Але ці не ёсць ў гэтым маўчанні (або нават замоўчванні) своеасаблівай палітычнай пазіцыі? Ці не мудра робіць рэдакцыя, не пляскаючы ў ладкі кожнаму кроку, кожнаму дэкрэту, кожнаму слову? У № 61 ад 31 сакавіка 2007 г. у «Звяздзе» была надрукавана прамова Прэзідэнта Беларусі 2 красавіка – Дня яднання народаў Расіі і Беларусі. Прамова займала ўсяго 200 $см^2$.

«Звязда» – і прывітанне з савецкага часу, і з’ява сучаснасці. Гэта не тая газета, на якую прымусова падпісваюць. Такім чынам, наклад газеты фарміруюць добрахвотныя падпісчыкі і рознічны продаж. Складае ён 55 тыс.

Такі пункцірны агляд развіцця «Звязды» паказаў, як змянялася грамадства і дзяржава, як у розныя часы будаваліся адносіны паміж уладай і СМІ. «Звязда» прыйшла да таго, што амаль поўнасцю адмовілася ад выказвання сваёй палітычнай пазіцыі.

Сабина Брило
(ЕГУ, г. Вильнюс)

СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ ТЕМЫ ВЫБОРОВ В БЕЛОРУССКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ[1]

Если сравнивать белорусские государственные медиа с советскими СМИ, то, пожалуй, их трансформация меньше всего заметна в выборный период. Как и 20 лет назад, публикации и вещание стоят на трех китах: пропаганде, политической рекламе и идеологии. А ведь именно СМИ принадлежит одна из главных ролей в обеспечении свободы и справедливости выборов. В этот период они должны:

- предоставлять избирателям наиболее полную информацию обо всех субъектах избирательного процесса;
- обеспечить кандидатам равные возможности коммуникации с избирателями посредством печати и эфира;
- контролировать ход избирательного процесса с целью выявления нарушений, которые могут допускать различные его субъекты (СМИ – «"сторожевой пес" общества»).

Очень важна также образовательная функция СМИ в выборный период – растолковать избирателям их права, правила

---

1 Статья написана по материалам собственной мониторинговой деятельности с использованием итоговых аналитических материалов, подготовленных экспертом БАЖ (Медыя-маніторынг у Беларусі: «Парламенцкія выбары 2004 г. у сродках масавай інфармацыі Беларусі», Article 19. The Global campaign for free expression. Сакавік, 2005).

голосования, поведения на избирательном участке и др. СМИ должны стремиться объективно информировать население о кандидатах, программах, процессе выборов, с тем чтобы каждый избиратель, вне зависимости от его уровня политической грамотности, мог сознательно сделать выбор, основываясь на полученной информации.

Обладая огромной властью над обществом благодаря своей способности формировать общественное мнение, в Беларуси СМИ становятся «главным механизмом проведения в жизнь государственной идеологии». Как работает этот инструмент в выборный период?

Общественное объединение «Белорусская ассоциация журналистов» (БАЖ) осуществляло мониторинг освещения выборов белорусскими СМИ уже трижды – в процессе парламентских выборов (с 16.08 по 16.10.2004 г.), президентских (16 января – 26 марта 2006 г.) и выборов в местные Советы (с 4 декабря 2006 г. по 14 января 2007 г.). Мониторинги проводились с целью определить, насколько профессионально и объективно белорусские медиа освещают процесс выборов в стране. Методология мониторингов позволяла оценить количество времени и площади, предоставленное электронными и печатными СМИ субъектам избирательного процесса, манеру их репрезентации, а также соответствие информации профессиональным стандартам журналистики и принципам журналистской этики. Отдельно фиксировались так называемые «медиаэффекты» -- искажения информации, дезинформация и т.д. Мониторингу подлежали основные государственные и негосударственные газеты (в том числе региональные), а также новостные и специальные программы государственных (с региональными выпусками) программ телевидения и радио, включая региональные (прайм-тайм).

На основе обобщения опыта трех мониторингов очевидно, что государственные СМИ в период выборов не работают в соответствии с профессиональными и этическими стандартами. Они служат исключительно власти, используя в этих целях искажение информации, замалчивание и пропаганду. Характерно следующее.

1. Процесс выборов (от начала до объявления результатов) являлся далеко не приоритетной темой в государственных СМИ Беларуси.

На этапе выдвижения кандидатов во время парламентских выборов 2004 г. в новостной программе «Панорама» на Первом национальном телеканале (БТ) теме «выборы» был посвящен лишь 1% времени (тогда как рубрики «Спорт», «Сельское хозяйство», «Внешняя политика» заняли соответственно 25%, 17% и 16% от общего времени программы!). Общенациональный референдум по вопросу разрешения Президенту баллотироваться на третий срок был объявлен 7 сентября – в день, когда начался этап регистрации кандидатов. С этого времени доминирующей в СМИ стала тема референдума, дату которого планировалось совместить с датой выборов. В период регистрации кандидатов программа «Наши новости» на ОНТ отвела 12% общего времени теме референдума и 0, 42% – выборной тематике.

Во время президентских выборов государственные СМИ практически не освещали процесс сбора подписей за кандидатов; информация об альтернативных кандидатах была минимизирована, их программы не обсуждались. Зато действующий Президент часами телеэфира и газетными разворотами вещал с трибуны Всебелорусского собрания.

Что касается местных выборов, то их политическое значение было вообще проигнорировано. БТ посвятило этой теме лишь 4% времени от главной новостной программы «Панорама» (другие политические темы и зарубежные новости заняли 42% эфирного времени), и даже эти 4% составили преимущественно отчеты руководства Центризбиркома о том, как хорошо и без нарушений проходит избирательный процесс.

2. Основным персонифицированным субъектом репрезентации государственных СМИ выступал Президент страны. В основном он представлялся в позитивном или даже очень позитивном контексте, крайне редко – нейтрально и никогда не презентовался негативно.

Тенденция президентской «оккупации экрана» стала заметна уже в ходе мониторинга во время парламентских выборов/референдума. В период с 1 февраля по 19 марта 2006 г. (президентские выборы) только в программах «Наши новости», транслировавшихся по будням на канале «ОНТ», Лукашенко было посвящено 75 сюжетов общей продолжительностью 24 409 секунд – около семи часов эфирного времени! (В эту цифру не вошли сюжеты, где о Президенте просто упоминается либо на него ссылаются;

не вошли также секунды из анонсов программ, в которых фигура президента присутствует почти неизменно). Кандидату Милинкевичу в указанный период было посвящено два сюжета (негативного характера), Козулину – 1, Гайдукевичу – ни одного. (Исключая сюжет, посвященный регистрации кандидатов, проводившейся во Дворце республики 17 февраля 2006 г.)

3. Кандидаты от оппозиции как субъекты избирательного процесса, как правило, игнорируются государственными СМИ. Персонифицируются они только в случаях негативной репрезентации.

Оппозиция практически всегда репрезентируется негативно, сценарии новостных программ строятся так, чтобы был виден контраст между «стабильной и процветающей» политикой действующей власти (ассоциируемой, как правило, с главой государства) и «темными силами» оппозиции.

4. Основной формой предвыборной агитации в государственных СМИ служит политическая реклама одного кандидата в период президентских выборов либо кандидатов от власти в ходе других выборов.

Интересен тот факт, что в разгар всех трех избирательных процессов находился другой информационный повод, преподносившийся медиа как более важный и значительный: референдум во время парламентских выборов, Всебелорусское народное собрание – накануне президентских, российско-белорусский энергетический конфликт – в ходе выборов местных депутатов. СМИ умышленно преуменьшают значение выборов в глазах электората. «Ничего не должно меняться» – так расшифровывается знаменитый слоган, придуманный ОНТ: «За стабильность».

Эльмира Аббасова
(БГУ, г. Минск)

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО И КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

СМИ стали неотъемлемой частью жизни современного общества, своего рода уникальным институтом социальной жизни и в то же время в этом качестве наименее исследованным. Связанные с этим проблемы до настоящего времени специально не рассматривались и могут быть представлены рядом бинарных оппозиций: традиционный информационно-коммуникационный порядок и новая информационно-коммуникационная среда, свобода доступа к информации и ее распространению и проблемы контроля и управления. В разрешении этих противоречий сходятся социально-политические интересы гражданского общества, государства, субъектов бизнеса, культурных, образовательных институтов и, в конечном счете, самих СМИ.

Проблемы международного информационного обмена актуальны уже не одно десятилетие. Прежде всего, они имеют непосредственное отношение к тому, какое место занимает то или иное государство на мировом коммуникационном рынке, каков уровень его развития.

Социальные процессы в XXI в. сопровождаются вхождением человечества в информационное общество. Данный вектор обусловливается не столько международными политическими, сколько экономическими и научно-технологическими механизмами, однако информационное общество парадигмально отра-

жается на всех сферах общества. В информационном обществе изменяется сущность интернациональных коммуникаций, что напрямую отражается на облике и статусе СМИ.

Эволюция новейших технологий в конце 1990-х гг. привела к таким беспрецедентным изменениям на международном рынке СМИ, которые раньше казались фантастикой. Два слова – «конвергенция» и «глобализация» – вызывают одновременно надежды и опасения у предприятий медиасектора и потребителей информации.

Признавая огромный потенциал информационных и коммуникационных технологий в области образования, науки, культуры, мира и международного взаимопонимания, а также учитывая потребность стран «третьего мира» в сокращении разрыва, существующего между ними и индустриально развитыми государствами, особое внимание следует уделять внедрению современных информационных и коммуникационных технологий в сферу образования, подготовке и осуществлению пилотных проектов, сбору, анализу и хранению информации об использовании информационных и коммуникационных технологий в образовании, укреплению потенциала стран «третьего мира».

Дальнейшее развитие глобальной информационной инфраструктуры, несбалансированность распространения информационных технологий, к сожалению, ведут к еще большему углублению разрыва между развитыми и развивающимися странами. Актуален риск того, что многие из развивающихся стран могут остаться на обочине мировой жизни и оказаться отрезанными от формирующейся глобальной системы цифровой связи.

Более того, построение информационных магистралей грозит культурным колониализмом и опасностью потери странами «третьего мира» национального суверенитета. Первоочередной особенностью современного информационного и коммуникационного пейзажа является наличие киберпространства, часто называемого также информационными магистралями, которое может использоваться для достижения разнообразных целей, от самых благородных до самых низменных. Потому как новая технологическая среда не знает государственных границ, она в значительной степени не подвластна действию национальных законов.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. По мере развития современных технологий деятельность по созданию нового международного информационного и коммуникационного порядка с каждым годом будет приобретать все большую актуальность. Преодоление разрыва между Севером и Югом в области инфрастуктур коммуникации на данный момент представляется невозможным. «Информационный колониализм» в будущем чреват еще большим закабалением стран «третьего мира» не только в информационной, но и в культурной, социальной, экономической, политической и других основополагающих сферах общества.

Денис Клевитский
(БГУ, г. Минск)

МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ В БЕЛОРУССКОМ ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНО

…Тем более что перед нашими фильмами
стоит задача не только *логически связного*,
но именно *максимально взволнованного*
эмоционального рассказа
Сергей Эйзенштейн

Цель данной работы – определить место, которое занимают метафора и метонимия в белорусской документалистике, а также функциональные возможности этих двух способов переноса значения. Поставленные задачи – указать на ту роль, которая отводилась ассоциациям по смежности и подобию в кинематографическом дискурсе, а затем на конкретном материале, рассматривая различные виды метафор и метонимий, охарактеризовать их бытование в киноязыке как возможного средства воздействия, т.е. создания эмоционально окрашенного комплекса заданных представлений.

Метафора и метонимия в кинематографе давно стали объектом пристального внимания исследователей. Со времен первых теоретических работ за этими двумя способами переноса значения закрепился статус важнейших элементов киноязыка. Еще С. Эйзенштейн писал, что «*два каких-либо куска, поставленные рядом, неминуемо соединяются в новое представление, возникающее из этого сопоставления как новое качество*» [3] (разумеется, отнюдь не любое сопоставление такого рода порождает

тот или иной тип переноса значения). Очевидной всегда было широта функционального поля метафоры и метонимии и возможность данных тропов выходить за пределы понятия «выразительное средство» и связанного с ним представления о риторическом украшении. Несмотря на это, не всегда достаточно четко осознавали (и осознают), что эти два типа переноса значения противопоставлены друг другу по ряду позиций, остается невыясненной их семантика. Например, теории метонимии, в отличие от теории метафоры, на сегодняшний день не существует. Причин этого недоразумения множество, и главная из них – инерционность научного мышления. Исследователи избегали изучения ассоциации по смежности в силу неясности границ и круга применения данного типа переноса значений. Вызвано это, в частности, тем, что метонимию часто включали в состав метафоры или попросту не замечали. Этой досадной научной «слепоте» еще в 1950-х гг. Р. Якобсон поставил иронический диагноз: «Реальная двухполюсность искусственно замещается… ущербной однополюсной схемой, которая удивительным образом совпадает с одним из двух типов афазии, а именно нарушением отношения смежности» [2, с. 130].

Можно предположить, что для кинематографа, по крайней мере современного, использование метонимических конструкций – путь наименьшего сопротивления. Узуальность приемов, основанных на ассоциации по смежности, является причиной того, что метонимия становится незаметной и неузнаваемой по сравнению с другими типами переносов значения. Классический прием *pars pro toto* (часть вместо целого) или монтажный метод, известный как «восьмерка» (*reverse angles*), разделяющий пространство на смежные области, современным зрителем визуально воспринимается без всякого напряжения. Эта перцептивная легкость, однако, существовала не всегда. Например, Д.У. Гриффита, режиссера, «канонизировавшего» крупный план, и еще более его продюсеров сначала смущали кадры, крупно изображавшие лица или части тел и предметов. Тем не менее, вместо «тотального» кинематографа (по определению М. Ямпольского), т.е. стремящегося к полной иллюзии окружающего мира, приходит кинематограф «монтажный»: «В результате «гриффитовской революции» на смену этому статичному и обозримому во всей полноте пространству пришло пространство

монтажное, создающееся из совокупности фрагментов, метонимическое и не представленное на экране целиком. Видимое на экране пространство – это фрагмент некоего однородного континуума, который без ограничения распространяется во все стороны от экрана и даже перпендикулярно его плоскости» [6, с. 50–51].

В отличие от метонимии, метафора в киноязыке всегда воспринимается особенно отчетливо. Естественная, например, для языка художественной литературы, в кино метафора вызывает определенное напряжение – она нуждается в расшифровке, осознании. Метафоры в фильме, даже если их подавляющее большинство по сравнению с другими тропами, всегда казуальны, и это вполне ощущается в кино, снятом по принципу подобия (например, сюрреалистические ленты трудно спутать с фильмами других направлений). Это касается и документального кинематографа, где образ, основанный на ассоциации по подобию, кажется особенно чужеродным, выбивающимся из основной визуальной цепочки. Его присутствие в киноязыке напоминает наличие ритма или рифмы в прозаическом тексте.

Не раз указывалось на многочисленные функции метафоры, в том числе и метафоры политической, служащей для пропаганды. Действительно, она помогает избежать логики в том случае, где это невыгодно, усмотреть подобие в понятиях несоотносимых или, наоборот, разнести сходное на разные смысловые полюсы. В то же время благодаря некоторой чужеродности, «поэтичности» метафоры, ее скорее текстовой принадлежности, она становится заметной, легче «вычисляется», чем другие типы переноса значений. Метонимический же принцип подачи информации воспринимается как реалистический, репрезентирующий действительность такой, как она является, что, разумеется, совсем не так. Нельзя сказать однозначно, что более повлияет на зрителя: яркое метафорическое сопоставление (например, сцена бойни животных, сопоставленная с избиением рабочих полицией) или метонимические приемы. Например: постепенный наплыв на лицо говорящего или, скажем, когда камера «избегает» смотреть в глаза «собеседнику», соскальзывая на его руки или концентрируясь на фоне. У ассоциации по смежности, таким образом, есть по крайней мере одно явное преимущество: она воспринимается как нечто естественное и очевидное. Перенос значения,

самим фактом своего существования сигнализирующий о повышенной важности и эмоциональной насыщенности сообщения, приобретает своеобразный статус «невидимого».

Любопытно, что, характеризуя метонимию, Ж. Лакан указывает на такую ее функцию, как избежание цензуры. В частности, сравнивая различные психические механизмы, открытые З. Фрейдом, он определяет *Verschiebung* (смещение) как процесс, основанный на принципе смежности, суть которого состоит именно в обходе цензуры (см. [1]). Это положение может помочь, в частности, определить механизм действия метонимии в кино, позволяющей избежать цензуры или критики в данном случае реципиента, а не ее создателя (т.е. вынести означаемое за скобки, сделать незаметным); неважно, обусловлена критика предрассудками или же здравым смыслом.

Обратимся к некоторым примерам. Использование как метафоры, так и метонимии в глобальных документальных проектах белорусского телевидения вполне сводимо к двум функциям: создание резко негативного или, наоборот, позитивного образа тех или иных реалий. Во всех знаковых системах и национальных традициях существует классическая метонимия – это использование образа части государственного аппарата, конкретного лица или государственного символа вместо прямого именования страны или наоборот. Этот перенос содержит в себе богатые возможности для агитации и пропаганды. Так, создатели четырехсерийного фильма «Америка без грима» избегают словесных конструкций вроде «правительство США» и др., зато употребляют более широкие понятия: «США» или «Америка» наряду с нанизыванием визуальных образов символов государственности (флаг, герб), Капитолия или, например, используют быструю смену серии кадров, изображающих части статуи Свободы. Таким образом, политические процессы в США и вообще жизнь ее граждан представляются как нечто единое, заданное и подчиненное одной (разрушительной в данном случае) цели. Поэтому о существовании несогласных или акциях протеста сообщается минимально, если же приходится говорить об оппозиции правительству Буша, то политическая игра легко становится опять-таки частью центростремительного процесса, который авторы фильма параноидально представляют в виде формирования мирового правительства. Подобная же метонимия, но

с прямо противоположной целью используется и с привлечением белорусских реалий. Можно привести следующий пример: в фильме «15» в серии о Республике Беларусь аудиосообщение «страна смотрит в будущее» сопровождается крупным планом лица главы государства. На основе ассоциации по смежности могут выстраиваться причинно-следственные связи. Цепь визуальных образов «движущийся конвейер – работающий цех фабрики – президент страны» как бы доказывает факт экономического подъема и определяет его причину. Вообще, образ президента, метонимически вместивший в себя все проявления государственности, да и жизни страны в целом, завораживает не только официальную документалистику, но и противников режима – фильм Хащеватского «Плошча» визуально чуть ли не наполовину состоит именно из крупных и средних планов А.Г. Лукашенко, поэтому создается впечатление, что он и является главным героем фильма.

Не менее успешно при конструировании реальности используются и глобальные («ядерные»), т.е. пронизывающие все пространство фильма метафоры. Для цикла «Америка без грима» – это образы кладбища, похорон, могил, сцен насилия и оружия. Задача авторов становится особенно очевидной, когда эти изображения чередуются уже указанными символами государственной власти и сопровождаются рассуждениями о демократии. По такому же принципу строятся метафоры в фильме «15», повествующем о жизни республик бывшего СССР. Слова «независимость», «реформы», «либеральная политика», даже употребленные в стилистически немаркированном контексте, в подавляющем большинстве случаев чередуются изображениями заброшенных зданий, покинутых селений, сценами насилия и др. Упоминание о Республике Беларусь, наряду со сменой музыкального сопровождения с минорного на мажорное, запускает череду противоположных изображений: конвейеры, полные прилавки, засеянные поля, новостройки, улыбающиеся дети и глава государства.

Метафора и метонимия успешно функционируют также на уровне своеобразных заставок между блоками подаваемой информации. Например, в фильме «15» это выглядит следующим образом: череда изображений, призванных символизировать советскую эпоху, а именно: лубочные рабочие и производ-

ство, – сменяется картой бывшего СССР, раскалываемой на 15 частей-республик, причем места этих разрывов, т.е. символических границ, исполнены инфернальным светом. Следующим образом является высокая башня, показанная снизу вверх, грани которой символизируют бывшие советские республики, причем на вершине башни две страны – Россия и Беларусь.

Как уже говорилось выше, действие и содержание метонимии не столь очевидно. Так, характеризуя политический переворот в Колумбии, авторы фильма «Америка без грима» называют его «цветной революцией». Выражение, применяемое ныне к странам СНГ, создает определенные ассоциации. Демонстрируемый визуальный ряд – сцены боевых действий, насилия и нищеты – формирует заданный комплекс представлений. Достаточно бывает с помощью метафоры или метонимии объединить, наложить одно означающее на другое, чтобы создать образ реальности, в котором соединяются уже собственно означаемые.

Особый интерес представляет метонимический монтаж, применяемый при своеобразном диалоге персонажа фильма с камерой, т.е. при интервьюировании. Стилистически нейтральное высказывание можно маркировать как ложное, сомнительное или угрожающее, если вместо стандартного среднего или крупного плана, традиционного в данном случае, делать акцент на частях тела героя или вовсе сменить ракурс. Вряд ли возможно закрепить за каждым ракурсом определенный универсальный набор значений, так как они всегда контекстуально обусловлены. Тем не менее максимально приближенное лицо может выглядеть агрессивно, вид в профиль уничтожает традиционно необходимую для европейца возможность при общении смотреть в глаза собеседнику, вид со спины создает эффект подслушивания и др.

Перечисленные конкретные тропы, кроме неприкрытой агрессивности и явной тоталитарности, обладают еще одной чрезвычайно важной характеристикой – они абсолютно беспомощны с эстетической точки зрения. Однако поставленные перед авторами фильма задачи меньше всего нуждаются в художественных изысках – многократное, конвейерное повторение одних и тех же, по сути, образов создает своеобразный ритм, без напряжения принимаемый зрителем. Выработанные формы, создающее двумерное пространство («свое – чужое»), могут на-

полняться различным содержанием, которое будет обусловлено конкретными идеологическими приоритетами.

Таким образом, метафора и метонимия чрезвычайно активно используются в белорусской документалистике как эффективное средство моделирования образа реальности и наделения его теми или иными коннотациями. Разумеется, вряд ли стоит считать, что это – процесс сознательный и целенаправленный, скорее, смещенные значения подсознательно воспринимаются авторами одиозных проектов в качестве адекватного метода пропаганды.

Литература

1. *Лакан, Ж.* Инстанция буквы в бессознательном / Ж. Лакан. М., 1997.
2. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
3. *Эйзенштейн, С.* Монтаж / С. Эйзенштейн. (1938) / [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lib.ru/CINEMA/kinolit/EJZENSHTEJN/s_montazh_1938.txt
4. *Шкловский Б.В.* За 60 лет. Работы о кино / Б.В. Шкловский. М., 1985.
5. *Якобсон, Р.* Работы по поэтике. М., 1987.
6. *Ямпольский, М.* Язык – тело – случай. Кинематограф и поиски смысла. М., 2004.

VI.

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Владислав Новицкий
(ЕГУ, г. Вильнюс)

СЛУЧАЙНОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: Р. РОРТИ, Э. ЛАКЛО, С. КЬЕРКЕГОР

Рассматривается проблема случайности, связанная с кризисом эссенциалистских представлений о сущности исторического процесса и человеческой самости. Развивается двойственное понимание случайности, связанное с отрицанием или учетом темпоральности человеческого действия. На примере идей трех мыслителей – Р. Рорти, Э. Лакло и С. Кьеркегора – рассматриваются способы осмысления соотношения случайности и ответственности. Доказывается, что признание абсолютной случайности ведет не к элиминации темы ответственности, но к ее усилению и радикализации.

The problem of contingency, linked to the crisis of essentialist beliefs considering the very core of the history process and human self, is analyzed in the article. Also there's the explanation of twofold understanding of contingency, connected with either negation or taking into account temporality of human action. Involving some ideas of three thinkers – Rorty, Laclau and Kierkegaard – I consider the possible ways of the comprehension of the connection between accident and responsibility. The goal of the article is to prove that to recognize absolute contingency doesn't mean the elimination of the responsibility problem, but rather leads to its reinforcement and radicalization.

Ключевые слова: случайность, ответственность, заинтересованность, необходимость, реализация.

The Keywords: contingency, responsibility, interest, necessity, bringing into existence.

Разрушение единой картины мира привело к актуализации проблемы случайности/необходимости в личной и мировой истории. Все более стало осознаваться, что проблема – не только в отсутствии единой и единственной линии прогресса, на которую можно было бы положиться как на идеал, дающий однозначное указание о направлении трансформации социума (и, что немаловажно, легитимирующий это направление, в чем бы оно не заключалось, одновременно с этим оправдывая те издержки, на которые приходилось идти ради прогрессивного развития). Отсутствует также и та идентичность – личностная или групповая, которая была бы способна в таких условиях к организации социальных связей и социума в целом, ориентируясь на те ценностно-нормативные идеалы и когнитивно-инструментальные возможности, которые проступят сами собой, будучи освобожденными от гнета бездумного оптимизма и прогрессизма Просвещения и его последователей. Остановимся на этом немного подробнее.

Другими словами, размывалась надежда на то, что, утратив одну фундаментальную основу для понимания направления и сущности процесса развития (как личностного, так и общественного), заключавшегося в ожидании грядущего торжества Разума, мы можем обрести новую путем обращения к неким изначальным фактам, не допускающим метафизического искажения. Эта надежда, к примеру, выражалась последовательно в значительных интеллектуальных движениях начала XX в. – в феноменологии, аналитической философии, психоанализе и др. Действительно, достаточно вспомнить, что классическая феноменология Гуссерля (здесь мы не затрагиваем более поздних вариантов его учения – генетических и генеративных) постулировала необходимость обращения к самоданности, явленности феномена, возвращения назад к вещам, что мыслилось открытием доселе совершенно не изученных возможностей для возведения фундамента науки, равно как и базовых оснований человеческой культуры, личности и общества, не загруженных вторичными интерпретациями. Аналогично психоанализ в своем классическом фрейдистском варианте претендовал на открытие «истинностных положений» относительно человеческого «естества». Причем такое открытие, по мысли отца-основателя и его адеп-

тов, должно было помочь личности освободиться от давления извращенных требований, навязываемых культурой классической эпохи, а тем самым и изменить саму эту культуру. Даже если Ж. Лакан прав, и З. Фрейд был далек от того, чтобы говорить о человеческой природе в естественно-натурализирующем ключе, это нисколько не отменяет того факта, что интеллектуальными течениями того времени фрейдовские описания воспринимались именно в таком смысле, против чего к тому же впоследствии вынужден был бороться и сам Лакан. То есть очевидно: то, что веку XIX казалось реальностью, конструирующей нас самих, эту реальность воспринимающих, кардинально изменяется: все, что ранее воспринималось в качестве действительности, существующей независимо от нас, представляется теперь не тем, что мы воспринимаем, но тем, в чем мы отражаемся, в чем выражаем наши ожидания и интерпретации самих себя и мира вокруг нас.

Однако подобная перверсивная логика господства и зависимости достаточно быстро была доведена до своих пределов. В предисловии к «Гегемонии и социалистической стратегии» Ш. Муфф и Э. Лакло отмечали: «Век начался с трех понятий: с иллюзии непосредственности, неопосредованной дискурсом доступа к вещам – референта, феномена и знака соответственно. Однако на определенном этапе эта иллюзия неопосредованности пропала и возникла необходимость замены ее на ту или иную форму дискурсивной медиации. Именно это случилось в аналитической философии в работах позднего Л. Витгенштейна, в феноменологии – в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера и в структурализме – в постструктуралисткой критике знака». Исчезновение иллюзии непосредственности, о которой говорят Лакло и Муфф, в интересующем нас срезе предстает как исчезновение непроблематизируемой реальности идентичности, которая позволяла бы однозначным образом описывать нас самих, конституируя при этом складывающиеся наши отношения к себе и другим единственно верным, как представлялось бы, способом. Если нет не только той реальности, которая смогла бы самоосуществить себя, подобно тому как действует пресловутая гегельянская «хитрость разума», но и той, ориентируясь на которую мы могли бы выстраивать социальную и личностную реальность «более соответствующим» нашей природе способом, то

любой личный или общественный проект предстает как сконструированный абсолютно случайным образом. Проблема возникает даже с этим определением – «более соответствующим образом», ибо, согласно последовательно проведенному антиэссенциалистскому взгляду, сказать так означает сказать слишком многое. Ведь тем самым предполагается, будто мы все-таки обладаем некой личностной или групповой (к примеру, в духе национализма) реальностью, но, в соответствии с духом классического романтизма двухсотлетней выдержки, мы не можем ее найти или же принципиально не можем обладать той формой, в которой эта реальность может быть выражена или репрезентирована. Признание случайности складывающихся отношений – социальных, политических, соответствий между метафорами и др. – обостряет вопрос об ответственности субъектов постметафизического мира за разрабатываемые проекты.

Дело осложняется еще и тем, что за кажущейся самопонятностью этого определения идентичности (т.е. как «складывающейся абсолютно случайным образом») кроется возможность нескольких интерпретаций того, что может означать случайность применительно к конструированию социальной реальности и личной идентичности, а также ответственности за подобное конструирование. В данном случае нас в первую очередь будут интересовать два равно допустимых толкования случайности в свете означенной проблематики. Первое из них обращает внимание на то, что в конструировании реальности или идентичности мы ведомы такими факторами, которые не могут выстраиваться относительно друг друга в полностью согласованную и единственно возможную цепь значений. Точнее, они могут лишь ретроспективно наделяться свойством вытекать друг из друга. Поэтому для критически настроенных интерпретаций указанного толка такое выстраивание факторов и решений, определивших своеобразие нашей идентичности, в единую цепь представляется самообманом и иллюзией, ведущей к представлению о необходимости нашего существования, а значит, не только к необходимости существования именно в таком облике, в каком оно есть, но и к своего рода предзаданности нас такими, какими мы являемся. То есть здесь критикуется представление о необходимости не только в смысле того, что мы не можем быть другими (как, к примеру, жесткая традиция указывает на необ-

ходимость того, чтобы рожденный в низшей касте не мог менять свою страту, т.е. рассчитывать на полное признание своего человеческого достоинства), но и в смысле «неслучайности» нашего существования. Под вопрос ставится то, что может быть названо предназначением, что и понятно, поскольку если у нас нет реальности, независимой от конкретного конструирования, то бессмысленным становится рассуждение и о том, что наше существование как личности или социальной группы связано с реализацией какого-то определенного проекта, ибо всегда можно реализовывать как «этот» проект, так и «другой».

Другое понимание случайности связано с несколько иной стратегией, основное положение которой может быть передано замечанием Ж.П. Сартра о том, что отказ от выбора также является выбором. Здесь к экспликации рассматриваемой проблематики привлекается темпоральное измерение. Если мы обретаем себя как самости, принципиально погруженные во время, т.е. переживающие его не как временное и несущественное, по большому счету, отпадение от абсолютной реальности (понимается ли под нею теологический идеал, идеально упорядоченное общество, торжество разума и др.), то складывающиеся в каждый определенный момент наши отношения к самим себе и другим представляются настолько же случайными, насколько же и необходимыми. Только с абстрактной точки зрения дело можно представить так, будто в данный определенный момент можно выбрать как одну, так и другую стратегию действия и обе в равной степени. Фактически конкретность данного момента означает его единственность, и максимум, что мы можем здесь сказать, это то, что в данный момент мы являемся теми, кто сконструирован возможностью выбора различных стратегий, но не то, что мы будто бы находимся во вневременном контексте, в котором все возможности абсолютно случайны без того, чтобы одновременно с этим быть абсолютно необходимыми. Обратимся к высказыванию Э. Лакло в его статье «Сообщество и его парадоксы: «либеральная утопия» Ричарда Рорти»: «Если бы каждый элемент, входивший в состав гегемонистского блока, обладал собственной идентичностью, его отношения со всеми остальными элементами были бы просто случайными; но если, напротив, идентичность каждого элемента зависит от его отношений с остальными, такие отношения – при условии сохране-

ния идентичности – абсолютно необходимы»[2]. Отказываясь от выбора, мы тем самым делаем выбор, и признавая в равной степени возможными две различные стратегии, мы необходимо конструируем себя как тех, кто может позволить себе одинаково (не)заинтересованное отношение к обеим из них.

Случайность может к тому же означать непредсказуемость констелляции черт складывающейся новой идентичности личности или группы, равно как и новый непредвиденный характер современности. Это очевидно: ведь если принципиальным основанием для того, чтобы некий проект получил статус необходимого, является его рецептурный характер (т.е. то, что он будет полностью реализован при соблюдении определенных условий и выполнении определенного набора действий), если процесс объявляется необходимым тогда, когда он с неизбежностью воспроизводится при определенной конфигурации событий, то отсутствие такой констатируемой неизбежности и предсказуемости заставляет нас усомниться в необходимости данного процесса или проекта и признать их случайность по отношению к нашим ожиданиям.

С этим также связано и такое понимание случайности, которое отсылает нас к совершенной непредсказуемости эффектов наших действий. Если мы признаем, что в современных условиях вся наша активность осуществляется в ситуации неустранимой неопределенности, то мы можем говорить о нашем проекте или нашей идентичности как случайных, непредсказуемых. Можно утверждать, что к такому пониманию случайности близок Э. Гидденс, хоть эксплицитно этот термин и не используя. Современная ситуация описывается им как ориентирование среди нередуцируемых рисков – таких обстоятельств, которые не дают возможности предсказывать полный перечень собственных эффектов. Поэтому принимать решения, исходя из подобной ситуации, означает быть подверженным риску встретиться с такими последствиями, которых никак нельзя было бы ожидать при предварительном анализе ситуации.

Но не означает ли такое понимание случайности как непредсказуемости подтверждение романтической, дискурсивно нелегитимируемой уверенности в существовании изначальной реальности субъекта (личности или группы), не могущей лишь быть выраженной в силу различных причин? И да, и нет. Посто-

янный пересмотр складывающегося комплекса представлений о социуме и самости может пониматься в духе трансцендентальной прагматики Апеля, утверждающей, правда, невозможность адекватной реализации того идеала, который и направляет понимание и самопонимание участников коммуникации, но при этом дистанцирующейся от любой предметной характеристики такого идеала, присоединяясь к критике наивного реализма как убежденности в том, что нечто, описываемое в качестве сущности самости или процесса, всегда уже имеется в наличии. Возможно и другое, апофатическое толкование, но оно, правда, не учитывает тот аспект, что при таком понимании идентичность все равно обладает каким-то доступом к тому, что может назвать своей реальностью, уже *имеющей место быть*, но не реализованной, т.е. не проступившей вовне, *не получившей со стороны другого подтверждения своим притязаниям*. В свою очередь, подобное рассмотрение случайности означает продвижение в точно таком же атемпоральном ее понимании, которое мы зафиксировали выше, описывая радикально релятивизирующую установку. Логика такова: если мы обладаем доступом к нашей реальности, то ее реализация представляет собой несущественный по отношению к ней самой момент, ее акциденцию, буквально – «случайностный признак». Поэтому уверенность в обладании такой природой, всегда уже имеющей место быть, оставляет нас совершенно равнодушными к вопросу о подтверждении ее наличия, об ответе со стороны других на наши притязания того, что мы обладаем именно этими признаками. Если, к примеру, некая национальная группа уверена в своем притязании на определенную территорию на основании националистического мифа о том, что оспариваемая территория является «исконной», то такой доступ к якобы непосредственной реальности снимает все возможные сомнения в истинности данного факта, сводя на нет значение ответа тех, кто точно так же претендует на данную территорию, просто проживая на ней. Подобное равнодушие к ответу других идет рука об руку с полным равнодушием к собственной ответственности относительно данного проекта. И ничего удивительного: ведь если нет необходимости оправдывать свой комплекс представлений перед другими, если не может быть и тени сомнения в возвышающем

группу мифе, то нет смысла и в том, чтобы задаваться вопросом о собственной ответственности.

Итак, посредством рассмотрения проблематики случайности мы вышли на тему ответственности. Обозначим вкратце еще раз, как оказался возможным такой переход. Абсолютная случайность складывающихся идентичностей или констелляций значений означает не только то, что в этом процессе отсутствуют некая реальность или фундамент, одним лишь своим наличием обеспечивающие становление и осуществление таких идентичностей или комплексов интерпретаций. Это автоматически ведет к следующему важному положению: мы не можем в данном процессе полагаться на несомненную данность онтологических фундаментов точно так же, как не можем обрести некую вне-темпоральную позицию, исходя из которой возможной была бы безмятежная элиминация самой проблемы необходимого во всех смыслах выбора. Таким образом, демонтаж метафизических гарантий означает возрастание необходимости в оправдании и оправданности наших действий. Тем самым само действие проблематизируется крайним образом и требует экспликативного изложения собственного смысла и собственной эффективности. В итоге субъект, действующий в постметафизических условиях, является ответственным за смысл и содержание своей активности.

В рассмотрении данного вопроса мы задействуем: а) идеи Р. Рорти о возможности демократического общества в условиях абсолютной случайности складывающихся социальных отношений; б) принцип сверхдетерминации, как его понимает Э. Лакло, и в) кьеркегоровскую проблему различия (строгой дизъюнкции) как основания ответственности.

Р. Рорти выступает здесь как один из наиболее последовательных представителей радикально антиэссенциалистского направления современной мысли. Интересно то, что, сохраняя верность крайнему прагматизму, граничащему с бихевиоризмом и аналитической философии, Р. Рорти выявляет определенную эксплицитно выраженную социально-политическую ангажированность, пропагандирующую предельно демократизированное общественное устройство, но отнюдь не разделение социума на экспертов и профанов. В своей работе «Случайность, ирония, солидарность» [3] философ пытается представить виде-

ние того, как в условиях предельной случайности возможна солидарность, и, более общо, действия по осуществлению и поддержанию вполне определенного социально-политического устройства, а именно, либерально-демократического. Поначалу он определяет суть либеральной концепции достаточно элементарно – как стремление построить такое общество, где невозможным будет подавление одних социальных групп другими, по крайней мере, такому подавлению не будет оправдания. Но для этого и необходима крайне антиэссенциалистская критика; ведь среди прочих мероприятий важное место в реализации обозначенной цели занимает отказ от господства одного единственного словаря, точнее, словоупотребления, понимаемого в духе витгенштейновской концепции языковых игр. Такое стремление к постулированию словаря, наиболее приближенного к реальности, порочно, так как санкционирует первичное разделение словоупотреблений на единственно верное (=отражение реальности) описание мира и ложные представления о нем. Вслед за этим первым разделением идут остальные (факт/мнение, мудрец/толпа, разум/тело и др.).

Именно современная эпоха представляет неограниченные возможности для развенчания подобной иерархии языков. Благодаря своему историческому сознанию, она становится восприимчивой к *случайности* складывающихся идентичностей и отношений между ними. Случайность означает, что это конструирование не ведомо какой-либо изначальной реальностью – в метафизическом или диалектическом смысле. Эссенциалистская необходимость рассматривается Р. Рорти как попытка избежать ответственности за дело построения себя (edification). Но построение себя не понимается в данном случае как обретение каких-то определенных характеристик со стороны индивида, равно как и общества, в котором этот индивид действует. В том-то и дело, что следует научиться «скользить» по словарям, совершенно свободно задействуя элементы любого из них. Но это необходимо не для того, чтобы создать фантомный «правильный» словарь, а для того, чтобы выработать «правильное» отношение ко всем возможным словоупотреблениям, заключающееся в отказе рассматривать какое-либо из них в качестве прямого отражения реальности, т.е. обладающего прямым до-

ступом к тому, что ретроспективно будет названо «истинной действительностью».

Э. Лакло солидарен с Р. Рорти в вопросе о сконструированном характере самости, но его не устраивает предельно упрощенное, по его мнению, понимание американским либеральным мыслителем проблемы трансформации нарратива самости: «Рорти совершенно справедливо ограничивает область основания внутренним устройством всякой отдельной языковой игры, но существует трудность, потому что языковые игры не являются полностью замкнутыми мирами и, как следствие, принимаемые в них решения неразрешимы с точки зрения системы правил, определяющих структуру игры» [2]. Для Э. Лакло – это всегда насильственный процесс, сопряженный с осуществлением властных функций. Там, где Р. Рорти видит переописывание словарей, Э. Лакло говорит об антагонистических отношениях, не подлежащих «снятию». В результате по-другому озвучиваются и проблемы случайности и ответственности. Это становится особо заметным при сравнении их социально-политических взглядов. Если Р. Рорти занимает либеральные позиции, то Э. Лакло открыто заявляет о своей принадлежности к «социалистической традиции». Указанное различие объясняется следующим образом. Р. Рорти допускает в качестве идеала распространение такого образа жизни, который связан со свободным переходом, «переключением» от одного словаря к другому. Э. Лакло, указывая на гегемонистский характер отношений, складывающихся между идентичностями, говорит о том, что они изначально складываются как сверхдетерминированные. Это означает, что каждая идентичность формирует себя как центральная точка, из которой осуществляется описание всех других идентичностей, причем сверхдетерминированность заключается в том, что идентичность претендует на статус гегемона не потому, что кто-то дал ей гарантии правомочности обретения такого статуса. Скорее, она сама придает себе такой характер, поскольку идентичность возможна как таковая, лишь когда претендует на гегемонистское упорядочивание поля значений. Это объясняет, почему для Э. Лакло процессы переописания всегда связаны с антагонистическими отношениями: идентичность принципиально не может допустить беспроблемного размывания своей структуры. Если, как кажется, она все-таки это допускает, то это

лишь потому, от нас остается скрытым, как такой свободный перевод одного словаря в другой помогает данной идентичности сохранять свой статус претендента на гегемонию.

Для С. Кьеркегора такое легкое переописание словарей, которое допускает Р. Рорти, является просчетом и неудачей любого мыслителя, поскольку это вновь и вновь позволяет ему мыслить в модусе незаинтересованности и терять свойство своего мышления быть ответственным. С точки зрения датского философа, только учет «внутренней страстности», принципиальной заинтересованности, описывает подлинные границы идентичности. Легкодоступность различного рода словарей, их беспроблемное переописание сигнализирует, полагает С. Кьеркегор, о забвении факта собственной прерывности и своего рода продуктивной неполноценности: стремления самости достигнуть бесконечности – того, что достигнуть ей, как самости конечной, невозможно. Ответственность, а следовательно, и подлинное понимание случайности как того факта, что наш проект сам собой не осуществиться, возможны лишь при ситуации, когда мы сталкиваемся со значимой для нас дизъюнкцией. «Если мыслящий, вооруженный растворяющим posse (помысленная действительность – это возможность), наталкивается на esse, которое он не может растворить, то он должен сказать: это мыслить я не могу. Итак, он суспендирует мышление – если же, несмотря на это, он все-таки должен, или, вернее, хочет относиться к этой действительности как действительности, то он относится к таковой не мыслительно, а парадоксально. Здесь можно было бы вспомнить данное ранее определение веры [в сократовском смысле, sensu laxiori, не sensu strictissimo]: объективная неопределенность – именно потому, что растворяющее posse натолкнулось на каменное esse, – удерживаемая в страстной внутренности» [1].

Рассмотренные нами идеи трех мыслителей помогают, как представляется, более верным образом сформировать понимание случайности, сопряженное с темой ответственности. Оно заключается в том, что признание абсолютной случайности нашего проекта – индивидуального или коллективного – означает не размывание значимости выбора, но радикальное усиление нашей ответственности за наши действия, поскольку мы теперь ответственны не только за осуществление определенных идей,

но и за выбор того, что именно будет той «предельной заинтересованностью», что придает смысл нашему проекту.

Литература

1. Кьеркегор, С. Заключительное ненаучное послесловие к Философским крохам / С. Кьеркегор. Минск, 1995.
2. Лакло, Э. Сообщество и его парадоксы: «либеральная утопия» Ричарда Рорти / Э. Лакло // Логос. 2004. № 6. С. 100–115.
3. Рорти, Р. Случайность, ирония и солидарность / Р. Рорти. М., 1996.

Андрей Тетёркин
(ЕГУ, г. Вильнюс)

ПРОБЛЕМА ДРУГОГО В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Проблемы Другого, различия, множественности признаны на сегодняшний день базовыми проблемами современной философии. Целью данной статьи является исследование трех главных подходов к концепту Другого и анализ их преимуществ и недостатков.

The problems of the other, difference and plurality are recognized nowadays as the basic problems of contemporary philosophy. Accordingly, the aim of this article is to examine three main approaches towards the concept of the other and to analyze their advantages and disadvantages.

Ключевые слова: Другой, различие, множественность, включение, исключение.

Keywords: the Other, difference, plurality, inclusion, exclusion.

Проблема Другого, и связанные с ней проблемы различия и множества не просто являются важными региональными проблемами современной философии, но затрагивают специфику современного философского мышления в целом. Ведь одним из главных сюжетов для самопонимания современной (постметафизической) философии является история окончательного преодоления предпосылок «философии тождества», что произошло в течение последнего столетия. Если классическая философия исходила из допущения уже существующего единства (в лице божественной субстанции или рационального субъекта),

то современная философская мысль базируется на идее радикальной и неустранимой плюральности общественной жизни и действует в соответствии с данным фактом[1].

Однако определенное единодушие по поводу интерпретации данной ситуации не означает единства в рассмотрении того, каким образом философии следует трактовать множественность. В поле современного философского знания можно обнаружить большое количество исследовательских программ, предлагающих различные способы разрешения проблемы Другого. Здесь я останавливаюсь лишь на трех, но при этом наиболее распространенных парадигмах концептуализации феномена различия, причем проблему Другого я буду рассматривать прежде всего в социально-политической (а не в онтологической или этической) перспективе.

1. Инклюзивная (модернистская) модель

К представителям этой стратегии исследования проблемы Другого можно отнести Гегеля, Дюркгейма, Мида и Дьюи, а также Хабермаса и его последователей (например, Хоннета). Центральным положением данной парадигмы является тезис о том, что в условиях произошедшей модернизации общественных отношений социальная интеграция должна быть организована таким образом, чтобы различные социальные группы взаимно признавали и утверждали друг друга без каких либо ограничений и исключений. Остановимся подробнее на основных моментах данной теории.

А) Взаимоотношения между различными социальными силами должны представлять собой практику взаимного общения, а не являться практикой борьбы различной степени остроты, в которой Другой – это всегда либо враг, либо объект систематического господства. Соответственно, взаимоотношения между

[1] Безусловно, это касается не только философии: «Современный мир – это мир симулякров. Человек в нем не переживает Бога, тождество субъекта не переживает тождества субстанции. Все тождества только симулированы, возникая как оптический «эффект» более глубокой игры – игры различия и повторения. Мы хотим осмыслить различие само по себе и отношения различного с различным независимо от форм представления, сводящих их к одинаковому, пропускающих через отрицание» [3, с. 9].

различными субъектами представляет собой практику взаимного признания, в которой за каждым субъектом, независимо от степени социальной разнородности и чуждости, закреплен статус полноправного и полноценного партнера.

Б) Осуществление механизмов включения должно принимать во внимание процессы все возрастающего усложнения, дифференциации и фрагментации социальной жизни, характерных для модерных обществ. Упомянутые процессы оцениваются сторонниками рассматриваемого подхода как позитивные, а значит, отвергается необходимость возврата к домодерному субстанциальному общественному единству, основанному на общности религиозно-коллективных верований (Дюркгейм). В этой связи необходимой становится ориентация на «идею посттрадиционной, демократической нравственности», в свете которой должно утверждаться стремление к такому ценностному порядку общества, в котором общественные цели получили бы разнообразное и комплексное истолкования, позволяющее любому субъекту обрести социальное уважение в социуме [12, с. 337][2].

В) Реализация программы всеобщего включения должна опираться на наличие универсального нормативного горизонта, обеспечивающего возможность взаимного признания. В этой связи большое значение имело обоснование Гегелем двух радикально различных форм общности: государства и гражданского общества. Если в первом случае речь идет об «органическом соотношении» [1, с. 329], в котором различные социальные силы рассматривают друг друга как партнеров по социальной кооперации; то во втором – о социальной разнородности[3], в которой

[2] Или, как выражается Дюркгейм, «подобно тому, как для низших обществ идеалом было создать или сохранить во всей ее интенсивности общую жизнь, в которой индивид был поглощен, – наш идеал ввести как можно более справедливости в наши общественные отношения, чтобы обеспечить свободное развитие всех социальных полезных сил» [4, с. 304].

[3] Именно возникновение и сохранение данной формы социальных отношений рассматривается Гегелем как специфический уникальный модерный феномен. Поэтому «если бы религия захотела утверждать себя в государстве так, как она привыкла к этому на своей почве, то она опрокинула бы организацию государства, ибо в государстве различия обладают широтой внеположенности; в религии, напротив, все всегда соотносится с тотальностью. Если бы эта тотальность вознамерилась за-

чуждые друг другу социальные акторы испытывают по отношению друг к другу лишь чувства правовой лояльности[4].

Конечно, следует отметить значительные трансформации, произошедшие в рамках данной парадигмы и связанные с постепенным отказом от органических и холистских трактовок социального, характерных для концепций Гегеля и Дюркгейма. Социально-политическое пространство уже не концептуализируется как структурированный вокруг государства «круг кругов» (Гегель)[5], но представляет собой децентрированную и бессубъектную сеть социальных интеракций, в которой различия между субъектами конституируются в условиях детрадиционализации, деконвенционализации и рационализации собственных жизненных миров [8, с. 359–361].

Кроме того, как отмечает Хоннет, в современные формы солидарных отношений необходимым образом встроена возможность конкуренции и социальной борьбы в той мере, в какой социальная оценка участников в рамках модерных обществ осуществляется не на основании происхождения и соответствии сословному кодексу чести, но на основании меритократического принципа «индивидуально достигнутых результатов (Leistungen) в структуре индустриально организованного разделения труда»

владеть всеми отношениями государства, то она была бы фанатизмом… ибо фанатизм состоит именно в том, чтобы не допускать особенных различий» [1, с. 307].

4 Или, как говорит Хоннет, используя терминологию Тённиса, необходимо различать общество (Gesellschaft) как ассоциацию свободных и равноправных лиц, переживающих по отношению друг к другу исключительно чувство когнитивного уважения и толерантности и признающих друг за другом (даже в ситуации отсутствия общих ценностей) статус морально вменяемых лиц, способных производить разумные суждения; и сообщество (Gemeinschaft) как сферу отношений солидарности, основанных на общности целей, в осуществлении которых участвует индивид, руководствуясь при этом не только чувством толерантности, но и стремлением активно способствовать развитию социально полезных качеств другого индивида [13,с. 331].

5 «Государство же есть существенно организация таких членов, которые *для себя* суть *круги*, и в нем ни один момент не должен выступать как неорганическое множество. *Многие* в качестве единичных лиц, что охотно понимают под словом «народ», суть, правда, *совместность*, но только как *множество*, как бесформенная масса, движение и действия которой именно поэтому были бы лишь стихийны, неразумны, дики и ужасны» [1, с. 344].

[14, с. 166]: поскольку то, что оценивается как Leistung, зависит от случайно-исторического процесса, в рамках которого той или иной социальной группе удалось продемонстрировать свои жизненные формы в качестве наиболее ценных и значимых, то в структуре модерных обществ изначально заложена возможность «перманентной культурной борьбы», «в которой различные социальные группы с помощью средств символической власти пытаются, ссылаясь на общие цели, увеличить ценность связанных с их образом жизни навыков и способностей [12, с. 205].

Однако каким бы сильным ни было социальное противоборство, механизм признания Другого в качестве полноправного и полноценного индивида ни в коей мере не должен быть нарушен. Поэтому степень морального прогресса общества напрямую зависит от процессов включения в круг полноценных субъектов максимально возможного числа людей на основании универсальных нормативных принципов (например, принципов автономии и равноправия). Однако здесь и возникает главная проблема для представителей данной парадигмы, поскольку в эпоху глобализации и позднего капитализма, характеризующихся максимальным усложнением социальных сфер и возрастанием дезинтегрирующих тенденций, вопрос о том, как возможен универсальный нормативный горизонт, ставится с новой силой. Поэтому ряд теоретиков (например, Хабермас) уже не столько ищут обоснованный ответ на поставленный вопрос, сколько уповают на благополучное разрешение данных проблем в практической жизни[6].

---

[6] Ср.: «Расширяющиеся и сгущающиеся рынки или коммуникативные сети пускают в ход модернизационную динамику открывания и закрытия. Приумножение анонимных отношений с «другими», дисгармоничный опыт общения с «чужими» обладает подрывной силой. Растущий плюрализм ослабляет аскриптивные связи с семьей, с жизненным пространством, социальным происхождением и традицией; он вызывает *изменение формы социальной интеграции*. ...Если такой рывок не выбьет либерализацию из колеи социально-патологическим образом, т.е. не застрянет на фазе недифференцированности, в отчуждении и беззаконии, то реорганизация жизненного мира должна проходить тех измерениях самосознания, самоопределения и самореализации, что сформировали нормативное самопонимание модерна» [10, с. 301–302].

2. Постмодернистская модель

К представителям данной стратегии можно отнести большинство современных французских философов (от Делеза до Дерриды), которых отличает теоретическое антигегельянство (или антихабермасианство). Ограничимся рассмотрением основных положений концепций Делеза и Нанси, которые напрямую связаны с проблемой Другого.

А) Итак, главной спецификой постмодернистского дискурса является упор на фрагментацию и маргинализацию, нетождественность и различие, постоянно обнаруживающихся в нашем опыте. При этом такая гетерогенность и плюральность уже не может быть осмыслена с помощью классических категорий негативного, противоположного или аналогичного [3, с. 360], категорий, которые остаются подчиненными парадигме Тождественного и платоновского различения между порядком Идей (как изначального единства) и их копиями (как дурной множественности). Поэтому Нанси вводит новое понятие «дис-позиции» для осмысления опыта радикально децентрированной внеположенности, в которой каждое сущее обнаруживает себя как рассеянное и рассредоточенное единичное множественное бытие в изначально разнородной целостности[7]; а Делез использует понятия симулякра для возможности адекватного описания данной реальности[8].

Следовательно, социально-политическое пространство не может быть описано ни как органическая целокупность, ни как простая совокупность изолированных атомов[9], но представляет

---

[7] Соответственно, «Единичное – это ego, не являющееся «субъектом» в смысле отношения к себе самому. …Это не «я» и не «ты», это только отличное различия, скрытое сокрытости» [7, с. 61]; единичное множественное бытие есть то, что есть по своему существу со-существование и со-причастность, «бытие-вместе» и «одно-с-другим» [7, с. 63].

[8] «Симулякр – это система, в которой различное соотносится с различным посредством самого различия. …Система симулякра утверждает расхождение и смещение; единственное соединение, единственное совпадение всех рядов – поглощающий их бесформенный хаос. Ни у одного ряда нет преимущества перед другими, ни один не обладает тождеством образца либо подобием копии. Ни один не противостоит другому и не аналогичен ему. Каждый состоит из различий и коммуницирует с другими посредством различий различий» [3, с. 334].

[9] «"Мы" действительно никогда не можем быть ни просто определенным

собой бесконечную ризоматическую игру различий, не подчиненную каким-либо трансцендентным принципам, и неустранимую совместность, лишенную общего истока и логоса.

Б) Следующим важным положением постмодернистской стратегии является отрицание необходимости универсального нормативного горизонта для возможности дис-позициональной практики различения. Рациональные принципы обладают репрессивной природой, и потому их использование вызывает необходимым образом искажение и упрощение изначальной игры различий. В результате возможным становится «общество» как замкнутое пространство позиционированных и фиксированных различий, а Другой предстает как примиренный с моим собственным бытием субъект, а не как сущее, способное утвердить свое различие.

При этом Делез и Нанси не опасаются, что отказ от универсальных нормативных оснований может трансформировать пространство дифференцирования в поле «социальной войны» и взаимного отрицания, чего так боятся представители инклюзивной парадигмы. Ведь практика тотальной негации другого не является изначальным актом игры дифференциации [2, с. 47], но, скорее, возникает как процесс ее патологической трансформации[10]. Правда, это не означает, что мир единичных множественных симулякров представляет собой гармоничное сосуществование радикальных различий[11].

«мы», т.е. единым субъектом, ни неопределенным «мы» наподобие разрозненной общности. «Мы» всегда выражает множественность, деление и взаимопроникновение «мы»: мы вместе не вообще, но всегда, всякий раз, определенными способами, которые сами по себе множественны и одновременны (народ, культура, язык, потомство, сеть, группа, пара, стая)» [7, с.107].

10 «Обожествление другого (вместе с добровольным рабством) или его дьяволизация (с его исключением или изничтожением) входят в комплект любопытства, которое уже более не заинтересовано в дис-позиции и со-явленности, но становится желанием Позиции: зафиксировать, обеспечить раз и навсегда истоком, который находится в неизменном для всех одном и том же месте и, следовательно, всегда вне мира. Вот почему это желание есть желание убийства, и не только убийства, но и увеличения жестокости и ужаса, которое является определенным образом направленной интенсификацией убийства ...» [7, с. 43–44).

11 «Самая же большая опасность – впасть в прекраснодушные представления: имеются, мол, только различия, примиримые и соединимые, дале-

В) Постмодернистская стратегия решительным образом подвергает критике практику конвенциональных и массовых демократий, в которых социальная множественность репрезентирована через определенный набор фиксированных макросубъектов (например, политических партий и их лидеров). Согласно постмодернистской модели, система представительства является по своему существу искажением и редукцией плюральности социальных сил к определенному набору субстанциальных различий (ср. [11, с. 67]).

Следовательно, необходимой становится тотальная деконструкция любых общественных субъектов (нация, общество, класс…) и ориентация на такую модель социальной практики, которая была бы лишена моментов тотализации, централизации и иерархии. В таком случае социально-политическое пространство представляло бы собой множественность различных групп, между которыми существуют лишь косвенные взаимосвязи (ср. [11, с.74]), а наивысшей целью политической практики (и философии) являлось бы лишь «актуализация бытия-вместе *как диспозиции* (рассеивания и разнородности) сообщества» [7, с. 48].

Однако здесь и возникают основные вопросы к представителям данной модели, поскольку отмеченные требования выглядят несколько абстрактными и малосодержательными, если не идти дальше утверждений о том, чтобы «отдать должное» бытию-вместе, в котором, иронически выражаясь, различие различным образом соотносится с различием посредством различия. Поэтому более содержательная стратегия (которая предоставила бы более развернутые ответы на банальный обывательский вопрос «для чего все это?») потребовала бы в том числе и разработки нормативных принципов социально-политического действия, что и предлагается представителями первой парадигмы. Конечно, постмодернизм изначально отвергает данный путь,

---

кие от кровопролитной борьбы. Прекраснодушие говорит: мы разные, но не противостоящие… Однако мы считаем, что как только проблемы достигают степени свойственной им положительности, как только различия становятся предметом соответствующего утверждения, они высвобождают силы агрессии и отбора, которые разрушают прекраснодушие, лишают его самотождественности, разбивая его благие намерения. …Симулякру свойственно не быть копией, а опрокидывать все копии, опрокидывая также и образцы: всякая мысль становится агрессией» [3, с. 9].

опасаясь репрессивного воздействия трансцендентных рациональных норм, однако следует отметить, что со времен Гегеля универсальные принципы реконструируются в качестве имманентных самой реальности норм, способствующих в том числе утверждению и эмансипации различных форм жизни[12].

Кроме того, в свете постмодернистской теории сомнительным становится сама возможность политического действия в той мере, в какой последнее лишается какой либо организации[13]. Если же политическая практика все же осуществляется, то она зачастую организуется вокруг относительно фиксированных социально-политических сил, в результате чего постмодернистские теоретики обрекаются на сизифов труд бесконечной деконструкции вечно возвращающихся политических макросубъектов.

3. Постмарксистская модель

Данная парадигма, представленная Э. Лакло и Ш. Муфф, представляет особый интерес, поскольку не только выступает в

[12] «Постмодернистские подходы считают все притязания на универсализм сами по себе очевидным симптомом империализма завуалированной частности, притворяющейся, будто она замещает целое. Такая аналитическая стратегия (в особенности начиная с Маркса) хорошо зарекомендовала себя при изобличении европоцентристских традиций и практик... Однако же многим постмодернистским теориям недостает достаточной чувствительности к специфическому составу возникших в эпоху модерна и характерных для него дискурсов. ...Эти дискурсы ориентированы на принципы и подчиняются стандартам соотнесенности, в свете которой немедленно обнаруживаются и подвергаются критике фактические нарушения всеобщей включенности... сам факт того, что универсалистскими дискурсами зачастую злоупотребляют как средством прикрытия социального и политического, эпистемологического и культурного насилия, не основание для отказа для самих обещаний, сопряженных с этой дискурсивной практикой, – тем более, что эта практика в то же время предоставляет критерии и средства для серьезного контроля для исполнения этого обещания» [9, с. 257–258].

[13] «Если «ответственность и обязанности индивидов (уже) не соотносятся с отчетливым политическим строем... то ставится под сомнение возможность самой политики». Из расплывчатости обществ, организованных как национальные государства, для постмодернизма проистекает «конец политики», на который и возлагает свои упование неолиберализм, каковой по мере возможности стремится передать управляющие функции рынку» [10, с. 308].

качестве альтернативы по отношению к двум первым, но и претендует на их своеобразный синтез, что становится очевидным из следующих тезисов.

А) Социальное пространство изначально представляет собой бесконечную игру различий и диффузное поле дискурсивности, в котором существующие в нем элементы представляют собой «плавающие означающие», обладающие множественной детерминацией (overdetermination) и полисемией значений. Однако в то же время равно изначальной является попытка фиксации игры различий и «сшивания» социального поля по определенным привилегированным принципам («узловым точкам») [15, с. 111–112], в результате чего хаотичное поле элементов трансформируются в «общество» как замкнутую и стабильную систему дифференцированных моментов. При этом конструирование общества является необходимым с онтологической точки зрения: в противном случае было бы невозможно утверждение какой-либо идентичности, поскольку последняя образуется благодаря реляционным отношениям в рамках относительно замкнутого контекста [17, с. 151].

Б) Далее, конструирование социального поля происходит благодаря сложному взаимодействию двух логик: логики различия и логики эквиваленции. Однако ни одна из них не может создать полностью «зашитого» социального поля, поэтому неизбежным является практика исключения за пределы общества радикального Другого. При этом практика исключения имеет двоякий вид: 1) изгоняется за пределы общества «избыток значения», разрушающий системный порядок [18, с. 137]; 2) постулируется такое различие (антагонизм), которое не может быть вписано в систему как дифференцированный момент и которое представляет собой внешнюю угрозу для всех системных позиций [17, с. 151–152]. Таким образом, практики исключения свидетельствуют о неудаче самого проекта построения общества как позитивной системы различий, поскольку для ее конституции необходимым является наличие негативности, которая не может абсорбирована.

В) Эта общая логика организации социального пространства имеет и историческую динамику, определяющим событием для которой является «демократическая революция», сделавшая возможным различие между домодерными и модерными сооб-

ществами. Согласно Э. Лакло и Ш. Муфф, первый тип общества представляет собой неэгалитарную и иерархическую организацию, для которой наличие антагонизмов и дефектов (dislocations) общественных отношений является признаком коррупции и радикальным злом. Французская революция положила конец иерархическому обществу и открыла возможности для нового модуса конструкции социальных отношений, определяющими для которого являются присутствие момента структурной неопределенности в социальном пространстве [16, с. 186] и возникновение демократического дискурса, благодаря чему становится возможной борьба «за максимальную автономизацию сфер на основе обобщения эквивалентно-эгалитарной логики» [16, с. 167].

Г) Однако, как отмечают Э. Лакло и Ш. Муфф, логика эгалитарного воображения является недостаточным фактором для построения самого общества и поэтому должна быть дополнена действием властных механизмов, совместимых с демократическими принципами. Собственно демократическую практику осуществления властных отношений философы описывают как гегемонию, которая «имеет своей целью конструкцию “мы” в условиях многообразия и конфликта» [18, с. 234]. Суть же гегемонического действия Э. Лакло и Ш. Муфф раскрывают как практику, в которой партикулярная сила стремится репрезентировать универсальность и целостность, радикально не совместимую с ней [5]. Благодаря этому становится зримой радикальная случайность способов конструирования общества и исторический характер агентов, его осуществляющих, а также наличие разрыва между референтом репрезентации (обществом) и самой репрезентацией (интерпретацией общества), что, с одной стороны, открывает возможности для постоянных переопределений и создания новых артикуляционных практик; с другой – для осуществления плюрализма, который не устраняется путем гегемонических артикуляций.

Таким образом, используя ряд положений двух рассмотренных исследовательских парадигм, постмарксизм, во-первых, по отношению к постмодернизму указывает на тот факт, что анализируемый им процесс бесконечной игры различий является невозможным состоянием, если он не дополняется механизмом замыкания контекста, без которого невозможна сама практика

различения. Во-вторых, по отношению к модернистской стратегии Э. Лакло и Ш. Муфф подчеркивают, что нормативная программа всеобщего включения является иллюзорной, поскольку, как уже бы выяснено, механизмы исключения встроены в саму гегемоническую практику конструирования универсалий, в которой неизбежным становится конструкция «мы» через исключения «их». Однако это не означает неизбежность перманентного присутствия в обществе деструктивных отношений. Наоборот, в ходе своей истории западные модерные сообщества оказались способны к трансформации «народных войн» (в рамках которых идентичности образуются за счет разделение единого публичного пространства на два лагеря, находящихся во враждебных отношениях) в «демократическую борьбу», которая осуществляется в ситуации множественности публичных сфер и в которой существенно ослаблен «заряд негативности» [16, с. 131–132]. Демократическая политика реализуется, таким образом, во взаимодействии между соперниками, разделяющими базовые принципы либеральной демократии и находящимися не в антагонистических, а в агональных отношениях [6, с. 194–196].

Итак, представляет ли собой постмарксизм тот синтез, который преодолевает все возможные противоречия, характерные для первых двух моделей? На мой взгляд, нет, поскольку постмарксистская теория, как минимум, испытывает серьезные трудности при описании специфики солидарных отношений в рамках модерных обществ. Констатируя, что современные общества не могут быть рассмотрены как сообщества, созданные ради исполнения определенных субстанциальных целей, Э. Лакло и Ш. Муфф описывают идентичность граждан модерных демократий исключительно через уважение к либерально-демократическим принципам (свободы и равенства) и по существу признают факт вымирания Gemeinschaft, на смену которому приходят Gesellschaft и гегемонические формации и блоки. Однако, как видно из теории А. Хоннета, современные формы отношений солидарности не могут быть полностью объяснены подобным образом: модерные формы Gemeinschaft конституируются в условиях специализации и функционализации социальных целей и их общим нормативным принципом, регулирующим взаимоотношения между субъектами, выступает принцип достижений (Leistungen), на основе которого приобретается социальное уважение. Поэ-

тому для возможности анализа социальной кооперации приходится возвращаться к представителям первой модели, совершив тем самым своеобразный круг.

При этом опыт, приобретенный в рамках данного движения, прежде всего, выражается в том, что ни одна из выше перечисленных моделей не может претендовать на абсолютный статус и в то же время отсутствует возможность создания всеобъемлющего синтеза. Поэтому вместо того, чтобы заново повторять историю преодоления метафизической философии тождества и пытаться выстроить единственную подлинную философию различия и множественности, необходимо в соответствии с духом самой проблемы принять множественность самих моделей, пытающихся решить проблему другого. В какой форме будет происходить данное действие (в форме рефлексивного и обдуманного выбора в пользу одной из моделей после изучения всех преимуществ и недостатков рассмотренных стратегий или в форме постоянного скольжения и перехода от одной к другой или в форме образования случайного и непрочного альянса между двумя или более теориями) – все зависит от произвола конкретного исследователя.

Литература

1. *Гегель, Г.В.Ф*. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. М.: Мысль, 1990.
2. *Делёз, Ж*. Ницше и философия / Ж. Делёз. М., 2003.
3. *Делёз, Ж*. Различие и повторение / Ж. Делёз. СПб., 1998.
4. *Дюркгейм, Э*. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм // Западноевропейская социология XIX – начала XX вв. М., 1996.
5. *Лакло, Э*. К радикальной демократической политике: предисловие ко второму изданию «Гегемонии и социалистической стратегии» / Э. Лакло, Ш. Муфф [электронный ресурс]. http://www.politizdat.ru/outgoung/15/
6. *Муфф, Ш*. К агонистической модели демократии / Ш. Муфф. Логос. 2004. 2 (42).
7. *Нанси, Ж.-Л*. Бытие единичное множественное / Ж.-Л. Нанси. Мн., 2004.
8. *Хабермас, Ю*. Борьба за признание в демократическом правовом государстве / Ю. Хабермас // Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.
9. *Хабермас, Ю*. Концепции модерна. Ретроспектива двух традиций / Ю. Хабермас // Политические работы. М., 2005.

10. *Хабермас, Ю*. Постнациональная констелляция и будущее демократии / Ю. Хабермас // Политические работы. М., 2005.
11. *Фуко, М*. Интеллектуалы и власть (1972) / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избр. политические статьи, выступления и интервью. Ч. 1. М., 2002.
12. *Honneth, A*. Kampf um Anerkennung. Zur moralischer Grammatik sozialer Konflikte / A. Honneth. Frankfurt/M., 1992.
13. *Honneth, A*. Posttraditionale Gemeinschaften. Ein konzeptueller Vorschlag / A. Honneth // Das Andere der Gerechtigkeit. Frankfur/M.: Suhrkamp, 2000.
14. *Honneth, A*. Umverteilung als Anerkennung. Eine Erwiderung auf Nancy Fraser / N. Fraser, A. Honneth // Umverteilung oder Anerkennung? Eine politisch-philosophische Kontroverse. Frankfurt/M., 2003.
15. *Laclau, E*. Democracy and the Question of Power / E. Laclau // Constellations. 2001. Vol. 8, No 1.
16. *Laclau, E*. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, Ch. Mouffe. L., 1985.
17. *Laclau, E*. Subject of Politics, Politics of Subject / E. Laclau // Differences: A J. of Feminist Cultural studies. 1995. 7.1.
18. *Mouffe, Ch*. Democratic Citizenship and the Political Community / Ch. Mouffe // Dimensions of Radical Democracy: Pluralism, Citizenship, Community. L., 1992.

Алексей Кожарский
(ЕГУ, г. Вильнюс)

ОТ БЫТИЯ К ВЕЩИ И ОТ ВЕЩИ К ЯЗЫКУ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА (Ж. БАТАЙ, М. ХАЙДЕГГЕР, Ж. ЛАКАН)

В статье исследуется возможность сравнения идей, принадлежащих трем авторам: Ж. Батаю, М. Хайдеггеру, и Ж. Лакану. Основой для компаративного анализа выступает критика объекта («вещи»), связанной с ней субъективности, а также рассмотрение роли и статуса языка в связи с субъект-объектным типом отношений.

The article explores a possibility of comparing the ideas of three authors: Martin Heidegger, Georges Bataille and Jacques Lacan. The ground for comparison is the critique of the object (“the thing”) and of subjectivity, as well as an exposition of the role and status of language in regard to the subject-object relation.

Ключевые слова: thing, language, being, subject.

Keywords: вещь, язык, бытие, субъект.

Данная статья является опытом компаративного анализа идей трех авторов – Ж. Батая, М. Хайдеггера и Ж. Лакана, цель которого состоит в том, чтобы попытаться выявить некоторое единство критических интенций, направленных на переосмысление укоренившегося в западной традиции понимания природы субъективности и субъект-объектных отношений. Структурными элементами сравнения выступают три основополагающих категории – «вещь», «бытие» и «язык». Стратегия анализа состоит в том, чтобы, эксплицировав некоторые аспекты интерпретаций, данных этим категориям в работах философов, попытаться отыскать те концептуальные «точки соприкосновения», которые позволяют говорить об общности рассматриваемой ими проблематики. При этом следует, разумеется, отметить, что речь ни в коем случае не может идти о полном взаимном отождествлении авторских понятий или даже о выявлении между ними полной концептуальной симметрии. Различия в представляемых ими

интерпретациях не менее очевидны и значимы, чем возможные сходства.

Основным субстратом сравнения выступают идеи Ж. Батая, и в связи с этим в качестве отправного пункта рассуждения целесообразным представляется взять предлагаемое им рассмотрение *вещи*. Происхождение вещи Батай связывает с антропологическим фактом использования *орудий труда*. Орудие труда как таковое требует некоторого определенного положения объекта в пространстве и времени. Бытие данного объекта определяется как длительность во времени и строго определенное положение в пространстве, обусловленные целью, которой орудие труда призвано служить. «Длительность во времени» значит, что данный объект, будет существовать на протяжении конкретного временного отрезка постольку, поскольку необходимо в течение этого отрезка периодически достигать этой цели, или же некоторая будущая цель требует для себя своего рода сохранения средства во времени, т.е. устанавливает временную границу бытия объекта. Итак, *первая импликация вещности* – это определение положения объекта в пространстве и длительности во времени в соответствие с той целью, которой служит орудие труда. «Лишь в той мере, в какой орудия труда изготовлены в соответствии со своим предназначением, сознание и воспринимает их в качестве предметов как прерывистость в смутно ощущаемом единении всего сущего» [1, с. 25]. Пространственно-временное определение объекта Батай обозначает как его *трансцендентность*, т.е. как изъятость из первоначально целостного, *имманентного* континуума окружающего мира, в котором предположительно пребывает животное. «Такое положение объекта, которому нет места в животном мире, заключается в использовании человеком орудий труда» [1, с. 29].

Вторая импликация вещи также напрямую обусловлена исторической «генеалогией» вещного способа бытия. Орудие труда своим существованием формирует категорию цели как чего-то принципиально внеположного по отношению к данному объекту. «Орудие труда позволяет установить отчетливое различие между целью и средством, а также рассмотреть предпосылки его появления» [1, с. 25]. Объект как орудие труда есть всегда *средство* для какой-то иной цели, ради которой он производится. К примеру, если орудие труда – это палка, то она имеет для

человека значение лишь постольку, поскольку с ее помощью необходимо взрыхлить землю. Полезность, характеризующаяся возможностью достичь некоторого прагматического результата, исчерпывает, если так можно выразиться, raison d'etre данного объекта.

Вещь, таким образом, следует понимать как некоторую прагматическую длительность объекта, который используется человеком по назначению и в этом качестве дифференцируется и наделяется утилитарным смыслом. Отношение к вещи как обособленному носителю прагматических качеств начинает заменять собой «животное» отношение к миру, переживаемому «в свете единения всего сущего». «С помощью палки возделывают землю с целью обеспечения роста съедобного растения, которое выращивается, чтобы быть употребленным в пищу с тем, чтобы поддерживать жизнь в том, кто это растение выращивает...» [1, с. 26]. Последовательное утилитарное осмысление объектов образует цепочку целей и средств их достижения, которая постепенно захватывает собой весь горизонт доступных человеку сущностей. «Вещность» как способ бытия, первоначально присущий орудию труда, мало-помалу начинает распространяться далее: вначале на результаты этого труда, а затем и вне сферы производственной деятельности как таковой. В то же время отношение к объекту как вещи образует контраст с иным типом отношения, который характеризуется переживанием окружающего мира «в свете единения всего сущего». «С орудием труда возникает характер привнесенности в мироздание, где *субъект ощущает свою сопричастность* к различаемым им тем или иным элементам, где, наряду с сопричастностью к окружающему его миру, он пребывает, "как поток воды в водной стихии"» [1, с. 25]. Данный тип отношения никак не связан категорией полезности, он лежит за пределами функций господства, распоряжения и потребления, осуществляемых в ходе отношения к объекту как к вещи. Если переживание объекта как вещи наделяет его внешним, утилитарным смыслом, то его переживание в свете имманентного, наоборот, устраняет его утилитарный смысл, но возвращает объекту его самодовлеющую ценность от которой он отчужден в порядке вещного. «Только такой мир, в котором живые существа сливаются с окружающей средой, не выделяясь на фоне прочих существ, по сути, бесполезен, бесце-

лен, не служит чему бы то ни было и лишен какой бы то ни было значимости: он ценен сам по себе и обходится без того, чтобы служить достижению какой-либо цели, ведущей к последующей цели, затем к последующей цели, и так далее» [1, с. 26].

Предлагаемая Батаем критика вещи при сравнительном сопоставлении оказывается близка идеям М. Хайдеггера. Речь в данном случае идет, прежде всего, о понятии «*служебности*» (*Dienlichkeit*), которым Хайдеггер пользуется в «Истоке художественного творения», рассматривая традиционные метафизические подходы к определению природы вещи как таковой. Этих подходов к «истолкованию вещности вещи», согласно Хайдеггеру, античной мыслью было сформулировано всего три. Во-первых, вещь понимаемая как носитель, как *подлежащее* (τό ὑποκεῖμενον) своих признаков. Во-вторых, вещь как единство перцепций, как «единство многообразия, данного в чувствах». Эти два истолкования дополняются третьим, которое раскрывает вещь как «сопологание» формы (μορφή) и материи (ὕλη). Это истолкование кажется Хайдеггеру наиболее удачным и всеобъемлющим, поскольку оно способно охватить в равной степени и вещи человеческого изготовления, т.е. предметы, и вещи как природные сущности. Этим, строго говоря, ситуация и характеризуется. Господство данного истолкования выражается в том, что понятие вещи как формы и содержания дает всеобщую «меру сущего» [3, с. 56]. Однако, несмотря на универсальность данных терминов и кажущуюся естественность их применения как в области природного, так и в сфере эстетического, форма как категория мышления имеет собственную особую генеалогию.

Форма вещи, согласно Хайдеггеру, есть то, что определяет некоторое распределение вещества в пространстве, очертания вещи, т.е. ее чувственно воспринимаемые признаки. Однако сама форма, управляющая веществом, в свою очередь, изначально предполагается той целью, ради которой вещь существует. Поскольку: «…правящее здесь переплетение формы и вещества уже заранее направляется тем, для чего служат кувшин, топор, башмаки» [3, с. 62]. И далее: «Служебность – вот та глубинная черта, изнутри которой вот это сущее, взглядывая на нас, т.е. мгновенно вспыхивая, вместе с тем пребывает, и есть такое-то сущее. На такой служебности основывается и форма вещи, основывается и

предопределенный вместе с формой выбор вещества, и тем самым основывается и владычество сочетания вещества и формы. Сущее, подчиненное такому сочетанию, всегда есть изделие, изготовленное так-то и так-то. Изделие всегда изготовляется как нечто дельное, пригодное к чему-либо. И соответственно вещество и форма как определения сущего укоренены в самой сущности дельного, годного материала» [3, с. 62]. Таким образом, свойство, определяющее для вещи ее вещность как способ бытия, есть именно ее служебность.

Указанное истолкование сущего, развитое античной метафизикой, получает дополнительную легитимацию в средневековом креационизме. И хотя сущность понимания творения, строго говоря, не позволяет отождествить его акт с актом производящего ремесла (τέχνη), это не мешает ему через систему средневекового перипатетизма, еще глубже укорениться в западном мышлении.

Очевидно, что Хайдеггер, как и Батай, указывает на такой способ интерпретации сущего как вещи, который предполагает: а) импликацию «сделанности», означающую, что способ бытия вещи как вещи восходит к сфере производственной деятельности; б) импликацию «служебности», ввиду которой вещь понимается как носитель прагматических, «потребительских» качеств. К этим двум параметрам мы можем добавить еще и третий – *отчуждение* как дистанция между человеком и вещью, компенсируемая мнимой открытостью, доступностью вещи ввиду ее способа бытия как вещи.

Батай пишет: «Всестороннее представление, законченное, ясное и отчетливое, складывающееся у субъекта в отношении объекта, не более чем продукт внешнего восприятия и обусловлено фактом изготовления объекта: дескать, мне ли не знать изготавливаемый мною лично объект, я ведь могу изготовить точно такой же…» [1, с. 27]. И чуть далее: «Подобное внешнее восприятие может быть и поверхностно, но только оно и способно сократить существующий разрыв между человеком и различными предметами, положение которых определяется таким образом».

У Хайдеггера мнимая открытость вещи фигурирует как закрепившиеся в западном мышлении метафизические «истолкования вещности вещи» (т.е. как подлежащего, как феномена и как формы). Привычность этих подходов, по словам Хайдеггера, «застигающих вещь врасплох», есть то, что заслоняет от нас ее

подлинную вещность, выступая в конечном итоге как забвение бытия.

Здесь необходимо сделать существенную оговорку по поводу амбивалентного характера вещи в понимании Хайдеггера, что не позволяет полностью отождествить его интерпретацию с интерпретацией Батая, однако не отменяет полностью и значимости приведенного сравнения. В сочетании метафизических истолкований, о которых говорит Хайдеггер, мы видим вещь строго как носителя определенных свойств, причем: а) то, как мы определяем эти свойства, детерминируется нашим прагматическим отношением к вещи, иными словами, ее служебностью; б) таковой экспликацией «вещность вещи» без остатка исчерпывается: вещь есть носитель своих атрибутов (выступающих для нас в роли «потребительских» качеств) и ничто сверх того. Однако значительно усложняющая данный вопрос двусмысленность состоит в том, что подлинная «вещность» вещи так же, как и метафизическое истолкование ее служебности, раскрывается нам в некоторой связи с практикой ее употребления, с ее интегрированностью в целостный контекст взаимных бытийных отсылок, с ее «дельностью», со связью с «землей». Вещь в ее истине, в отличие от метафизически рассмотренной вещи, предстает перед нами не как автаркичный носитель качеств, а как набор связей с окружающим миром, отсылающих нас по пути ее «дельности».

Следует, таким образом, учитывать, что разговор о «вещности вещи» для Хайдеггера не предполагает в точности тех же коннотаций, что и вещь для Батая. Говоря о подлинной «вещности вещи» Хайдеггер подразумевает некую сокрытую от нас истину вещи (полагаемую искусством в творении), в то время как, исходя из позиции Батая, о вещном можно говорить лишь в смысле «низведенности» до положения вещи. Может даже показаться, что позиции философов вступают в противоречие в том отношении, что Хайдеггер признает за «дельностью» вещи ее истину, в то время как для Батая, по сути, всякое использование вещи дает нам лишь овеществление в смысле упадка, деградации ее подлинного смысла, которым, как мы помним, может быть лишь радикальная бессмысленность имманентного. Однако противоречие здесь еще менее вероятно, нежели прямое соответствие, поскольку Хайдеггер и Батай совпадают как раз в тех пунктах, которые существенны для выстраиваемой компаративной схемы.

Представления об утерянной истине вещи (Хайдеггер) и о «низведении до положения вещи» (Батай) сходятся в критике вещи как: а) объекта исключительно прагматического отношения («расчетливости», по Батаю); б) как данной в свете своей автаркичности, обособленности, оторванности от полноты мира и бытия.

Чтобы подвести некоторый общий знаменатель под идеи двух философов, можно охарактеризовать сказанное ими как критику, но критику даже не самой вещи, а специфического отношения к ней в рамках субъект-объектного дуализма. В таком случае все становится на свои места. Субъект есть, в конечном итоге, тот, для кого бытие становится сокрытым. Субъект есть тот, кто переживает вещь в свете ее неполноты, ущербного состояния, характеризующегося противопоставлением имманентному способу бытия.

Связь субъекта с объектом четко фиксируется Батаем: «Общее представление о мире вещей основывается на том, что это как бы мир деградации. Но этот самый мир накладывает свой отпечаток на того, кто его же и создал. В этом отчетливо проглядывается фундаментальный принцип: подчинение означает, что наряду с преобразованием элемента, находящегося в подчиненном положении, тот, кто осуществляет преобразования, претерпевает перемены в себе самом. Орудие труда преобразует как природу, так и человека...» [1, с. 40].

Как и объект, субъект возникает в качестве нарушения имманентного континуума бытия. *Субъект характеризуется двояким образом.* Во-первых, как создатель вещи, он дифференцирует вещь как от окружающего мира, так и от себя самого. Тем самым он привносит в порядок имманентного то конститутивное разделение, которое отсутствует в ситуации «животного поедаемого и поедающего» [1, с. 5] и которое становится основой для отношений утилитарного использования вещи и господства над этой вещью. Отношения господства и подчинения, прагматический расчет характеризуют «светский миропорядок» т.е. порядок вещей и «вещного» к ним отношения. Однако в ходе этих отношений, субъекта никогда не покидает ощущение того, что сам он не может быть до конца редуцирован до положения вещи, *что сам он вещью как раз не является*. «С орудием труда возникает характер привнесенности в такое мироздание, где субъект ощущает *свою сопричастность* к различаемым им тем или иным

элементам, где, наряду с сопричастностью к окружающему его миру, он пребывает "как поток воды в водной стихии"». Принадлежа до некоторой степени вещному и будучи вписанным в порядок вещей, субъект тем не менее осознается и как нечто не-вещное, переживаемое в связи с неовеществленной имманентностью бытия. Эта связь позволяет противопоставить субъект объекту не только в функции господства и подчинения, но и в качестве более ценной, самодостаточной сущности, констатирующей свое родство с миром имманентного и миром других субъектов.

В то же время конститутивную характеристику субъекта составляет та особенность, что он, как и объект, является следствием нарушения принципа имманентности, т.е. выпадает из региона имманентного, и, поскольку он имеет дело с производимыми им самим объектами, никак не способен вернуть себе утраченный регион бытия. Опрашивающее исследование объектов на предмет их подлинного смысла, т.е. такого, который не исчерпывался бы прагматической значимостью, а отсылал бы к некоторому самодовлеющему, «самовластному», как говорит Батай, существованию, способно привести лишь к ощущению бессмысленности. «Абсурдность подобного бесконечного перечисления взаимообусловленных целей уже сама по себе является отражением той абсурдности, которой оборачивается бесплодное стремление определить некую истинную цель. Поиск «истинной цели» способен привести лишь к существу, пребывающему в состоянии единения с окружающим подобно потоку воды в водной стихии» [1, с. 27].

Постоянное чувство причастности порядку имманентного, контраст между имманентным и вещным способами бытия заставляют субъекта ощущать недостаточность последнего, ущербность вещи, *равно как и свою собственную ущербность*, поскольку он пребывает в порядке вещей и сам оказывается низведен до положения вещи. Первичное отчуждение, возникающее между субъектом и объектом при появлении орудия труда как «исторически первой» вещи, распространяется на окружающий мир по мере развития культуры как сферы производства, использования и потребления вещей, пронизанной соответствующими отношениями. «Сельскохозяйственная продукция, как и скот, используемый в животноводстве, являются

вещами, также как и хлебопашец, и скотник в процессе труда выступают в качестве вещей. Все это в совокупности своей является чуждым бескрайней имманентности, при которой не существует ни различий, ни пределов. Человек в той степени, в какой он представляет собой бескрайнюю имманентность, живое существо, *частицу* мироздания, оказывается чуждым себе самому» [1, с. 42].

Наряду с классической марксисткой схемой отчуждения, в рассуждениях Батая можно усмотреть квазилакановскую критику субъективности. Как мы выяснили, субъекту свойственно распоряжаться объектами и в то же время неизбежно оставаться неудовлетворенным в силу своей конститутивной ущербности, которая обусловлена разрывом с первоначальной целостностью региона имманентного. Категория имманентного у Батая имеет близкий коррелят – лакановское Реальное. «Реальное в первом приближении может быть описано как регистр опыта, в котором отсутствует какое-либо различие или нехватка» [2]. Своеобразной метафорой регистра Реального для Лакана является внутриутробное состояние, в котором наблюдается состояние абсолютного единения с окружающей средой. Появление на свет предстает как «родовая травма», характеризующаяся разрывом с «имманентным» Реальным и биопсихической недоразвитостью человеческого младенца, не позволяющей ему гармонично вписаться в окружающий мир и обрести новую имманентность взамен утраченной, подобно тому, как это делают животные.

Лакановский субъект конституируется в разрыве с Реальным и в его отсутствии. Отсюда – желание как неотъемлемое, фундаментальное свойство субъекта, желание, продиктованное неосознаваемым стремлением вернуться в регистр Реального. Поскольку такое возвращение является в принципе невозможным, желание оказывается направленным на образующиеся в регистре Воображаемого объекты. Они выступают своеобразным «суррогатом», одновременно и провоцируя желание, и подчеркивая невозможность его удовлетворения.

Очевидное морфологическое сходство между критикой субъекта у Лакана и Батая просматривается в идее изначальной негативности, ущербности как конститутивного свойства субъективности и укорененных в ней интенций. В порядке общей

компаративистики можно было бы, разумеется, указать и на ряд существенных различий, в частности, на тот факт, что объекты Воображаемого у Лакана, являются непосредственными адресатами желания, в то время как для Батая жажда имманентного недвусмысленно направлена за пределы объекта как такового, подлежащего в своей вещности разрушению, а не желанию. Однако существенным моментом здесь выступает как раз критика субъекта как изначальной негативности, некоторого опыта отсутствия и стремления компенсировать нехватку, критика, состоящая в тесной связи с критикой вещи, также данной в свете отсутствия некоторого подлинного бытия. Вероятно, подходящей иллюстрацией этой связи двух конститутивных негативностей будут слова А. Кожева, вынесенные Батаем в эпиграф работы «Теория религии»: *«Желание преображает Существо человека, выявляемое им в процессе познания (истинного) самого себя в качестве некоего «объекта», раскрывающегося некоему «субъекту», отличному от объекта и «противопоставляемому» объекту. Именно исходя из Желания, будучи побуждаемым им, более того, олицетворяя Желание, человек формирует и проявляет себя – по отношению к себе самому, как и по отношению к другим – в качестве некоего «Я», в качестве «Я», существенно отличающегося и коренным образом противопоставляемого всему, что не есть «Я». «Я» (присущее человеку) есть не что иное как «Я» олицетворяющее Желание»*.

Собственно говоря, проблематика *языка* и у Батая, и у Лакана, и у Хайдеггера схожим образом возникает в контексте субъект-объектного отношения, отношения которое характеризуется, с одной стороны, положением вещи, как некоторого опыта ущербности, данности в свете неподлинного бытия, а с другой – укорененной в самом существе субъективности интенции, направленной на устранение ущербности, на обретение более полного и целостного опыта, предположительно предшествующего установлению отношений по схеме субъект – объект. Отталкиваясь от признания фундаментального статуса языка, Батай, Лакан и Хайдеггер формулируют то, что можно обозначить как *три* различающиеся, но вместе с тем симметричные стратегии осмысления роли языка в том, что касается бытия и субъективности. Первая, «положительная» стратегия, принадлежащая Хайдеггеру, состоит в том, чтобы рассматривать язык как

нечто, в чем сокрытое бытие в конечном итоге проговаривает себя посредством человека и, таким образом, время от времени, возвращает себя нам. Вторая стратегия, которую можно условно считать противоположной, принадлежит Лакану, для которого язык выступает как источник запрета, как та инстанция, которая накладывает ограничение на коренящиеся внутри субъективности интенции возвращения к утраченному региону бытия. Наконец, стратегия Батая, состоит в том, чтобы рассматривать языковые практики в качестве некоторой попытки человека уловить утраченное переживание бытия, оставаясь, вместе с тем, на позициях сформировавшейся субъективности. Согласно Батаю, «поэзия не описывает ничего, что не соскользнуло бы в область непознаваемого» [1, с. 19], т.е. закрытого от нас самим существом субъект-объектного отношения. Однако всякое такого рода описание, в котором язык обращается к закрытому от нас переживанию бытия, есть не просто поэзия, но «поэтическая ложь» [1, с. 17], т.е. попытка, заведомо обреченная на неудачу, но не теряющая от этого всей своей волнующей привлекательности, очарования иллюзии приобщения к утраченному.

Литература

1. *Батай, Ж.* Теория религии / Ж. Батай. Минск: Современный литератор, 2000.
2. *Горных, А.* Лакан / А. Горных // История философии: Энцикл. Минск: Интерпрессервис, 2002.
3. *Хайдеггер, М.* Исток художественного творения / М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993.

Михаил Кричалло
(ЕГУ, г. Вильнюс)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ DASEIN-АНАЛИЗ: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Представлен анализ истории развития и методологических оснований такой области современного психологического знания, как Dasein-анализ. Систематизированы сведения об этом направлении, рассмотренаа методология Dasein-анализа, представленная учением М. Хайдеггера и его последователей Л. Бинсвангера и М. Босса.

There is presented the history of development and methodological foundations of such a branch of the contemporary psychological knowledge as Daseinsanalysis. The diverse information about this direction is systematized, the methodology of Daseinsanalysis, represented in the doctrine of M. Heidegger and his followers L. Binswanger and M. Boss, is analyzed.

Ключевые слова: Dasein-анализ, Dasein-аналитика, фундаментальная онтология, феноменология, экзистенциальная психология.

Key words: Daseinsanalysis, Daseinsanalytics, existential psychology, fundamental ontology, phenomenology.

Краткая история возникновения и эволюции Dasein-анализа

Dasein-анализ как метод психотерапии имеет не слишком долгую, но и не слишком короткую историю. Ее начало связано с выходом книги известного немецкого философа М. Хайдеггера «Бытие и время» в 1927 г. Как известно, эта книга стала поворотным пунктом для многих мыслителей XX в. и явилась причиной бурного развития философско-антропологической мысли.

Данный процесс затронул и психологическую науку. Книга Хайдеггера, заложив мощный фундамент для эволюции экзистенциализма как философской школы, также изменила взгляды многих европейских и американских психологов на сущность человека, что в значительной степени отразилось в их психологических концепциях. Одним из первых психологов на концепцию Хайдеггера откликнулся швейцарец *Людвиг Бинсвангер* (1881–1966). Он являлся представителем так называемой «антропологической психиатрии», развивавшейся в 20-х гг. XX в. Бинсвангер сформировал концепцию, которая явилась сплавом двух областей – учения Хайдеггера и антропологической психиатрии (наилучшим образом она изложена в книге «Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins», вышедшей в 1942 г.), за что был раскритикован как многими психиатрами, придерживавшимися «классического» взгляда на психику человека и ее нарушения, так и самим Хайдеггером, который утверждал, что Бинсвангер его не совсем правильно понял. Однако, как выразился сам Бинсвангер, это было «продуктивное недоразумение» [9, с. 85], и созданная им концепция по праву считается одной из ключевых в экзистенциальном направлении психологической мысли.

Однако адаптация Бинсвангером философии Хайдеггера к клинической практике имела прежде всего исследовательский характер и была в целом лишена практической значимости, что решили исправить представители так называемой цюрихской школы Dasein-анализа во главе с *Медардом Боссом* (1900–1980). Важнейшей задачей для них являлось практическое применение учения Хайдеггера в психотерапии. Босс продолжил разработку Dasein-аналитики Хайдеггера, изложенной в книге «Бытие и время», расширив ее на психотерапевтической основе. В методическом плане психотерапевтическая процедура, разрабо-

танная Боссом и его коллегами, была схожа с психоанализом, однако методологическая и интерпретативная основа состояла из двух элементов: феноменологического анализа переживаний, «сетей смыслов и значений» человека, с одной стороны, и Dasein-аналитической интерпретации полученной информации, с другой.

Наиболее известные работы Босса – «Der Traum und seine Auslegung» (1953), «Psychoanalyse und Daseinsanalytik» (1957), «Grundriß der Medizin und Psychologie» (1971, 1975), «Es träumte mir vergangene Nacht...» (1975). Особенной значимостью обладает теория сновидений и метода их интерпретации, получившего название *феноменолого-герменевтического*. Разработанная Боссом и коллегами схема психотерапевтической процедуры оказалась востребованной; ею заинтересовались многие европейские специалисты. Сам Босс основал институт Dasein-аналитической психотерапии, который за десятилетия своей деятельности значительно эволюционировал и превратился в крупный исследовательский и практический центр.

В настоящее время Dasein-анализ как метод психотерапии широко распространен в Европе и практикуется в таких институтах, как Швейцарское объединение Dasein-аналитической психотерапии (SFDP), Австрийский институт Dasein-анализа (ÖDAI), Немецкое общество Dasein-анализа (DGDA), Французское общество Dasein-анализа (EFDA).

Dasein-аналитика М. Хайдеггера

Введение в Dasein-аналитику Хайдеггера

Ключевую цель своей главной работы «Бытие и время» М. Хайдеггер обозначил как *поиск «смысла **бытия вообще»***. Связующее звено между бытием *вообще* и *человеческим* бытием Хайдеггер находит в том, что только через понимание смысла *человеческого* бытия можно открыть смысл бытия *вообще*. Таким образом, немецкий мыслитель предпринимает анализ человеческого бытия не ради него самого, но для того, чтобы прийти к бытию как таковому, однако указывает, что анализ человеческого бытия, т.е. ***бытия Dasein***, – *единственный* способ продвижения к смыслу бытия как такового, поскольку, по его

словам, бытие открывает свой смысл *только через Dasein*, т.е. только через *самого человека*.

Хайдеггер заменяет понятие «человек» понятием *Dasein* по ряду причин. Прежде всего, «Dasein» – сравнительно нейтральный термин, в котором нет каких-либо наперед характеризующих его сущность черт (как, например, в случае с обозначением человека через homo sapiens, animal rationale, zoon politicon и др.) [1, с. 18]. Dasein – это определение человека не через его черты, или сущность, а через *способ его существования*. Этимология термина *Dasein* может быть прояснена следующим образом: понятием *Dasein* (*нем*. da – «вот», «здесь», sein – «быть», «бытие») Хайдеггер определяет сущее через его бытие; он ставит вопрос не о «*что*» Dasein, а о «*как*» Dasein. Иными словами, Dasein – это определение сущего (человека) через способ его бытия, т.е. через то, *как* оно (он) *есть*. На этом основано и применение Хайдеггером *феноменологического* метода, который он использует несколько в иной плоскости, нежели представители феноменологической философии: для него это такая философская установка, которая не только стремится в исходной позиции «не использовать заданных точек зрения» и «достичь беспредпосылочности знания», но и которая позволяет феноменам «самим себя показывать», причем исключительно посредством языка [6, с. 32, 39].

Понятием *Dasein* Хайдеггер суживает и конкретизирует понятие *человек*, рассматривая последнего в контексте его существования, а конкретность эта выражается в обращении к конкретному сущему, с позиции его *присутствия*, т.е. нахождения в определенном «месте» – «*топосе бытия*» (т.е. «вот», «здесь»; наилучшие русские переводы термина *Dasein* – «вот-бытие», «здесь-бытие»). Приведем непосредственно данное в «Бытии и времени» определение данного понятия: *Dasein*, по Хайдеггеру, это то сущее, которое способно «вопрошать» о своем бытии, стремиться к его пониманию и смыслу, т.е. *обращаться* к нему, быть в определенном к нему *отношении* [5, с. 27].

Важным значением для Хайдеггера обладает размежевание сущего и его бытия, экзистенциального и экзистентного. ***Экзистенциальное*** (т.е. характеризующее *существование* человека) – это *условие* образования ***экзистентного*** (характеризующего эмпирически познаваемую *сущность* человека). В этом

нам видится эвристичность мысли Хайдеггера, построившего мостик между тем, что образует *возможность* человека, и тем, что им самим является. В своей работе Хайдеггер осуществляет достаточно трудную задачу – задачу глубокого психологического анализа повседневности (посредством феноменологической интерпретации ее самим человеком) и обозначения понятий, которые играют в жизни человека главенствующую роль и присутствуют *изначально*. Через них он и приходит к пониманию того, *что* образует онтологическую (бытийную) сферу Dasein.

Итак, Хайдеггер предпринимает попытку ***анализа*** (т.е. вычленения структур системы в целях «возвращения к связности» в этой системе) Dasein для того, чтобы раскрыть смысл бытия последнего; этот анализ предстает в его работе как последовательное вычленение характеристик, свойственных исключительно способу бытия *Dasein*. Эти характеристики он называет ***экзистенциалами***. Сам же процесс вычленения данных характеристик в их связи, а затем и единстве Хайдеггер и называет *Dasein-аналитикой*. Последняя осуществляется им в двух направлениях: сначала это последовательное вычленение характеристик бытия Dasein исходя из того, что способ бытия Dasein есть «бытие-в-мире», – эту стадию Хайдеггер называет *предварительной* Dasein-аналитикой; а затем следует этап уже интегративной Dasein-аналитики исходя из целостности всех характеристик бытия (экзистенциалов) Dasein, которую Хайдеггер видит во *временности* последнего. Мы последовательно рассмотрим оба эти этапа.

Предварительная аналитика Dasein

Согласно Хайдеггеру, Dasein проявляет себя прежде всего как ***бытие-в-мире*** (das In-der-Welt-sein). Это понятие обозначает «исходную синтетическую сращенность» Dasein и окружающего его мира [4, с. 55], неотделимость Dasein от мира, своеобразную «погруженность» в него. Иными словами, Dasein не может существовать без окружающего его мира; причем ***«мир»*** понимается Хайдеггером не только как некая целостность функционально взаимосвязанных вещей и объектов, окружающих человека, но прежде всего как *пространство его возможной деятельности*, пространство его существования [3, с. 232]. Таким образом,

бытие-в-мире – это исходная характеристика бытия Dasein, его исходный экзистенциал.

Этот экзистенциал обладает своей структурой, которая состоит из трех элементов (модусов): «*мирность*» (die Weltlichkeit), «*со-бытие*» (das Mit-Sein) и «*бытие-в*» (das In-Sein).

«***Мирность***» Dasein означает неотъемлемую функциональную взаимосвязь Dasein с материальными предметами («вещами»), находящимися в мире, т.е. в окружении человека. Согласно Хайдеггеру, вещи обретают свое бытие лишь исходя из бытия Dasein; последнее «наполняет» их значением и тем самым придает им сущность.

«***Со-бытие***» Dasein означает то, что оно всегда существует в сообществе с другими Dasein, т.е. с другими людьми. Благодаря сосуществованию в едином мире с другими людьми, которые существуют тем же способом, что и Dasein, последнее способно понимать других людей.

Наконец, третий модус «бытия-в-мире» Dasein – «***бытие-в***» – определяется Хайдеггером через понятие «разомкнутости» (die Erschlossenheit) Dasein. «Разомкнутость» Dasein означает непосредственное понимание Dasein своей *фактичности* и своего *места*, т.е. осознание Dasein того, что оно изначально находится *уже внутри* определенного экзистенциального пространства. Посредством такого рода осознания Dasein *обращается* к той структуре, в которую она помещена, – т.е. таким образом и проявляет свою «разомкнутость».

Хайдеггер также выделяет три экзистенциала «разомкнутости» Dasein: «*расположенность*» (die Befindlichkeit) – означающую исходное нахождение Dasein в ситуации своего существования, т.е. своего рода «заброшенность» (die Geworfenheit) Dasein в бытие, которую Dasein наперед не выбирало, а в которой лишь «оказалось», «нашло себя»; «*понимание*» (das Verstehen) – обозначающее способ, которым мы «проживаем» свою «заброшенность» в мир; и «*речь*» (das Reden), означающую артикуляцию (процесс вербализации) Dasein своего понимания. Эти три экзистенциала в их взаимосвязи определяют *фактичность* бытия Dasein, т.е. именно они создают сам *факт* присутствия Dasein в мире.

Аналитика Dasein через его временность

Завершив таким образом предварительную аналитику Dasein через понимание его бытия как «бытия-в-мире», Хайдеггер указывает на исходную неполноту проведенного анализа, так как последний был предпринят как последовательное изложение отдельных исходных характеристик бытия Dasein, но не схватывает бытие Dasein в целом. Сама категория *целостности* бытия Dasein для Хайдеггера является самой существенной во всей его структуре; бытие Dasein, по его мнению, это прежде всего *целостное* бытие.

Целостность бытия Dasein Хайдеггер видит во *временности* последнего. Для того же, чтобы охарактеризовать понятие временности, Хайдеггер использует еще один экзистенциал Dasein – *«**забота**»* (die Sorge), выражающий, по его мнению, *исходное онтологическое единство* Dasein, а не просто факт его присутствия (как в случае с «разомкнутостью»). Главная характеристика «заботы» – это то, что она обладает характером «впереди-себя-бытия». Иными словами, Хайдеггер подводит нас к пониманию Dasein как «заботящегося» сущего, т.е. «пекущегося» о своем будущем, постоянно *забегающего* в свое будущее. Чтобы понять эту озабоченность Dasein будущим, нам следует проанализировать еще одно понятие, вводимое Хайдеггером, – это *«**тревога**»* (die Angst), представляющее собой переживание осознания Dasein своей «недостаточности» («нехватки»), которая проявляется, во-первых, в «обреченности» Dasein на «бытие-возможным» (т.е. на постоянно присутствующий горизонт возможностей и непрестанное «созидание» Dasein самого себя), а во-вторых, в его конечности и смертности. Именно обозначенное осознание, т.е. «тревога», делает возможным продуктивное, позитивное функционирование Dasein исходя из тех возможностей, которые оно имеет, т.е. исходя из своего будущего (это обращение к будущему и есть «забота»).

Однако целостное существование Dasein отнюдь не гарантировано лишь присутствием «тревоги», а «забота» способна проявить себя только через *«**решимость**»* (die Entschlossenheit), обозначающую *предвосхищающий* характер бытия Dasein, раскрывающий его как целое. Понятие «решимости» включает два аспекта: во-первых, это волевой акт решимости как «открытости

Dasein зову совести», во-вторых, это непрерывная «открытость» Dasein бытию, постоянное предвосхищение им своих возможностей.

Теперь следует проанализировать понимание Хайдеггером собственно ***времени***. Время он понимает двояко: как исходную онтологическую структуру (которую философ впоследствии и именует «смыслом бытия») и как экзистенциал (т.е. исходное условие существования) Dasein. Сконцентрируем наше внимание на последней характеристике.

Время как экзистенциал Dasein – это и есть «*временность*» (т.е. экзистенциал времени). Характеризуя отношение временности Dasein к времени бытия, Хайдеггер говорит, что время «раскрывается для Dasein» через «временность» последнего. Время как экзистенциал представлено в единстве трех своих модусов: модуса «наступления» (будущее), модуса «ставшего» (прошедшее) и модуса «непрерывного горизонта актуальности Dasein» (настоящее). Особенно примечательным для концепции Хайдеггера является то, что он считает модус «наступления» (будущего) *исходным* модусом, через который только и возможны остальные. Однако следует отметить, что взаимодействие всех трех модусов осуществляется *непрерывно* и «единым потоком», т.е. природа времени – это *длящаяся* природа, неразложимая на части, промежутки, а присутствующая *целостно* в трех обозначенных модусах.

Dasein-анализ как метод исследования психики (Л. Бинсвангер)

Dasein-анализ Л. Бинсвангера – это исключительно *метод исследования психики* больных (наряду с другими методами, применяемыми в клинике), задачей которого является целостное феноменологическое постижение внутреннего мира больных. Понятие «внутреннего мира» Бинсвангер черпает из идеи Хайдеггера о том, что человек есть *бытие-в-мире* (в принципе, это и есть то, что Бинсвангер подразумевает под Dasein). Однако Бинсвангер понимает *мир* несколько по-иному, чем Хайдеггер, а именно как целостную совокупность *смыслов и значений*, которыми человек наделяет окружающие предметы и людей, а также самого себя. Мир – это своеобразный «горизонт», вну-

три которого обретает значение все, что человек переживает, думает и делает. Человек, согласно Бинсвангеру, должен рассматриваться, прежде всего, *исходя из его мира*, который сам же этим человеком осознанно и неосознанно конституируется. Мир – это своеобразный «горизонт», внутри которого обретает значение все, что человек переживает, думает и делает [10, с. 105–106].

Понятие «бытия-в-мире» связано с понятием *экзистенциальных априори*, вводимых Бинсвангером как своего рода заменителей экзистенциалов Хайдеггера. Он считает, что также, как Хайдеггер выделяет отдельные характеристики существования *абстрактного* Dasein, можно выделить и характеристики существования *отдельного* Dasein, т.е. отдельного человека, которые будут структурировать конкретный горизонт его опыта. Бинсвангер определяет экзистенциальные априори как априорные структуры, конституирующие человеческий опыт в целом. Они же обеспечивают и *целостность* существования человека. Эти структуры дают возможность «событиям быть событиями» во всех сферах опыта человека: временной, пространственной, личностной, социальной и др.; это такие категории, которые объясняют весь мир пациента, не требуя, чтобы один аспект его мира (например, социальный или временной) был основой для объяснения остальных [2, с. 36].

Л. Бинсвангер говорит об экзистенциальном априори и как о своего рода проявлении *заботы* в каждом конкретном человеке, которую он вслед за Хайдеггером считает той характеристикой существования человека, которая определяет его *целостность*. Однако Бинсвангер не согласен с тем, что забота является онтологически первичной и наиболее значимой в структуре существования человека. Он противопоставляет заботе *любовь*, которая, на его взгляд, охватывает все модусы существования человека – сингулярные, дуальные и плюральные, в то время как забота – только сингулярный.

Также одним из центральных понятий в Dasein-анализе Бинсвангера является *миропроект*, который часто отождествляется им с экзистенциальным априори, однако зачастую обладает и своей собственной спецификой. Он обозначает миропроект как индивидуальные наброски человеком себя в будущем, как своего рода реализацию обращенности человека в будущее,

озабоченности будущим. Миропроект является своеобразным стержнем, вокруг которого конституируется мир человека.

Таким образом, Л. Бинсвангер сделал первую попытку адаптации учения Хайдеггера в психологии. Основная ценность метода, разработанного Бинсвангером, – это, на наш взгляд, возможность феноменологического проникновения в психику больного и понимания смысловых структур, которые определяют его поведение.

Dasein-аналитическая психотерапия (М. Босс и его последователи)

В связи с тем, что в концепции Л. Бинсвангера основное внимание уделялось собственно психологическому исследованию больных, а терапевтическая сторона не рассматривалась, цюрихская школа Dasein-анализа, возглавляемая *Медардом Боссом*, сосредоточила свою деятельность на возможностях практики. Во избежание недопонимания учения Хайдеггера, случившегося у Л. Бинсвангера, М. Босс на протяжении десяти лет организовывал беседы с самим Хайдеггером – так называемые Цолликоновские семинары, – создавая и корректируя свою концепцию психотерапии.

Dasein-аналитическая психотерапия определяется самими Dasein-аналитиками как форма глубинной психотерапии феноменолого-герменевтического направления, которая основывается на экзистенциально-онтологической антропологии.

По Боссу, *Dasein* – это то, *как* понимает себя человек. Dasein характеризуется следующими основными чертами: *открытостью миру*, *пониманием бытия* и *самопознанием* [7]. Открытость миру подразумевает не только познание наличествующих в нем вещей, но также и понимание других людей, поэтому Босс и говорит, что мир Dasein – это прежде всего *die Mitwelt*, т.е. «мир-сосуществования-с-другими-людьми».

В основе Dasein-аналитической психотерапии лежит *феноменологический подход* к психическим явлениям. По Боссу, его использование обусловлено самой теорией Dasein-анализа: Dasein характеризуется открытостью миру, что подразумевает возможность «непосредственного понимания» (unmittelbares Verständ-

nis) любым человеком сосуществующих людей, а следовательно, и феноменологического постижения психических явлений.

Цель Dasein-анализа состоит в обеспечении и восстановлении фактического исполнения *свободы* человека – совокупность имеющихся у человека возможностей поведения, которые он может свободно реализовать. Если свободное исполнение этих возможностей нарушено, то человек оказывается психически больным. Таким образом, подчеркивается первостепенная важность не работы по устранению определенных психически вредных *симптомов*, а работы по восстановлению самой *способности существовать* с наибольшей степенью реализации своей свободы.

Наиболее значимой частью Dasein-аналитической психотерапии является *язык*. Психотерапия осуществляется через язык, через говорение, слушание и молчание. Язык носит «сочеловеческий» (mitmenschlich) характер, т.е. осуществляет экзистенциал «со-бытия», по Хайдеггеру, а поэтому является связующим звеном между людьми, способствуя их взаимопониманию. Посредством языка осуществляются *сообщение, откровение, раскрытие, обнаружение истины,* представляющие собой фундамент Dasein-аналитической психотерапии. В терапевтическом диалоге «высказывание» клиента позволяет ему представить самого себя, узнать себя по-новому и глубже, понять себя намного лучше. Посредством языка осуществляется «раскрытие» *смыслов* и *значений*, присущих конкретному человеку и определяющих его бытие-в-мире, что является, по сути, одной из важнейших задач Dasein-аналитической психотерапии.

Таким образом, основными понятиями Dasein-аналитической терапии Босса стали *открытость* и *свобода*. Человека он также рассматривает как Dasein, только понимает под ним не столько бытие-в-(индивидуальном)-мире, как Бинсвангер, сколько бытие, *открытое* миру, который является не «внутренним», а внешним – «встречаемым», «находимым». Человек может быть как открыт, так и частично закрыт этому миру; цель психотерапии – сделать его открытость максимальной. *Свобода* же определяется как реализация всех имеющихся у человека экзистенциальных возможностей.

Литература

1. Dasein-анализ в философии и психологии: сб. ст. под ред. А.А. Михайлова и Г.М. Кучинского. Минск, 2001. 203 с.
2. *Бинсвангер, Л.* Бытие-в-мире / Л. Бинсвангер. М.; СПб., 1999. 299 с.
3. *Никифоров, О.* Философский и психотерапевтический Dasein-анализ / О. Никифоров // Логос. 1998. № 1. С. 230–239.
4. *Ставцев, С.* Введение в философию Хайдеггера / С. Ставцев. СПб., 2000. 190 с.
5. *Хайдеггер, М.* Бытие и время / М. Хайдеггер. Минск, 2003. 510 с.
6. *Херрманн фон Ф.* Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля / Ф. фон Херрманн. Минск, 2000. 191 с.
7. *Condrau, G.* Daseinsanalyse / G. Condrau [Electronic resource]. Mode of access: www.daseinsanalyse.com/sfdp/da-allg.html.
8. *Heidegger, M.* Zollikoner Seminare / M. Heidegger. Frankfurt/M., 1987. 369 s.
9. *Holzhey-Kunz*, *A.* Psychopathologie auf philosophischem Grund: Ludwig Binswanger und Jean-Paul Sartre / A. Holzhey-Kunz // Schweizer Archiv Für Neurologie Und Psychiatrie. 2001. № 3. S. 104–113.

Елена Артёменко
(ЕГУ, г. Вильнюс)

КАТЕГОРИЯ МАССОВИДНОЙ ОБЩНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Исследование посвящено различным подходам к определению массовидных общностей. Описаны разные концепции и сделан вывод о том, что все проявления массовидных общностей в наиболее зрелом виде сводятся к двум основным формам: толпе и разрозненной массе. Для того чтобы доказать единство этих по-разному проявляющихся социальных феноменов, был использован подход Г. Блумера, который описывает этапы возникновения толпы. Делается вывод о целостности понятия «массовидная общность» и возможности говорить о ней как о единой категории социального знания.

The research deals with different approaches to definition of mass communities. It describes main conceptions and allow to conclude that all the types of mass communities can be divided into two main forms: crowd and separated mass To demonstrate the unity of that form's Blumer's approach to rising of crowds is used. It allows to conclude that we can study mass communities as unity, hole phenomenon of social knowledge.

Ключевые слова: массовидная общность, разрозненная масса, толпа.

Key words: мass community, separated mass, crowd.

Массы в разное время и в разных обществах часто играли роковую роль. Массовидные явления то и дело охватывали человечество, принимая разнообразные формы: толпы и публики, толчеи и общественности. Изучение специфики функционирования масс позволяет раскрыть механизмы таких явлений, как мода, религиозные движения, культы вождя. Массовые общности интересовали ученых с самого начала становления психологии, социологии и политологии. В процессе формирования теории массовидных общностей было описано большое количество форм и подходов, и часто таких разнообразных, что встает вопрос, можно ли их относить к одному и тому же социальному явлению.

Традиционно первым ученым, всерьез заговорившим о массовидных общностях и их роли в общественной жизни, считается Г. Ле Бон. Французский ученый, исследуя психологию рас и народов, столкнулся с феноменом толп. Его творчество относится ко второй половине XIX в., когда во Франции уже в течение долгого времени происходили бурные политические процессы, вызываемые толпами и питаемые ими. «Обеспокоенный реальным положением дел во Франции, Гюстав ле Бон ищет противоядия беспорядкам, производимым толпами. И он находит его не в истории, не в экономике, а в психологии. Она его наводит на мысль о существовании «души толп», состоящих из элементарных импульсов, объединенных сильной верой и маловосприимчивых к опыту и разуму. Совершенно так же, как «душа индивидов» подвержена внушающим влияниям гипнотизера, погружающего человека в сон, «душа толп» подчиняется внушениям вождя, который навязывает ее свою волю» [3, с. 3]. Конечно, можно говорить о том, что некоторые идеи развивались и до Г. Ле Бона. Считается, что предшественником теорий массовидных общностей является Ф.Ницше, у которого отличительной чертой массы было преклонение перед всем заурядным [4, с. 18]. «Термин «массы» в обществознании появляется в контексте аристократической критики социальных перемен XVII–XIX вв. Впервые англичанин Э. Берк и француз Ж. Де Местр назвали пугающую тогдашних аристократов силу «толпой» или «массой». Л.Г. Бональд выступал против разрушения средневековых групп и корпораций, что превращало общество на его взгляд в «массу изолированных индивидов». Поначалу это были образные, опи-

сательные и оценочные, идеологические выражения, однако со временем они превратились в научные понятия» [4, с. 14]. И статус научности подобного рода концепции приобрели именно в творчестве Г. Ле Бона. Он, абстрагировавшись от царивших в то время представлений о толпах, выделил основное, по его мнению, в сути этого явления. «Основной характерной чертой толп является слияние индивидов в единый разум и чувство, которые затушевывают личностные различия и снижают интеллектуальные способности. Каждый стремится походить на ближнего, с которым он общается» [3, с. 2]. При этом особенно важным принципом формирования и существования толп считается заражение «Заражаемость есть легко констатируемый, но не объяснимый феномен гипнотического рода... В толпе заразительно каждое действие, каждое чувство, и при том в такой сильной степени, что индивид очень легко действует своим личным интересом в пользу интересов общего. Это – вполне противоположное его натуре свойство, на которое человек способен лишь в качестве составной части массы» (цит. по [4, с. 71]).

Идеи Г. Ле Бона продолжил и развил Г. Тард, предложив новую форму описания массовидных общностей – публику. «Каждому типу связи, говорит он, соответствует некоторый тип социального сообщества: традиционной коммуникации из уст в уста – толпа; современной коммуникации, берущей свое начало с газеты – публика» [3, с. 1]. «В первых имеет место физический контакт, во вторых – чисто психическая связь. Взаимные влияния, которые в физических общностях проистекают от близости тел, звука голоса, возбуждения и воздействия взгляда, в последних возможны благодаря общности чувств и мыслей. Поэтому толпы быстрее действуют и реагируют, подвергаются эмоциям, проявляют чрезмерный энтузиазм или панику. Публика медленнее приходит в движение, сложнее включается в героические или жестокие действия, короче говоря, она умереннее. С одной стороны, имеет место сенсорное заражение, с другой – чисто интеллектуальное, чему способствует этот чисто абстрактный, но вполне реальный тип объединения людей» [3, с. 1–2]. Подражание же друг другу Г. Тард считал главным механизмом массовой психологии (см. [4, с. 70]).

Самым верным последователем Ле Бона и Тарда С. Московичи называет З. Фрейда. Московичи пишет: «Посмотрим правде

в глаза. Именно своим трудом, опубликованным в 1921 г., точное название по-французски «Психология масс и анализ Я», Фрейд делает свой первый рейд, если угодно, официальный, в область социальной психологии. В рамках анализа индивидуального «Я», в его следствиях он обнаруживает проявления социального. Не только в виде другого человека, просто другого или другого в нейтральном или абстрактном смысле, которую ему придают ныне, чтобы скрыть под видом другого конкретную идентичность. Но и в виде масс, неорганизованных или организованных, и вождей. Социальное – тем более беспокоящее и завораживающее одновременно, что оно воплощается массами – непосредственно связано с тем, что индивид вытесняет – в полной мере проясняет то, что так трудно достижимо» [3, с. 2]. Основным моментом, формирующим массовое поведение, Фрейд считал внушение, и в нем, по его мнению, была причина действия и подражания, и заражения. Роль вербального убеждения как разновидности внушения, согласно Фрейду, состоит в том, что масса часто легко попадает под «поистине магическую власть слов, которые способны вызвать в массовой душе страшнейшие бури или же эти бури укрощать» [4, с. 80].

Описывая основные, базовые концепции, касающиеся масс, нельзя не вспомнить и Х. Ортега-и-Гассета, попытавшегося создать целостную теорию массового общества в форме «аристократического» или консервативный вариант. Суть его концепции достаточно проста: «неблагодарные массы» вместо того, чтобы следовать за элитой, «рвутся к власти», хотя совершенно не обладают способностью управлять, и пытаются вытеснить элиту из ее традиционных сфер – политики и культуры».

Названные авторы в своих работах сформировали базу, на которую опирались все теоретики массовидных общностей в западной социологии и социальной психологии в XX в. Они очертили основные направления изучения масс, а именно, анализ реально существующих и непосредственно взаимодействующих толп и рассеянных, абстрактных масс, а также определили основные формы функционирования подобного рода социальных структур: внушение, заражение и подражание. Ольшанский предлагает в отдельных случаях выделять и такую форму, как убеждение, ссылаясь на высказывания З. Фрейда и под-

ход Б.Ф. Поршнева, у которого «убеждение является словесно-логическим вариантом внушения» [4, с. 79].

Однако в современной науке отсутствует общий ответ на вопрос о том, что представляет собой массовидная общность. Разные исследователи выделяют различные определяющие черты этого явления. Ольшанский предлагает следующую типологию трактовок масс:

1) как толпа (традиции Г. Ле Бона);

2) как публика (последователи Г. Тарда);

3) как гетерогенная аудитория, противостоящая классам и относительно гомогенным группам (Э. Ледерер и Х. Арендт, например, считали массы продуктом дестратификации общества, своего рода «антиклассом»);

4) как «агрегат людей, в котором не различаются группы или индивидуумы» (У. Т. Корнхаузер);

5) как уровень некомпетентности, как снижение цивилизации (Х. Ортега-и-Гассет);

6) как продукт машинной техники и технологии (Л. Мамфорд);

7) как «сверхорганизованное» бюрократизированное общество, в котором господствуют тенденции к униформизму и отчуждению (К. Мангейм) (см. [4, с. 15]).

Очевидно, что в подобной классификации имеет место смешение оснований, так как одни концепции основываются на формах проявления массовидных общностей в общественной жизни, другие описывают их происхождение, третьи касаются описательной характеристики, а четвертые акцентируют внимание на влиянии масс на общественное развитие. С одной стороны, все эти моменты необходимо учитывать, но в рамках одного теоретического подхода, в рамках одной модели, так как для полного освещения проблемы все перечисленные аспекты должны быть затронуты. С другой – при таком многообразии научных мнений относительно масс возникает вопрос, а можно ли говорить о массе как об отдельном явлении, хоть и проявляющемся по-разному, но обладающем необходимой внутренней логикой и безошибочно определяемом.

С тем, чтобы реализовать обозначенные цели, обратимся к взглядам Г. Блумера. Он разработал концепцию коллективного поведения, которое характерно именно для таких общностей,

которые в нашей работе называются массовидными. «Природа коллективного поведения предполагает рассмотрение таких явлений, как толпы, сборища, панические настроения, мании, танцевальные помешательства, стихийные массовые движения, массовое поведение, общественное мнение, пропаганда, мода, увлечения, социальные движения, революции и реформы. Социологи всегда интересовались этими явлениями, но только в последние годы были предприняты попытки сгруппировать их в единый раздел социологии и рассмотреть в качестве различных выражений одних и тех же основополагающих факторов. Термин «коллективное поведение» употребляется для обозначения этой сферы интересов социологии» [1, с. 166].

Коллективное поведение, полагает Блумер, может включать элементарные и организованные формы поведения. Организованные формы поведения представляют собой его устоявшийся, нормированный и институционализованный вариант, т.е. его реализацию по принятым и характерным для данного института нормам. Неорганизованные же, элементарные его формы представляют особый интерес, так как касаются той сферы социологии, которая, не останавливаясь на традиционных предметах изучения, переходит к не традиционным, но распространенным и имеющим влияние в современном обществе формам проявления социальности.

Для того чтобы выделить основные признаки массовидных общностей, необходимо рассмотреть механизмы элементарного коллективного поведения и показать их общность для всех проявлений массовости в обществе. Но сначала остановимся на элементарных коллективных группировках. Среди них Г. Блумер выделяет, в первую очередь, толпу, массу и общественность. «Термин «общественность» используется по отношению к группе людей, которые: а) сталкиваются с какой-то проблемой; б) разделяются во мнениях относительно подходов к решению этой проблемы; в) вступают в дискуссию, посвященную этой проблеме. Как таковую ее следует отличать от общественности в смысле составляющих нацию людей, в каком, например, можно говорить об общественности Соединенных Штатов, а также от приверженцев, например, какой-нибудь кинозвезды, которых также называют общественностью (public). Наличие проблемы, дискуссии и коллективного мнения является отличительным

признаком общественности». Г. Блумер относит общественность к элементарным коллективным группировкам, так как она возникает спонтанно, как естественный отклик на возникшую ситуацию. «Этот элементарный и спонтанный характер общественности может быть лучше понят, если обратить внимание на то, что общественности, подобно толпе и массе, недостает характерных черт общества. Существование какой-то проблемы означает, что группа должна действовать; отсутствуют, однако, представления, определения и правила, предписывающие, чем должно быть это действие. Если бы они были, то не было бы, конечно же, никакой проблемы. Именно в этом смысле мы можем говорить, что у общественности нет никакой культуры – никаких традиций, которые ей диктовали бы, каким быть ее действию» [1, с. 186].

Но автор сам замечает, что общественность отличается некоторой несостоятельностью. Он сначала выделяет ее в качестве отдельного выражения массовости, но потом оговаривается, что общественность, в принципе, явление промежуточное и вскоре после возникновения переходит в форму массы или толпы. «Прежде чем завершить обсуждение общественности, следует отметить, что при определенных условиях общественность может превратиться в толпу. Почти любая пропаганда стремится каким-либо образом осуществить это. Когда люди, составляющие общественность, возбуждены апелляцией к какому-либо общему для них настроению, они начинают толочься и устанавливать контакт. Тогда они выражают себя в форме общественного настроения, а не общественного мнения. В современной жизни, однако, как кажется, тенденция к превращению общественности в толпу слабее тенденции к ее подмене массой. Растущий отрыв людей от своих корней, умножение общественных проблем, распространение механизмов массовой коммуникации вместе с другими факторами привели к тому, что люди стали чаще действовать скорее по индивидуальному выбору, нежели участвуя в каких-то общественных дискуссиях. Это настолько реально, что во многих случаях общественность и масса перемешиваются друг с другом» [1, с. 192].

На основании этих наблюдений Г. Блумера можно сделать вывод, что общественность или уже не актуальна в наши дни как коллективная группировка, или представляет собой форму мас-

сового сознания, но не массовидной общности как таковой. Это подкрепляется тем фактом, что когда толпа и масса (последняя, например, в случае выборов или электорального поведения вообще) играют определенную роль в жизнедеятельности и развитии общества, тогда как общественность уже по определению не может, оставаясь общественностью, играть какую-либо роль. Позволяя общественности принимать форму более ощутимых группировок, рассмотрим толпу и массу. Масса, с точки зрения Г. Блумера, очень напоминает публику Г. Тарда. Это позволяет сделать вывод, что массовидная общность по своей сути принимает две основные формы: одна основана на непосредственном контакте, другая связывается через когнитивные механизмы, на которые влияют средства массовой информации.

Толпа у Г. Блумера рассматривается в четырех основных видах. «Первый может быть назван случайной толпой, как, например, в случае уличной толпы, наблюдающей за манекеном в витрине магазина. Случайная толпа обычно существует лишь мгновения, и, что более важно, она имеет очень рыхлую организацию и едва ли какое-либо единство. Ее члены приходят и уходят, уделяя лишь временно внимание объекту, который возбудил интерес толпы, и вступая лишь в слабую связь (association) друг с другом. Хотя главные механизмы формирования толпы присутствуют в случайной толпе, они настолько незначительны в объеме и слабы в действии, что далее мы не будем заниматься этим типом толпы. Второй тип может быть определен как обусловленная (conventionalized) толпа, как, например, зрители захватывающего бейсбольного матча. Их поведение, по существу, Схоже с поведением случайных толп, за исключением того, что оно выражается в установленных и в упорядоченных формах. Именно эта упорядоченная деятельность и является отличительным признаком обусловленной толпы как особого типа. Третьим типом толпы является действующая, агрессивная толпа, наилучшим образом представленная революционной толпой или линчующим сбродом. Заметным признаком этого типа толпы является наличие цели, на которую направлена деятельность толпы. Этот тип толпы является объектом изучения почти во всех исследованиях толпы. Последний тип – экспрессивная, или так называемая танцующая, толпа, это такая, которая столь часто встречается в религиозных сектах при их возникновении. Ее отличительной

чертой является то, что возбуждение выражается физическим движением просто как некой формой снятия напряжения, а не направленным на какую-либо цель» [1, с. 175–176].

Толпы отличаются отсутствием традиций и норм поведения. В когнитивной сфере для них не характерна идентификация членов с группой, нет статусной структуры, распределения и ролей и четкой позиции лидера. Члены ее не распространяют каких бы то ни было ожиданий друг на друга, отсутствуют признанные формы социального контроля. Она действует не по установленному правилу, а вследствие порыва. «Этот характер толпы может быть лучше оценен, если мы поймем состояние ее типичного члена. Такой индивид теряет обычное критическое восприятие и самоконтроль, как только он вступает в контакт с другими членами толпы и проникается тем коллективным возбуждением, которое господствует над ними. Он прямо непосредственно откликается на замечания и действия других, вместо того чтобы истолковать их, как он сделал бы в обычных условиях. Его неспособность анализировать действия других прежде, чем откликаться на них, порождает его собственное стремление действовать. Следовательно, порывы пробужденные в нем его сочувствием коллективному возбуждению, скорее получат немедленное выражение, чем покорятся его собственному суждению. Именно это состояние является признаком внушаемости; оно объясняет, почему в толпе роль внушения так ярко выражена. Следует отметить, однако, что эта внушаемость ни на йоту не отклоняется от того направления, в котором действуют пробужденные порывы; внушения, которые противоречат им, игнорируются. Это ограничение сферы внушаемости, но вкупе с интенсификацией внушаемости внутри этих границ является тем пунктом, который часто упускался из виду исследователями толпы» [1, с. 177–178].

Масса, какой ее видит Г. Блумер, в последнее время стала играть одну из первых ролей в современной общественной структуре. Подобная форма организации общественной жизни соответствует многим характеристикам постиндустриального и даже информационного общества, хотя в последнем случае масса, вероятно, приобретает несколько иные формы. «В современных – городских и промышленных – условиях жизни массовое поведение вышло на первый план по росту своего масштаба и значения. Это, в первую очередь, обусловлено действием тех

факторов, которые обособили людей от их локальных культур и локального группового окружения» [1, с. 184]. Г. Блумер выделяет четыре основных признака массы: 1) она состоит из индивидов, социальные позиции которых абсолютно различны; это может относиться к классу, профессии, культурному уровню, экономическому благосостоянию и т.д.; 2) индивиды в массе анонимны; 3) индивиды изолированы друг от друга, не вступают в непосредственное взаимодействие, физический контакт; 4) массе присуща «рыхлая» структура, в которой не наблюдается единства и однонаправленности, как в толпе (см. [1, с. 182]).

Что же все-таки делает массу общностью? Для ответа на этот вопрос следует уяснить природу массового поведения. «Ответ обусловлен стремлением каждого индивида ответить на собственные нужды. Форма массового поведения парадоксальным образом складывается из индивидуальных линий деятельности, а не из согласованного действия. Эти индивидуальные деятельности, в первую очередь, выступают в форме выборов – таких, например, как выбор новой зубной пасты, книги, пьесы, партийной платформы, новой моды, философии или религиозных убеждений, – выборов, которые являются откликом на неясные порывы и эмоции, пробуждаемые объектом массового интереса. Массовое поведение даже в качестве некой совокупности индивидуальных линий поведения может приобрести важное значение. Если эти линии сходятся, влияние массы может быть огромным, как это показывают далеко идущие воздействия на общественные институты, вытекающие из сдвигов в избирательных интересах массы. Из-за подобных сдвигов в интересах или вкусах может потерпеть крах какая-нибудь политическая партия или же коммерческое предприятие» [1, с. 83–184].

Мы рассмотрели две различные модели человеческих общностей. Преобладание толпы и массы в том или ином общественном устройстве обычно не совпадает по времени, они многим отличаются друг от друга. Что же позволяет делать вывод о том, что толпа и масса (в узком смысле) являются двумя основными формами проявления одного и того же общественного явления? Для того чтобы продемонстрировать связь между ними, обратимся к взгляду Г. Блумера на то, через какие этапы происходит формирование толпы. «Сначала происходит какое-либо волнующее событие, которое приковывает внимание и пробуждает

интерес людей. Становясь все более поглощенным этим событием и подстрекаемым его возбуждающим характером, индивид лишается части своего обычного самоконтроля и подчинению возбуждающему объекту. Далее этот вид переживания, пробуждая различные порывы и эмоции, создает определенную ситуацию напряжения, которая, в свою очередь, побуждает индивида к действию» [1, с. 176].

Если спроецировать этот механизм на массу (например, аудиторию телеканала), то мы убедимся, что подобный процесс не только возможен в ситуации с массой, но и провоцируется создателями передач. Манерой подачи материала, особой напряженностью, подчеркиванием важности, срочности и уникальности передаваемой информации создатели программ приковывают внимание телезрителей и формируют у них подсознательную потребность узнавать все новые и новые подробности событий, иначе они не будут чувствовать уверенности, теряя контроль над ситуацией. Следующий этап формирования толпы – зарождение толчеи, «напряжение индивидов, возбужденных каким-либо волнующим событием, что заставляет их суетиться и болтать друг с другом; в этой толчее первоначальное возбуждение растет. Возбуждение каждого передается другим и, как мы отметили выше, отражаясь, возвращается обратно к каждому и усиливает его собственное возбужденное состояние». В случае с массой этот этап реализуется, с одной стороны, благодаря интенсивности транслируемой информации, которая, в принципе, самостоятельно способна увеличивать возбужденность индивидов, но, с другой стороны, обмен мнениями и нарастание возбуждения имеет место и в массах, так как при массовой коммуникации усвоение информации происходит в два этапа, как еще в 1944 г. на исследовании «Выбор народа» продемонстрировали Лэйзерсфельд, Берельсон и Гаде. Они обосновали, что информация, транслируемая СМИ, качественно усваивается только при последующем межличностном обсуждении, и доказали, что межличностное общение необходимо в процессе массовой коммуникации. В нашем случае оно обеспечивает необходимый для формирования любой массовидной общности процесс первичного обмена мнениями, хотя последующий выбор представителями массы будет осуществляться индивидуально [2, с. 172]. «И другой важный результат может проистекать

из процесса толчеи, который можно рассматривать как третий важный этап в процессе формирования действующей толпы. На этом этапе возникает некий общий объект внимания, на котором фокусируются порывы, эмоции и воображение людей... Его важность состоит в том, что он задает людям некую общую ориентацию, и, таким образом, сообщает их деятельности некоторую общую цель». Объект всеобщего внимания – образ, событие или происшествие – средствами массовой информации преподносится огромному количеству людей и заставляет сосредотачиваться на нем всю аудиторию. «Последний этап можно представить себе как стимулирование и поощрение порывов, соответствующих цели толпы, вплоть до того момента, когда ее члены готовы действовать под их влиянием. Одобрение и кристаллизация порывов являются результатом взаимного возбуждения, которые имеют место в толчее в качестве отклика на лидерство». Если лидерство можно считать последней стадией становления толпы, то таким же образом преданность тому или иному персонажу, созданному или транслируемому СМИ, доверие к нему – необходимая составляющая удачного процесса коммуникации. Лидером может стать лицо, представляющее референтную группу в рекламном ролике, политический деятель или журналист, от чьего лица даются комментарии тому или иному происшествию.

Таким образом, основываясь на сформулированных Г. Блумером положениях об особенностях коллективного поведения, можно сделать вывод, что механизмы возникновения толпы и массы одинаковы, и категорию «массовидная общность», представленную двумя этими общественными формами, можно рассматривать как единую и исследовать закономерности возникновения и функционирования.

Литература

1. *Блумер, Г.* Коллективное поведение / Г. Блумер // Американская социологическая мысль: тексты / под. ред. Добренькова В.И. М., 1996.
2. *Брэтон, Ф.*Выбух камунікацыі / Ф. Брэтон, С. Пру. Мінск, 1995.
3. *Московичи, С.* Век толп / С. Московичи. М., 1998.
4. *Ольшанский, Д.В.* Психология масс / Д.В. Ольшанский. СПб, 2002.

Научное издание

ЕВРОПА:
НОВОЕ СОСЕДСТВО 2007

Материалы международной научной конференции
студентов и аспирантов
6-7 мая 2007 г.
Вильнюс

Сборник научных трудов

В авторской редакции
(ответственность за недостоверность фактов,
приведенных в текстах, несут авторы)

Ответственный редактор *Г.Я. Миненков*
Художник *Т.Ю. Таран*
Корректор *У.Ю. Верина*
Технический редактор *О.Э. Малевич*

Взгляды авторов могут не совпадать с мнением редакции

Издательство
«Европейский гуманитарный университет»
г. Вильнюс, Литва
www.ehu.lt
e-mail: office@ehu.lt

Подписано в печать 21.04.2008. Формат 60x84$^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура «Сегое».
Уч.-изд. л. 11,07. Усл. печ. л. 15,75. Тираж 100 экз.

Отпечатано «Petro Ofsetas»
Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius